

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 6 ЭКОНОМИКА

№ 2 • 2014 • МАРТ—АПРЕЛЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Междисциплинарные исследования

- Баджо Р., Шерешева М.Ю. Сетевой подход в экономике и управлении: междисциплинарный характер 3
- Шашитко А.А. Эмпирическая оценка роли экономического анализа в российском антитрасте 22

Вопросы управления

- Бобылева А.З. Подходы к проектированию комплексных программ антикризисного управления вузами 45

История экономики и управления

- Белоусов В.Д., Бирюков В.А. Преобразования в денежном обращении России в годы Первой мировой войны 61

Мировая экономика

- Багдасарян А.М. Перспективы интеграции рынка ценных бумаг в странах СНГ. 70

Трибуна преподавателя

- Герасименко В.В. Переосмысление управленческого образования: поиск междисциплинарных подходов 85

Научная жизнь

- Тутов Л.А. Опыт междисциплинарного взаимодействия: обзор итогов ежегодной научной конференции Новой экономической ассоциации «Междисциплинарные исследования экономики и общества» 99
- Васильева Н.И. Глобализация экономики на современном этапе: преимущества, угрозы и перспективы. 113

Interdisciplinary Researches

- Baggio R., Sheresheva M.Y. Network Approach in Economics and Management: the Interdisciplinary Nature 3
- Shastitko A.A. The Empirical Evaluation of the Role of Economic Analysis in the Russian Antitrust 22

Management Questions

- Bobyleva A.Z. Designing Integrated Models of Crisis Management of Universities. 45

Economy and Management History

- Belousov V.D., Biryukov V.A. Monetary Problems in Russia in the Years of World War I 61

World Economy

- Baghdasaryan A.M. The Prospects for the Securities Market Integration in the CIS Countries. 70

Professor's Tribune

- Gerasimenko V.V. Rethinking Managerial Education: Search for Multidisciplinary Approaches 85

Scientific Life

- Tutov L.A. Interdisciplinary Interaction: Results of the Annual Scientific Conference of the New Economic Association "Interdisciplinary Research in the Economy and Society". 99
- Vasilieva N.I. Modern Globalization of Economy: Advantages, Threats and Prospects 113

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Р. Баджо¹,

Университет Боккони (Милан, Италия),

М.Ю. Шерешева²,

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

СЕТЕВОЙ ПОДХОД В ЭКОНОМИКЕ И УПРАВЛЕНИИ:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР

В данной статье акцентируется внимание на междисциплинарном характере формирующейся сетевой парадигмы в экономических и управленческих науках. Показаны точки соприкосновения разных подходов, в том числе тех, корни которых уходят в область естественных наук. Авторы кратко характеризуют вклад различных научных дисциплин в формирование методологии исследования сетевых форм, получивших широкое распространение в современной экономике. Во второй части статьи дан пример использования методов, первоначально применявшихся для решения задач теоретической физики, к исследованию социально-экономических систем. В заключение сделаны выводы относительно перспектив междисциплинарного подхода в формировании науки о сетях.

Ключевые слова: сеть, механизм координации, сетевой подход.

R. Baggio,

L'Università Commerciale Luigi Bocconi (Milano, Italia),

M.Y. Sheresheva,

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

NETWORK APPROACH IN ECONOMICS AND MANAGEMENT:
THE INTERDISCIPLINARY NATURE

This article focuses on the interdisciplinary nature of the emerging network paradigm in economic and management sciences. The intersection of different approaches is unveiled, including those rooted in the natural sciences. The authors briefly describe the contribution of different disciplines in the development of research methodology applied to network forms widespread in contemporary economy. The second part presents an example of using techniques originally applied to solve the problems of theoretical physics to the study of socio-eco-

¹ *Баджо Родольфо*, PhD, доцент Департамента анализа политики и государственного управления; e-mail: rodolfo.baggio@unibocconi.it

² *Шерешева Марина Юрьевна*, докт. экон. наук, профессор кафедры прикладной институциональной экономики; тел.: +7 (495) 939-28-82; e-mail: sheresheva@econ.msu.ru

nomical systems. Conclusions are drawn concerning the prospects for an interdisciplinary approach in shaping the science of networks.

Key words: network, coordination mechanism, network approach.

Постановка проблемы

Рост интереса к сетевым формам среди специалистов по экономике и управлению явился одной из причин произошедшего в конце XX в. выбора базовых теоретических подходов к анализу социально-экономических явлений. Внимание к роли взаимоотношений, контекста, сложных систем закономерно растет, оставляя меньше пространства для объяснения экономических явлений с позиций индивидуализма и эссенциализма [Borgatti, Foster, 2003]. Это закономерное изменение — реакция на новые характеристики глобального информационного пространства, где скорость и интенсивность связей между экономическими агентами многократно увеличились [Levitt, 1983; Castells, 1996; Stalder, 1998; Dicken, 2003; Hamel, 2012; Доклад об информационной экономике..., 2007]. Происходит формирование « сетевого общества » — динамичной открытой системы. Ее основой являются « сети производства, власти и опыта » [Кастельс, 2000, с. 505].

Актуальность и научная значимость изучения феномена сетей не вызывает сомнения в научном сообществе. Однако мозаичность теоретической и концептуальной базы обуславливает размытость границ этой области исследований. Такая ситуация сложилась вследствие того, что разработка подходов к исследованию сетей в гуманитарных науках изначально шла по нескольким направлениям. Первые публикации, авторы которых специализировались в разных областях, задали множественность исходных теоретических предпосылок. Ученые, работающие в рамках каждого направления, сформировали собственное видение и собственный пласт эмпирических данных.

По мере развития сетевого подхода в общественных науках становилась все более насущной проблема «стыковки» методов и выработки единой терминологии, а также включение в методологию исследований релевантного инструментария, выработанного представителями естественных наук. Как было отмечено на ежегодной научной конференции «Междисциплинарные исследования экономики и общества» [Тутов, 2014], организованной Новой экономической ассоциацией, только синтез наук позволяет изучить и понять процессы, которые происходят в современном обществе.

В данной статье рассмотрен вклад разных научных дисциплин в формирование базовых положений сетевого подхода к исследованию социально-экономических систем, показано разнообразие

направлений, по которым идет развитие теоретических взглядов в текущем десятилетии, а также представлен пример исследования, в основе которого лежит соединение различных подходов.

Междисциплинарный подход в теории сетей

Изучение научной литературы, описывающей эволюцию сетевой концепции, показывает, что все множество направлений, развивавшихся в XX в., можно разбить на две большие условные группы:

1) «математические» подходы, сфокусированные на рассмотрении абстрактных характеристик и свойств идеальных сетей;

2) «социально-научные», в рамках которых изучается сетевое взаимодействие индивидов или организаций.

Формальный язык для описания сети и ее особенностей дает раздел математики, известный как теория графов. Ее родоначальником считается известный математик Л. Эйлер, опубликовавший в 1736 г. работу *Solutio problematis ad geometriam situs pertinentis*, в которой разбиралась знаменитая «задача о кенигсбергских мостах» [Euler, 1736]. Решая эту конкретную проблему, Л. Эйлер подошел к рассмотрению объекта исследования как к некоей абстракции, придав значение структурным характеристикам [Biggs et al., 1976]. Указанная работа стала краеугольным камнем дисциплины, известной как топология и предугаданной почти за столетие до этого Г. Лейбницем [Leibniz, 1693]. Топология сети описывается диаграммой-графом, где различные элементы показаны в виде точек, а связи между ними — в виде линий [Берж, 1962; Харари, 2003; Ritter et al., 2011].

В гуманитарных науках соответствующий математический инструментарий первыми стали применять представители *психологии, социально-культурной антропологии и социологии*.

Исследования, выполненные *социальными психологами*, акцентировали внимание на сетевом характере межличностных взаимодействий. В 30-е гг. XX в. Дж. Морено сформулировал идею о построении *социограмм* — графического изображения позиций индивидов в группе и существующих между ними связей [Moreno, 1934]. Он ставил своей целью определить структуру отношений между отдельными личностями, группами или организациями, чтобы изучить, как та или иная конфигурация может повлиять на убеждения или поведение. С именем психолога С. Милграма связано появление теории «маленького мира», или «теории шести рукопожатий», подчеркнувшей сетевой характер глобальной цивилизации [Milgram, 1967].

Представители *социально-культурной антропологии* [Radcliffe-Brown, 1940; Nadel, Fortes, 1957; Lévi-Strauss, 1963; Mitchell, 1969]

предложили определять структуру общества через сети отношений, получаемые акторами через выполнение их совместных и взаимных ролей. Б. Уэлман пишет, что «антропологи придавали существенное значение культурным системам нормативных прав и обязанностей, которые предписывают надлежащее поведение в таких ограниченных группах, как племена, деревни или подразделения компаний» [Wellman, 2002, p. 83]. То есть при изучении сети важно выявить ее *структуру и связи* между участниками, опирающиеся на вырабатываемые совместно нормы и правила, а также установить, какие *процессы* протекают в рамках этой структуры.

Подход к изучению сетей в рамках *экономической социологии*, основоположником которого принято считать М. Грановеттера [Granovetter, 1985], указывает на особую роль социальных сетей и институтов в возникновении деловых взаимоотношений. Благодаря работам этого направления был выработан ряд важных положений, позволяющих создавать «работающие» дескриптивные модели социально-экономических систем разного уровня сложности, а также включить в экономический анализ сетей проблематику встроенности (*embeddedness*), доминирования, справедливости, баланса взаимодействий в бизнес-сетях [Barnes, 1952; Bott, 1957; Cook, Emerson, 1978, 1984; Granovetter, 1985; Uzzi, 1996, 1997]. Использование сетевых диаграмм для представления межличностных связей в малых группах (см., например, [Coleman, 1958]) впоследствии привело к применению аналогичных техник для изучения таких феноменов, как коммуникации или диффузия инноваций.

Понимание того, что в основе деловых сетей лежит социальная сеть и ее узлами являются либо отдельные сотрудники или подразделения организации, либо собственно организации [Bode et al., 2010], позволило использовать в экономическом анализе понятие «*социальный капитал*», который может быть реализован только через связи и взаимодействия. Социальный капитал, согласно определению П. Бурдьё, представляет собой «агрегацию действительных или потенциальных ресурсов, которые связаны с включением в прочные сетевые отношения взаимных обязательств или признаний» [Bourdieu, 1980]. Индивиды получают определенные выгоды от постоянного участия в группах в целях доступа к ресурсам и/или создания некоторого ресурса, причем качество социального капитала определяется качеством этих ресурсов. В работах А. Бейвласа [Bavelas, 1948] и Х. Левитта [Leavitt, 1951] было предложено понимать под сетью совокупность *позиций*, связи между которыми являются *потоками ресурсов*. Взаимодействие вовлеченных сторон классифицировалось по содержанию (продукты или услуги, информация, эмоции и т.д.), по форме (длительность и теснота связей), по интенсивности (частота взаимодействий) [Sydow, 1992].

В итоге сформировалась современная логика структурного анализа сетей, имеющая следующие характеристики [Wellman, 2002]:

- поведение обосновывается ограничениями в действиях акторов, обусловленными структурой сети, а не внутренней мотивацией акторов;

- анализ фокусируется на связях между единицами (узлами), а не на делении единиц на категории в соответствии с их внутренними атрибутами;

- взаимоотношения между членами сети в целом совместно влияют на поведение друг друга;

- структура рассматривается как сеть, состоящая из сетей;

- единицей анализа являются не отдельные акторы, а сеть в целом.

Будучи выстроен на основе этих базовых идей, сетевой анализ применяется в социально-экономических науках и во множестве предметных областей. Есть примеры использования сетевой концепции, когда объекты исследования не имеют отношения к социальным связям, а включают в себя связи другого типа, например транспортное сообщение [Lew, McKercher, 2002]. В то же время большинство исследований сводится к трем подходам [Bergy et al., 2004] — анализу личностных социальных сетей, анализу (меж)организационных сетей и анализу политических сетей.

Анализ политических сетей не входит в данную статью. Однако стоит отметить, что включение концепции социального капитала в экономический анализ произошло благодаря работам *политологов*, прежде всего Р. Патнэма, Р. Леонарди и Р. Нанетти [Putnam et al., 1993; Putnam, 1995]. Параллельно в политологической литературе шло развитие этнографических и качественных подходов, в рамках которых исследователи пытались изучить, как паттерны связей в социальных системах влияют на распределение ресурсов.

Что касается *экономики и управления*, то одной из первых работ, в которых рассмотрено сетевое взаимодействие, является широко цитируемая работа А. Маршалла «Принципы экономической теории» [Marshall, 1890]. В ней показано, что устойчивые сетевые взаимодействия экономических агентов, расположенных в непосредственной близости друг к другу и осуществляющих совместную деятельность, получают положительные экстерналии, такие, как обмен важной информацией, доступ к специализированным поставщикам продуктов и услуг, к квалифицированной рабочей силе.

Существуют разногласия относительно того, какие исследования нужно относить к экономической, какие — к управленческой науке [Методология..., 2014]. Это деление условно можно провести следующим образом:

- при исследовании сетей в рамках экономического подхода во главу угла ставится анализ экономической природы сетевых структур, наиболее часто анализируются такие вопросы, как структур-

ные свойства сети, влияние структуры сети на принятие экономических решений, роль экономических стимулов в формировании структуры сети [Walker, 2003; Liu et al., 2005; Yang, Liu, 2012]. Первый из этих вопросов имеет отчетливо эмпирический характер, здесь проявляется дескриптивный характер сети как методического инструмента. Получаемые в ходе соответствующих эмпирических исследований факты подлежат обобщению и, будучи проанализированы и систематизированы, ложатся в основу исследований, отвечающих на второй и третий вопрос, благодаря чему выявляется взаимосвязь между сетевыми взаимодействиями и принятием решений экономическими агентами;

— для управленческого подхода к изучению сетей характерно внимание к стратегиям управления и выявлению источников конкурентных преимуществ, возникающих благодаря сочетанию деятельности входящих в сеть узлов. Управление бизнес-процессами в сетях подразумевает разработку некоего механизма координации, направленного на согласование стратегий, а также адаптацию, упорядочение и синхронизацию всех действий, выполняемых взаимозависимыми участниками сети [Choi, Hong, 2002].

Однако приведенное выше деление крайне условно. Переплетение исходных базовых положений и последующих выводов, касающихся сетей, заставляет рассматривать экономический и управленческий подходы к изучению данных сетей как единый блок исследований, достаточно удачный пример сращивания полезных наработок и идей.

Цементирующим элементом в этом случае является терминологический аппарат *новой институциональной экономической теории (НИЭТ)*. Понятия ограниченной рациональности, оппортунистического поведения, специфичности активов, транзакционных издержек, контрактного подхода в качестве методологического принципа анализа позволяют сравнивать экономическую эффективность разных механизмов координации — «Рынок», «Сеть» и «Иерархия»³.

Если специфичность активов высока, выбор контрагентов относительно продолжения объединенной деловой активности может быть сделан либо в пользу «классической» интеграции (слияние, поглощение), либо в пользу квазиинтеграции [Blois, 1972; Шерешева, 2010], когда в основу совместных действий заложен длительный отношенческий контракт с неопределенным сроком действия [Институциональная экономика..., 2011; Методология..., 2014].

³ Изначально рассматривались только два механизма координации — МК «Рынок» и МК «Иерархия» (фирма). Однако в более поздних работах О. Уильямсон указал на необходимость учета сетевых форм взаимодействия и признал, что теория напрасно «проскакивала проблемы сетевых отношений» ввиду увлеченности дуальными отношениями [Williamson, 1991, p. 230].

Понимание того, что существуют ненулевые транзакционные издержки, позволило применять их как для оценки эффективности взаимодействия [Heide, John, 1988], так и для объяснения выбора экономическими агентами механизма координации. Формирование сети как способ достижения *экономии издержек (cost savings)* и связанное с этим обоснование выбора сети как предпочтительной альтернативы дано в трудах [Powell, 1990; Clemons, Row, 1992; Gerybadze, 1995; Jarillo, 1988, 1995] и конкретизировано в более поздних работах [см., например, Hagenhoff, 2008].

Для объяснения причин возникновения межфирменных сетей используется подход новой институциональной экономической теории (НИЭТ), который переплетается с *ресурсным* (внимание акцентируется на ресурсах и способностях) и *отношенческим* (делается акцент на взаимоотношения) *подходами*.

При ресурсном подходе (Resource-Based View — RBV) фирма рассматривается в качестве основной единицы анализа и утверждается, что фирмы, способные аккумулировать ресурсы и способности, которые являются редкими, ценными, незаменимыми и трудноимитируемыми, будут обладать большими конкурентными преимуществами [Wernerfelt, 1984; Barney, 2001].

По мере развития современных глобальных рынков акцент в ресурсной концепции смещается в сторону компетенций и знаний, важную роль начинают играть понятия *стратегических активов* [Тис и др., 2003] и *динамических способностей* [Катькало, 2006]. Таким образом, речь уже идет о *динамическом ресурсном подходе (Dynamic Resource-Based-View — DRBV)*, в котором упор делается на динамических способностях, в том числе паттернах и процессах формирования различных пучков ключевых ресурсов, способствующих созданию стратегических способностей в рамках сетей [Liu et al., 2009; Tunzelmann, 2010; Pfeffermann, 2011].

Следует отметить, что ресурсный подход не противоречит теории транзакционных издержек, сформулированной в рамках НИЭТ. Эти подходы, которые ранее рассматривались как альтернативы, в современном понимании являются взаимодополняющими. Формирование межорганизационных сетей, как правило, ведет к возрастанию транзакционных издержек в краткосрочном периоде, но позволяет рассчитывать на существенные выгоды в долгосрочной перспективе за счет оптимального использования комплементарных ресурсов и компетенций, создания новой ценности. В частности, выгода от долгосрочного «симбиотического» взаимодействия снижает риск оппортунистического поведения и затраты на осуществление контроля.

Отношенческий подход (Relational View — RV), сформулированный в работах Д. Дайера и Х. Сингха [Dyer, Singh, 1998], базируется на

положении о том, что взаимоотношения генерируют отношенческие ренты⁴ и являются важным средством создания экономической ценности [Bekono Ohana, 2011; Castaldi et al., 2011]. Д. Дайер и Х. Сингх определили отношенческую ренту как «сверхприбыль, совместно извлекаемую в результате взаимоотношений обмена, которую нельзя получить любой из фирм изолированно друг от друга и которая может быть создана только путем совместных идиосинкразических усилий партнеров, специализированных относительно их альянсов» [Dyer, Singh, 1998, p. 662]. Детерминантами отношенческих рент они назвали специфичные для конкретных взаимосвязей активы, процедуры совместного использования знаний, комплементарные ресурсы и способности, а также эффективное управление межфирменными взаимодействиями. Некоторые авторы в качестве источников отношенческих рент указывают также комплементарность активов и социальный капитал.

Возможность консенсуса между приверженцами ресурсного (в его современном виде) и отношенческого подходов очевидна. Согласно мнению большинства сторонников последнего, взаимоотношения в бизнесе ценны тем, что позволяют их участникам использовать и развивать собственные ресурсы за счет связывания их с мобилизованными ресурсами партнеров [Donaldson, O'Toole, 2007]. Другими словами, сетевые межфирменные взаимоотношения позволяют фирмам создавать ценность за счет комбинирования различных ресурсов [Barringer, Harrison, 2000], при этом сами взаимоотношения признаются значимым стратегическим ресурсом. Важный аспект отношенческого подхода — управление развитием сетевых отношенческих ресурсов, получение сетевого эффекта — рассматривается и в рамках ресурсного подхода, в части стратегических решений, связанных с формированием компетенций, динамических способностей, знаний и созданием портфеля соответствующих активов. Не случайно стали появляться публикации, в которых представлены результаты исследований, проведенных на базе комбинирования ресурсного и отношенческого подходов [Liu et al., 2010]. Что касается соотношения между отношенческим подходом и НИЭТ, то заимствования из последней очевидны. Однако это является не минусом, а плюсом, так как позволяет двигаться дальше по пути консолидации теоретических подходов и создания единой сетевой парадигмы.

На рубеже XX и XXI вв. появилось значительное число исследований социально-экономических систем, основанных на подходах, учитывающих теоретические достижения биологии, географии, физики и других естественных наук.

⁴ По [Dyer, Singh, 1998] (relational rent); квазиренты (quasi-rents) по [Peteraf, 1993, p. 155].

Прежде всего, следует отметить рост влияния *эволюционной теории*, в которой подчеркивается исторически обусловленный характер изменений в мировой экономике и активно используется *биологическая* терминология, проводятся аналогии с процессами, происходящими в природе. Нужно подчеркнуть, что современная эволюционная теория справедливо отходит от упрощенческих аналогий с теорией Ч. Дарвина, характерных для социального экономического дарвинизма конца XIX — начала XX в., который, по словам известного социолога того времени Я.А. Новикова, должен быть признан «безусловно ложной теорией». «Приложение ко всему без разбора закона борьбы за существование» породило массу ошибок [Новиков, 2011, с. 128], превратив «почти в канон» борьбу всех против всех и истолковывая ее «как боевой клич “Горе слабым!”», в то время как в теории Ч. Дарвина изначально постулировалось иное понимание борьбы за существование [Kropotkin, 1902]. По словам известного русского зоолога К.Ф. Кесслера, произнесенным на съезде русских естествоиспытателей в 1880 г., «взаимная помощь — такой же естественный закон, как и взаимная борьба; но для прогрессивного развития вида первая несравненно важнее второй» [Кропоткин, 1990, с. 464—465]. Что касается конкуренции, то, по словам Я.А. Новикова, «самыми естественными орудиями в общественной борьбе являются изобретения и следования» [Новиков, 2011, с. 128]. В достаточно полном соответствии с этими двумя постулатами идет развитие дополняющих друг друга теоретических подходов к исследованию сетей в современной эволюционной теории — организационной экологии и теории экосистем бизнеса.

Важнейшей методологической предпосылкой *организационной экологии* [Hannan, Freeman, 1977, 1984] — науки о динамике организационных сообществ — является принцип «коллективной рациональности», который признается господствующим над «индивидуальной рациональностью» отдельной организации и играет ведущую роль в ходе «естественного отбора». Действия, которые могут представляться оптимальными отдельному участнику рынка, могут быть совсем не оптимальными с точки зрения сети фирм или отрасли в целом. Поэтому важным становится исследование действий организаций не в отдельности, а в составе *популяций (populations of organizations)*, также находящихся в определенной «окружающей среде», к которой необходимо постоянно адаптироваться. Каждая популяция занимает свою *рыночную нишу*, определяемую комбинацией ресурсов разного уровня, и развитие одной конкретной организации находится в зависимости от конкурентных преимуществ популяции. Развитие носит *интерактивный* характер и связано с тем, как приспособляются к изменениям другие организации данной и смежных популяций.

По мнению организационных экологов, большинству организаций свойственна *структурная инерция*. Она определяется фиксированным набором действий (как генотип у живых организмов) и характеристиками, *впечатанными* в них с момента истории возникновения [Stinchcombe, 1965]. Это понятие перекликается с понятием *траекторной зависимости*, определяющим границы возможностей прогресса организации или группы организаций [North, 1991; David, 2001]. Направления развития зависят от отправной точки, но при этом существуют множественные траектории, и случайные события могут существенно, иногда необратимо повлиять на итоговый результат развития. Одним из предлагаемых решений может быть анализ стохастических процессов в развитии сетей [Sheresheva, Kolesnik, 2011].

В *теории экосистем бизнеса* развитие также рассматривается как результат процессов, аналогичных естественному отбору в природе, — взаимодействия между отдельными членами, их изменчивости, адаптации друг к другу и, что самое главное, аккумуляции технологического знания [Nelson, Winter, 1982]. Фирмы создают партнерства и союзы, выстраивают системы взаимовыгодных отношений, которые аналогичны симбиотическим союзам и экосистемам, известным из биологии [Moore, 1996; Adner, Kapoor, 2010; Mercier-Laurent, 2013].

Массовый отход от ложно понятого экономического дарвинизма знаменуется ростом популярности термина *coopetition* (сотрудничество конкурентов) [Bengtsson, Kock, 2000, p. 411—425; Osarenkhoe, 2010; Бранденбургер, Нейлбафф, 2012]. Первоначально исследования этого блока носили в основном общетеоретический характер [Lado et al., 1997]. Теперь в поле зрения исследователей находятся вопросы формирования стратегий сотрудничества конкурентов, факторов успеха этих стратегий, принципов принятия решений в данной области [Mariani, 2007, p. 97—126; Coopetition..., 2010; Kim et al., 2013]. Если рассматривать организации как участников коллективных, совместно организуемых действий и совместно используемых ресурсов, нацеленных на достижение общих целей, то сочетание конкуренции и сотрудничества выступает новой формой межорганизационной динамики.

В исследованиях динамики развития сетей прослеживается деление на два больших поднаправления — динамика как управляемый фактор [Alvarez et al., 2010] и динамика как учитываемый фактор [Koka et al., 2006; Koka, Prescott, 2008]. При этом используется еще один биологический аналог — концепция жизненного цикла [Maskell, Malmberg, 2007; Suire, Vicente, 2009, p. 381—404; Menzel, Fornahl, 2010].

В рамках эволюционной теории возникла дополнительная точка междисциплинарного взаимодействия, которая связана с активным

развитием *эволюционной экономической географии* (*Evolutionary Economic Geography*). В теоретических и эмпирических работах этого направления [Martin, Sunley, 2006; The Handbook..., 2010; Boschma, Frenken, 2011] прослеживается переход к изучению эволюции специализированных территорий как единых экосистем, в которых взаимодействует на постоянной основе значительное множество агентов, связанных устойчивыми взаимоотношениями.

Сравнительно недавно появились работы, авторы которых используют при изучении социально-экономических систем методы, первоначально применявшиеся для решения задач *теоретической физики*. Возникший поток публикаций такого рода внес значительный вклад в создание широкого спектра возможных метрик в сетевом анализе [Albert, Barabási, 2002; Baggio et al., 2010; da Fontoura Costa et al., 2011].

С помощью методов статистической физики можно лучше понять условия, в которых происходят критические модификации системы или внезапные изменения ее состояния (фазовые переходы). Предположив, что многие системы обладают универсальными свойствами, не зависящими от конкретного вида составляющих их элементов, можно сформулировать гипотезу, что некоторые универсальные законы применяются к различным типам систем, будь то социальные или экономические, природные или искусственные [Amaral, Ottino, 2004]. Эти допущения дают основание для использования аналогий, позволяющих делать выводы на основе сходства тех или иных характеристик разных систем, как правило, их топологии. То есть можно сказать: если известно, что система или процесс А имеют определенные характеристики, и известно, что система или процесс В имеют по меньшей мере некоторые такие же характеристики, то следует предположить, что В имеет и другие характеристики, свойственные А.

Приняв концепцию системы, рассматриваемой как некая конфигурация элементов, соединенных между собой сетью взаимоотношений, чувствительной к внешним воздействиям, которые могут модифицировать ее структуру или поведение, мы отказываемся от традиционной идеи причинно-следственных связей, которая прямо связана с проблемой предсказуемости, и используем статистические методы для создания возможных эволюционных сценариев и определения вероятности их реализации.

Это знаменует собой переход к анализу *сложных адаптивных систем*. В принципе систему можно считать сложной, если ее части взаимодействуют нелинейным образом. Крайне редко существуют простые причинно-следственные связи между элементами, небольшой толчок может вызвать большой эффект или не вызвать никакого эффекта вообще. Нелинейность взаимодействия между

частями системы генерирует серию специфических свойств, характеризующих сложность ее поведения. Так, любому студенту-физику хорошо известно, что *простой* объект, состоящий всего из двух элементов, — двойной маятник⁵ — имеет непредсказуемое, хаотическое поведение (если применять базовые ньютоновские законы движения). *Простой* косяк рыб, состоящий из нескольких десятков элементов, способен адаптировать свое поведение к внешним условиям без видимых организационных усилий, следуя несколькими простым правилам внутреннего взаимодействия, расстояния и скорости [Reynolds, 1987].

Таким образом, *сложные адаптивные системы* — это особый класс сложных систем, которые подвержены влиянию внешней среды, сами на нее влияют и в которых взаимодействие между элементами имеет динамичную природу. Составные части сложных адаптивных систем «взаимодействуют друг с другом в соответствии с набором правил, которые требуют от них внимания к поведению остальных и реакции на него, чтобы улучшить и свое поведение, и как следствие поведение всей системы, в которую они входят» [Stacey, 1996, p. 10].

Ученые и практики, работающие в данной области, довольно четко представляют, какие симптомы характеризуют такую систему. Наиболее важными из них являются [Bar-Yam, 1997; Levin, 2003; Waldrop, 1992]:

— *недетерминированность*. Невозможно точно прогнозировать поведение сложной адаптивной системы, даже если известны функции ее элементов; единственные предположения, которые могут быть сделаны, являются вероятностными;

— *наличие обратных циклов (положительных или отрицательных)*. Связи между элементами становятся более важными, чем их собственные специфические характеристики, и циклы обратной связи могут влиять на общее поведение системы;

— *распределенный характер*. Многие свойства и функции не могут быть точно локализованы, во многих случаях есть избыточность и дублирование; это распределенная система;

— *возникновение и самоорганизация*. Ряд возникающих свойств невозможно прямо идентифицировать или предсказать, основываясь на понимании компонентов. Система способна «поглотить удар» и оставаться в прежнем состоянии или неожиданно быстро восстановить свое состояние («система с пружиной»). В критических точках неустойчивости система реорганизуется через механизмы обратной связи. Однако та же самая система может подвергнуться изменениям вследствие кажущихся совершенно незначительными

пертурбаций, которые могут довольно быстро нарастать, распространяясь лавинообразно;

— *самоподобие (self-similarity)*. Это означает, что если увеличить или уменьшить (приемлемым способом) масштаб рассматриваемой системы, то получится система, подобная первоначальной;

— *ограниченная разложимость* на составляющие. Совершенно невозможно изучать динамичную структуру путем разложения ее на функционально стабильные части; только подход с точки зрения «системы как целого» может объяснить характеристики и поведение сложной адаптивной системы.

Примеры сложных адаптивных систем встречаются повсюду: паттерны птиц в полете, взаимодействия различных форм жизни в экосистеме, поведение потребителей в отношении розничных покупок, поведение отдельных индивидов и групп в сообществах, экономика, фондовый рынок, погодные условия, землетрясения, пробки на дорогах, иммунная система, речная сеть и др.

Применение такого подхода подразумевает, что при рассмотрении социально-экономических систем будет найден ряд различных компонентов, имеющих разные размеры и выполняющих разные функции, соединенные множеством способов, которые, как правило, являются динамичными и нелинейными по своей природе. Поведение этих систем почти непредсказуемо и неуправляемо (по крайней мере, в традиционном смысле слова). Они проявляют свойства, которые не могут быть получены простым суммированием поведения и свойств его компонентов. В некоторых случаях данная система способна противостоять огромным внешним шокам (например, стихийные бедствия или финансовые кризисы) без существенного изменения своего состояния. В других случаях аналогичная система может быть полностью разрушена последствиями некоторых событий, изначально кажущихся незначительными [Baggio, 2008; Bar-Yam, 1997].

Если структурные связи возможно воспроизвести в простой форме в известной среде, то может быть построена математическая модель и ее результаты могут быть распространены на аналогичные (неизвестные) системы [Gentner, 1983]. Поэтому в данном случае методы и техники анализа и прогнозирования, а также контроля структуры и поведения системы опираются на имитационные модели. Для тестирования реакции системы на изменение параметров модели используются эволюционные сценарии [Bankes, 2002]. Когда при изучении сетей вызывает интерес их поведение как целого, возможность прогнозирования на этом уровне и нахождения закономерностей, основанных на неупорядоченном поведении каждого отдельного элемента, то именно использование таких методов позволяет пренебречь поведением каждого отдельного индивида и сконцентрироваться на агрегированных свойствах целого.

⁵ Маятник, прикрепленный к другому маятнику.

Главный результат и сила данного подхода состоят в признании того факта, что многие системы демонстрируют универсальные свойства независимо от специфической формы (топологии) составляющих их элементов. На этом основании можно выдвинуть гипотезу, что для многих типов сложных систем проявляются некие универсальные законы независимо от того, являются ли системы социальными, экономическими или биологическими. Другими словами, такие предположения дают основу для применения подхода по аналогии. Когда удается установить сходства между разными феноменами, можно допустить, что в их основе лежат некие общие принципы. Это будет особенно справедливо, когда подобное сходство существует между функциями элементов в разных системах или между их структурами.

Выводы

Можно констатировать, что формирование методологии исследования сетей проходит в рамках целого ряда научных направлений и школ. В основу формирующейся теории сетевой организации легли методологические подходы и эмпирические результаты, явившиеся итогом исследований в психологии, социологии, политологии, экономики и менеджмента, а также элементы исследовательской методологии, разработанной в сфере естественных наук — физики, математики, биологии, географии. Междисциплинарность можно считать исторически и логически обусловленной характеристикой современных исследований в этой области.

Эволюция научных взглядов уже выявила общие элементы методологии, активно используемые большинством ученых. Наличие таких элементов обуславливает постепенную диффузию, увеличение точек соприкосновения и взаимную конструктивную ассимиляцию наиболее ценных наработок ученых разных дисциплинарных направлений. В связи с этим в последние годы в области исследования сетей наблюдается заметное расширение исследовательского инструментария. Однако нерешенными остаются многие серьезные теоретические и методологические вопросы.

Открытие новых феноменов, появление типовых результатов исследований, появление первых учебников и университетских дисциплин — все это свидетельствует о переходе от допарадигмальной стадии к стадии основания парадигмы и формирования нормальной науки. Согласно теории Куна [Kuhn, 1970], отсюда достаточно далеко до реального создания новой парадигмы. Науке о сетях предстоит пройти через аномалии, кризис, революцию и лишь после этого получить всеобщее признание в качестве принятой исследовательским сообществом научной парадигмы. Тем не менее налицо движение от фактологического, описательного подхода, который

закономерен для начального этапа развития любого научного направления и позволяет накопить большой массив эмпирических данных, к дальнейшей разработке сетевой парадигмы и поиску синтеза наук, участвующих в разработке нового проблемного поля.

Список литературы

- Берж К.* Теория графов и ее применение. М., 1962.
- Бранденбургер А., Нейлбафф Б.* Co-opetition. Конкурентное сотрудничество в бизнесе / Пер. с англ. М., 2012.
- Доклад об информационной экономике 2007/2008. Наука и техника на службе развития: новая парадигма ИКТ. Нью-Йорк; Женева, 2007.
- Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория / Под ред. А.А. Аузана. 2-е изд. М., 2011.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
- Катькало В.С.* Эволюция теории стратегического управления. СПб., 2006.
- Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1990.
- Манахова И.В.* Трансформации потребления домохозяйств в информационной экономике: теоретический и эмпирический анализ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2013. № 6.
- Методология исследования сетевых форм организации бизнеса / Под науч. ред. М.Ю. Шерешевой. М., 2014.
- Новиков Я.* Социальный дарвинизм // Федеральный образовательный портал ЭСМ. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/10/21/1267240249/Novikov.pdf> (дата обращения: 20.01.2014).
- Тис Д.Д., Пизано Г., Шуен Э.* Классика теории стратегического управления // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. 2003. № 4.
- Туттов Л.А.* Опыт междисциплинарного взаимодействия: обзор итогов ежегодной научной конференции Новой экономической ассоциации «Междисциплинарные исследования экономики и общества» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2014. № 6.
- Харари Ф.* Теория графов. М., 2003.
- Шерешева М.Ю.* Формы сетевого взаимодействия компаний. М., 2010.
- Adner R., Kapoor R.* Value Creation in Innovation Ecosystems: How the Structure of Technological Interdependence Affects Firm Performance in New Technology Generation // Strategic Management J. 2010. N 31.
- Albert R., Barabási A.L.* Statistical Mechanics of Complex Networks // Rev. of Modern Physics. 2002. Vol. 74.
- Amaral L.A.N., Ottino J.M.* Complex Networks — Augmenting the Framework for the Study of Complex Systems // European Physical J. B. 2004. Vol. 38.
- Baggio R.* Symptoms of Complexity in a Tourism System // Tourism Analysis. 2008. Vol. 13. N 1.
- Baggio R., Scott N., Cooper C.* Network Science — a Review Focused on Tourism // Annals of Tourism Research. 2010. Vol. 37. N 3.
- Bankes S.C.* Tools and Techniques for Developing Policies for Complex and Uncertain Systems // Proceedings of the National Academy of the Sciences of the USA. 2002. Vol. 99. Suppl. 3.

- Barabási A.L., Albert R.* Emergence of Scaling in Random Networks // Science. 1999. Vol. 286. N 5439.
- Barnes J.A.* Class and Committees in the Norwegian Island Parish // Human Relations. 1952. N 7.
- Barney J.B.* Is the Resource-Based View a Useful Perspective for Strategic Management Research? Yes // Academy of Management Rev. 2001. Vol. 26. N 1.
- Barringer B.R., Harrison J.S.* Walking a Tightrope: Creating Value through Interorganizational Relationships // J. of Management. 2000. Vol. 26. N 3.
- Bar-Yam Y.* Dynamics of Complex Systems. Reading, MA, 1997.
- Bavelas A.A.* Mathematical Model for Group Structures // Human Organization. 1948. Vol. 7. N 3.
- Bekono Ohana S.* Les Comportements Relationnels des Entreprises: Elements d'une Typologie (Relational Behavior of Firms: Elements of a Typology) // La Revue des Sciences de Gestion. 2011. Vol. 46. N 251. Sept.—Oct.
- Bengtsson M., Kock S.* Coopetition in Business Network — to Cooperate and Compete Simultaneously // Industrial Marketing Management. 2000. Vol. 29. N 5.
- Berry F., Brower R., Choi S.O., Goa W.X., Jang H.S., Kwon M., Word J.* Three Traditions of Network Research: What the Public Management Research Agenda Can Learn from Other Research Communities // Public Administration Rev. 2004. Vol. 64. N 5.
- Biggs N.L., Lloyd E.K., Wilson R.J.* Graph Theory 1736—1936. Oxford, 1976.
- Blois K.J.* Vertical Quasi-Integration // J. of Industrial Economics. 1972. Vol. 20. N 3.
- Bode A., Talmon l'Armee T.B., Alig S.* Research Note: Clusters vs Networks — A Literature-Based Approach towards an Integrated Concept // International J. of Globalisation and Small Business. 2010. Vol. 4. N 1.
- Borgatti S.P., Foster P.C.* The Network Paradigm in Organizational Research: A Review and Typology // J. of Management. 2003. Vol. 29. N 6.
- Boschma R., Frenken K.* The Emerging Empirics of Evolutionary Economic Geography // J. of Economic Geography. 2011. Vol. 11. N 2.
- Bott E.* Family and Social Network. L., 1957.
- Bourdieu P.* Le Capital Social // Actes de la Recherche en Sciences Sociales. 1980. Vol. 31. N 1. Janvier.
- Castaldi C., Casper K., Braber R. den.* Strategic Purchasing and Innovation: Relational View // Technology Analysis and Strategic Management. 2011. Vol. 23. N 9.
- Castells M.* The Rise of the Network Society. Vol. 1. Malden, Mass., 1996.
- Choi T.Y., Hong Y.* Unveiling the Structure of Supply Networks: Case Studies in Honda, Acura, Daimler Chrysler // J. of Operations Management. 2002. Vol. 20. N 5.
- Clemons E.K., Row M.C.* Information Technology and Industrial Cooperation // J. of Management Information Systems. 1992. Vol. 9. N 2.
- Coleman J.S.* Relational Analysis // Human Organization. 1958. N 17.
- Cook K.S., Emerson R.M.* Power, Equity and Commitment in Exchange Networks // American Sociological Rev. 1978. Vol. 43.
- Cook K.S., Emerson R.M.* Exchange Networks and the Analysis of Complex Organizations // Research in the Sociology of Organizations. 1984. Vol. 3. N 4.
- Coopetition: Winning Strategies for the 21st Century* // Ed. by S. Yami, S. Castaldo, G.B. Dagnino, F. Le Roy. Northampton, MA, 2010.
- David P.A.* Path Dependence, Its Critics and the Quest for “Historical Economics” // Evolution and Path Dependence in Economic Ideas: Past and Present. 2001. Vol. 15.
- Dicken P.* Global Shift: Reshaping the Global Economic Map in the 21st Century. L.; CA; New Delhi, 2003.
- Donaldson B., O'Toole T.* Strategic Market Relationships: from Strategy to Implementation. N.Y., 2007.
- Dyer J.H., Singh H.* The Relational View: Corporate Strategy and Sources of Interorganisational Competitive Advantage // Academy of Management Rev. 1998. Vol. 23. N 4.
- Euler L.* Solutio Problematis ad Geometriam Situs Pertinentis // Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. 1736. N 8.
- Fontoura Costa L. da, Oliveira O.N., Travieso G., Rodrigues F.A., Villas Boas P.R., Antiqueira L., Viana M.P., Correa Rocha L.E.* Analyzing and Modeling Real-World Phenomena with Complex Networks: a Survey of Applications // Advances in Physics. 2011. Vol. 60. N 3.
- Gentner D.* Structure-Mapping: A Theoretical Framework for Analogy // Cognitive Science. 1983. Vol. 7. N 2.
- Gerybadze A.* Strategic Alliance and Process eDesign. Berlin; N.Y., 1995.
- Granovetter M.* Economic Action and Social Structure: the Problem of Embeddedness // American J. of Sociology. 1985. Vol. 91.
- Hagenhoff S.* Innovations Management für Kooperationen. Göttingen, 2008.
- Hamel G.* What Matters Now: How to Win in a World of Relentless Change, Ferocious Competition, and Unstoppable Innovation. Bass; Wiley, 2012.
- Hannan M.T., Freeman J.* The Population Ecology of Organizations // American J. of Sociology. 1977. N 82.
- Hannan M.T., Freeman J.* Structural Inertia and Organizational Change // American Sociological Rev. 1984. Vol. 49. N 2.
- Heide J.B., John G.* The Role of Dependence Balancing in Safeguarding Transaction-Specific Assets in Conventional Channels // J. of Marketing. 1988. Vol. 52. N 1.
- Jarillo J.C.* On Strategic Networks // Strategic Management J. 1988. Vol. 9.
- Jarillo J.C.* Strategic Networks: Creating the Borderless Organization. 2nd ed. Oxford, 1995.
- Kim S., Kim N., Pae J.H., Yip L.* Cooperate and Compete: Coopetition Strategy in Retailer-Supplier Relationships // J. of Business & Industrial Marketing. 2013. Vol. 28. N 4.
- Koka B.R., Madhavan R., Prescott J.E.* The Evolution of Interfirm Networks: Environmental Effects on Patterns of Network Change // Academy of Management Rev. 2006. Vol. 31. N 3.
- Koka B.R., Prescott J.E.* Designing Alliance Networks: The Influence of Network Position, Environmental Change, and Strategy on Firm Performance // Strategic Management J. 2008. Vol. 29. N 6.
- Kropotkin P.* Mutual Aid: A Factor of Evolution. N.Y.; L., 1902.
- Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, 1970.

Lado A., Boyd N., Hanlon S. Competition, Cooperation, and the Search for Economic Rents: a Syncretic Model // *Academy of Management Rev.* 1997. Vol. 22. N 1.

Leavitt H.J. Some Effects of Certain Communication Patterns on Group Performance // *J. of Abnormal and Social Psychology.* 1951. Vol. 46. N 1.

Leibniz G.W. De Analysi Situs // *Matematische Schriften* / Ed. by C.I. Gerhardt Hildesheim. 1693. Vol. V.

Levin S.A. Complex Adaptive Systems: Exploring the Known, the Unknown and the Unknowable // *Bulletin of the American Mathematical Society.* 2003. Vol. 40. N 1.

Lévi-Strauss C. *Structural Anthropology*, Trans. N.Y.; L., 1963.

Levitt T. The Globalization of Markets // *Harvard Business Rev.* 1983. May–June.

Lew A.A., McKercher B. Trip Destinations, Dateways and Itineraries: The Example of Hong Kong // *Tourism Management.* 2002. Vol. 23. N 6.

Liu B.S.-Ch., Madhavan R., Sudharshan D. DiffuNET: The Impact of Network Structure on Diffusion of Innovation // *European J. of Innovation Management.* 2005. Vol. 8. N 2.

Liu Ch.-L., Ghauri P.N., Sincovics R.R. Understanding the Impact of Relational Capital and Organizational Learning on Alliance Outcomes // *J. of World Business.* 2010. Vol. 45. N 3.

Liu J., Baskaran A., Li Sh. Building Technological-Innovation-Based Strategic Capabilities at Firm Level in China: A Dynamic Resource-Based-View Case Study // *Industry and Innovation.* 2009. Vol. 16. N 4–5.

Mariani M.M. Coopetition as an Emergent Strategy. Empirical Evidence from an Italian Consortium of Opera House // *International Studies in Management and Organization.* 2007. Vol. 37. N 2.

Marshall A. *Principles of Economics.* N.Y., 1922. (First ed. 1890).

Martin R., Sunley P. Path Dependence and Regional Economic Evolution // *J. of Economic Geography.* 2006. Vol. 6. N 4.

Maskell P., Malmberg A. Myopia, Knowledge Development and Cluster Evolution // *J. of Economic Geography.* 2007. Vol. 7. N 5.

Menzel M.P., Fornahl D. Cluster Life Cycles — Dimensions and Rationales of Cluster Evolution // *Industrial and Corporate Change.* 2010. Vol. 19. N 1.

Mercier-Laurent E. *Innovation Ecosystems.* N.Y., 2013.

Milgram S. The Small World Problem // *Psychology Today.* 1967. Vol. 2. N 1.

Mitchell J.C. *The Concept and Use of Social Networks.* USA, 1969.

Moore J.F. The Death of Competition: Leadership and Strategy in the Age of Business Ecosystems. N.Y., 1996.

Moreno J.L. *Who shall Survive?* Washington, DC, 1934.

Nadel S.F., Fortes M. *The Theory of Social Structure.* L., 1957.

Nelson R.R., Winter S.G. *An Evolutionary Theory of Economic Change.* Cambridge, MA, 1982.

North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance.* Cambridge, UK, 1991.

Osarenkhoe A. A Study of Inter-Firm Dynamics between Competition and Cooperation — A Coopetition Strategy // *J. of Database Marketing & Customer Strategy Management.* 2010. Vol. 17. N 3.

Peteraf M.A. The Cornerstones of Competitive Advantage: a Resource-Based View // *Strategic Management J.* 1993. Vol. 14. N 3.

Pfeffermann N. Innovation Communication as a Cross-Functional Dynamic Capability: Strategies for Organizations and Networks // *Strategies and Communications for Innovations: An Integrative Management View for Companies and Networks.* N.Y.; Heidelberg, 2011.

Powell W.W. Neither Market nor Hierarchy: Network Forms of Organization // *Research in Organizational Behavior.* 1990. Vol. 12.

Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // *J. of Democracy.* 1995. Vol. 6. N 1.

Putnam R., Leonardi R., Nanetti R. *Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy.* NJ, 1993.

Radcliffe-Brown A.R. On Social Structure // *J. of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland.* 1940. Vol. 70. N 1.

Reynolds C. Flocks, Herds, and Schools: a Distributed Behavioral Model // *Computer Graphics.* 1987. Vol. 21.

Ritter D., Ackermann J., Bhatt A., Hoffmann F.O. Building a Business Graph System and Network Integration Model Based on BPMN / Ed. by S. Rinderle-Ma, F. Toumani, K. Wolf. Berlin; Heidelberg, 2011.

Sheresheva M.Y., Kolesnik N.A. Stochastic Perspective of Industrial Distribution Network Processes // *Industrial Marketing Management.* 2011. Vol. 40. N 6.

Stacey R.D. *Complexity and Creativity in Organizations.* San Francisco, 1996.

Stalder F. The Network Paradigm: Social Formations in the Age of Information // *The Information Society.* 1998. Vol. 14. N 4.

Stinchcombe A.L. Social Structure and Organizations // *The Handbook of Organizations* / Ed. by J. March. 1965. Vol. 44. N 2.

Suire R., Vicente J. Why Do Some Places Succeed When Others Decline? A Social Interaction Model of Cluster Viability // *J. of Economic Geography.* 2009. Vol. 9. N 3.

Sydow J. *Strategische Netzwerke.* Wiesbaden, 1992.

The Handbook of Evolutionary Economic Geography / Ed. by R.A. Boschma, R.L. Martin. UK, 2010.

Tunzelmann N. Alignment, Misalignment and Dynamic Network-Based Capabilities // *Network Dynamics in Emerging Regions of Europe.* L., 2010.

Uzzi B. The Sources and Consequences of Embeddedness for the Economic Performance of Organizations: The Network Effect // *American Sociological Rev.* 1996. Vol. 61.

Uzzi B. Social Structure and Competition in Interfirm Networks: The Paradox of Embeddedness // *Administrative Science Quarterly.* 1997. Vol. 42.

Waldrop M. *Complexity: The Emerging Science and the Edge of Order and Chaos.* L., 1992.

Walker G. Network Structure, Content and Evolution // *Multi-Level Issues in Organizational Behavior and Strategy (Research in Multi Level Issues. Vol. 2)* / Ed. by F. Dansereau, F.J. Yammarino. UK, 2003.

Wellman B. Structural Analysis: From Metaphor to Theory and Substance // *Social Networks: Critical Concepts in Sociology* / Ed. by J. Scott. L., 2002. Vol. 1.

Wernerfelt B. A Resource-Based View of the Firm // *Strategic Management J.* 1984. Vol. 5. N 2.

Williamson O.E. Comparative Economic Organization: The Analysis of Discrete Structural Alternatives // *Administrative Science Quarterly.* 1991. N 36. June.

Yang Ch., Liu H.-M. Boosting Firm Performance Via Enterprise Agility and Network Structure // *Management Decision.* 2012. Vol. 50. N 6.

А.А. Шаститко¹,

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА РОЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В РОССИЙСКОМ АНТИТРАСТЕ

Предметом исследования, приведенного в данной статье, является роль экономического анализа в российском антитрасте. Экономический анализ служит для квалификации положения хозяйствующих субъектов на рынке, а также для исследования рынка.

Антимонопольная политика находится на стыке экономики и права. Процесс ее развития как в России, так и в США и Европе связан с усилением в ней роли экономики. Большое внимание уделяется обстоятельствам, относительно которых принимается решение (принцип взвешенного подхода), что делает антимонопольное правоприменение более гибким и повышает значимость экономического анализа. То есть квалификация поведения хозяйствующих субъектов обусловлена квалификацией их положения на рынке и сложившимися условиями на нем в целом.

Исследование показало, что экономический анализ является весомым аргументом при судебном разбирательстве и оказывает большое влияние как на его исход, так и на его продолжительность. Однако, согласно результатам исследования, антимонопольная служба России, возможно, недооценивает роль, которую может играть экономический анализ в суде.

Ключевые слова: антимонопольная политика, экономический анализ, принцип взвешенного подхода, судебное разбирательство.

A.A. Shastitko,

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

THE EMPIRICAL EVALUATION OF THE ROLE OF ECONOMIC ANALYSIS IN THE RUSSIAN ANTITRUST

The main objective of this investigation is the role of economic analysis in the Russian antitrust. Economic analysis serves for the qualification of the market positions of economic entities and for the determination of market conditions.

Antitrust policy is at the intersection of economics and law. Its development both in Russia and in the USA and Europe is governed by increasing role of economics.

¹ Шаститко Анастасия Андреевна, аспирант экономического ф-та; тел.: +7 (910) 470-90-25; e-mail: shastitkoanastasia@gmail.com

Выражаю благодарность участникам конференций: 11th Annual Conference Gesellschaft für Recht und Ökonomik e.V. (German Law and Economic Association), 9th Annual Conference (The Italian Society of Law and Economics), XV Международной конференции по проблемам реформирования общественного сектора (СПбГУ).

It makes antitrust law enforcement more flexible, conditioned by circumstances (rule of reason) that enhances the role of economic analysis. It means that the qualification of economic entities behavior depends on the qualification of their market positions and existing market conditions in general.

The study reveals that economic analysis is a powerful argument in a litigation procedure and significantly affects both its outcomes and durability. However, the obtained results show that Russia's antitrust authority is likely underestimate the role that economic analysis could play in litigation.

Key words: antitrust policy, economic analysis, rule of reason, litigation.

1. Введение

Антимонопольное регулирование является одной из таких правовых сфер, где правоприменение должно опираться на принципы экономической теории. Таким образом, антимонопольная политика находится на стыке экономики и права, что порождает как новые для обеих дисциплин подходы к рассмотрению антимонопольных случаев, так и конфликты, вызванные расхождением во мнениях среди представителей дисциплин относительно того или иного метода. Главной отличительной особенностью подхода, связанного с экономической теорией, является применение более гибких норм, в отличие от правового подхода с его четко сформулированными положениями в законе.

В данной работе наряду с вопросом о том, может ли экономическая теория успешно направлять антимонопольную политику, рассматривается такой элемент антимонопольного правоприменения, как экономический анализ рынка. Его логика основывается на идеях экономической теории. В ходе этого анализа определяются условия, сложившиеся на рынке, определяется положение хозяйствующих субъектов на нем, что дает возможность уже более индивидуально разобрать каждый отдельный случай нарушения антимонопольного законодательства и квалифицировать поведение хозяйствующих субъектов. Это придает определенную гибкость нормам, прописанным в законе, так как квалификация поведения хозяйствующих субъектов во многом зависит от их положения на рынке и от условий на рынке в целом.

В центре представленной работы — роль экономического анализа в судебном разбирательстве, когда несогласная(ые) с решением антимонопольного органа компания(ии) оспаривает(ют) его в апелляционном суде. В ходе исследования рассматриваются два типа нарушений, а именно злоупотребления доминирующим положением (ст. 10 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон № 135-ФЗ)) и ограничивающие конкуренцию соглашения (ст. 11 Закона № 135-ФЗ). Для вынесения решения о том, является ли то или иное поведение хо-

зайствующего субъекта противоправным, необходимо определить условия, сложившиеся на рынке, и квалифицировать положение хозяйствующих субъектов на нем. Для этого используется экономический анализ, который проводится согласно правовой норме (Порядку проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке) и состоит из следующих элементов:

- определения временного интервала,
- определения продуктовых границ рынка,
- определения географических границ рынка,
- определения состава хозяйствующих субъектов,
- расчета объема товарного рынка и долей хозяйствующих субъектов на нем,
- определения уровня концентрации товарного рынка,
- определения барьеров входа на товарный рынок,
- оценки состояния конкурентной среды на товарном рынке.

В исследовании оценивается влияние использования экономического анализа при судебном разбирательстве на его исход и на его продолжительность. Также устанавливаются факторы, которые определяют решение антимонопольного органа использовать экономический анализ. Проведенная работа позволяет сделать следующие предположения. Во-первых, использование экономического анализа увеличивает продолжительность судебного дела. По мнению некоторых специалистов, экономический анализ ведет к затягиванию процесса, делает его более громоздким. Это в свою очередь приводит к дополнительным издержкам, которые связаны с рядом причин, от подготовки перечня документов, требуемых для предоставления в суд, до необходимости привлечения эксперта. Во-вторых, использование экономического анализа влияет на исход судебного дела, а именно усиливает позицию антимонопольного органа. С одной стороны, ФАС, особенно центральное управление, имеет преимущества (финансовые, административные) при проведении экономического анализа. Это может объяснять тот факт, что ни в одном из дел в выборке компании не были инициаторами проведения данного анализа. С другой стороны, крупные компании обычно тоже имеют достаточно средств для проведения экономического анализа. Их возможности не уступают возможностям антимонопольного органа, особенно на региональном уровне (территориальные управления ФАС). Тогда проведение экономического анализа в процессе рассмотрения дела в суде, инициированное ФАС, может означать, что именно антимонопольный орган рассчитывает на него как на весомый аргумент. Это определяет выдвинутую гипотезу. В-третьих, факт появления приказа, согласно которому должен проводиться экономический анализ, а также факт использования указанного анализа в суде являются признаками приме-

нения принципа *взвешенного подхода*. Появление приказа, скорее всего, обусловлено пониманием его необходимости на законодательном уровне. Интенсивность использования экономического анализа позволяет понять, насколько российская антимонопольная политика готова к новым подходам на исполнительном уровне. Здесь российская антимонопольная политика продолжает придерживаться тактики, при которой ее роль заключается в контроле выполнения формально прописанных норм. Экономический анализ потенциально служит очень веским аргументом как в руках защиты, так и в руках обвинения. Однако его использование помимо объективных причин может быть продиктовано тем, что Закон № 135-ФЗ предписывает применять экономический анализ в делах по ст. 10 (злоупотребление доминирующим положением) и не предписывает по ст. 11 (ограничивающие конкуренцию соглашения). Таким образом, гипотеза заключается в следующем: большое количество дел, в которых используется экономический анализ, было возбуждено по ст. 10, так как в российском антитрасте его применение обусловлено в основном не объективными причинами, а тем, что это прописано в законе.

Анализ фокусируется на процессе судебных расследований, он не затрагивает вопроса экономических последствий антимонопольной политики. Это означает, что не проводится оценка ее влияния на экономические показатели, но рассматривается набор факторов, которые могут оказать воздействие на антимонопольную политику, выраженную в решении суда по делу о нарушении антимонопольного законодательства.

Соответственно объектом наблюдения при эконометрическом анализе является отдельное судебное разбирательство. Оно имеет ряд характеристик. В исследовании выявляются те из них, что определяют исход судебного дела, его продолжительность, а также влияют на вероятность использования экономического анализа при судебном разбирательстве.

Во второй части данной работы рассматриваются труды, посвященные проблематике взаимодействия экономической и правовой сфер в целом и роли экономического анализа в частности. В третьей части приводится составленная специально для этого анализа база данных. Сопоставление ее с генеральной совокупностью помогает оценить ее репрезентативность. Анализ самой генеральной совокупности позволяет проследить тенденции, сложившиеся за несколько последних лет в российском антитрасте. В четвертой части дается эконометрический анализ, с помощью которого были протестированы выдвинутые гипотезы. В заключении приводится краткий обзор результатов проведенного анализа, а также его ограничения.

2. Обзор литературы

В большинстве работ, посвященных роли экономики в вопросе правоприменения, пристальное внимание уделяется именно методам экономической теории, например возможности анализа поведения экономических агентов на основании структурных моделей. Обычно рассматриваются последствия использования таких методов, их преимущества и недостатки. Отмечается расширение применения методов экономической теории. Последствия такого развития правоприменения могут быть разными, что также является предметом многих исследований.

Специалисты сходятся во мнении, что экономика уже безоговорочно вошла в антимонопольное правоприменение [Muris, 2003; Cateee et al., 2004]. При судебных расследованиях по делам о нарушении антимонопольного права все больший упор делается на экономический анализ и исследование рынка. Расширяется область применения так называемого принципа *взвешенного подхода*. То есть подход к каждому делу становится более индивидуальным, изучаются его обстоятельства, что требует не готового решения, прописанного в законе, а взвешенного экономического анализа.

Такое направление развития антимонопольной политики вслед за США выбрало и ЕС. Это обусловлено необходимостью сближения стандартов применения конкурентного права и норм антимонопольного регулирования из-за глобализации, с одной стороны [Hwang Lee, 2004, p. 111—141], и преимуществ, которые несет с собой использование экономического анализа, — с другой. Главным козырем нового подхода является то, что он дает возможность учитывать те моменты, которые нельзя прописать в законе. «Жизнь слишком сложна, чтобы быть прописанной в законе» [Breuer, 2009, p. 123—135]. В вопросе антимонопольного правоприменения это касается прежде всего положительных эффектов для общества, которые могут быть упущены при буквальном применении правовых норм. Более гибкий же подход требует анализа выгод и издержек того или иного поведения участников рынка. Например, слияние двух фирм может повысить вероятность злоупотребления доминирующим положением, с одной стороны, и снизить транзакционные и производственные издержки, подняв эффективность производства, — с другой. Или, например, нарушением может оказаться не только слишком высокий уровень цен, но и слишком низкий (хищническая ценовая политика). Тогда антимонопольному органу нужно соотнести краткосрочный выигрыш потребителей от низкой цены и долгосрочные потери, которые из-за возможного снижения уровня конкуренции, вызванного «отрицательной» прибылью некоторых хозяйствующих субъектов и соответствующего

сокращения игроков на рынке, будут испытывать потребители. С помощью принципа *взвешенного подхода* можно избежать потери благосостояния из-за вынесенного, согласно формально предписанной норме, решения, например, о запрете слияния двух конкурирующих крупных фирм, которое значительно бы повысило эффективность производства. Таким образом, принцип *взвешенного подхода* снижает вероятность ошибок первого рода, таких, как решения, обвиняющие невиновных, или, например, запрещающие слияния, положительный эффект от которых превышает отрицательный. С другой стороны, противники более гибкого подхода утверждают, что он создает лазейки для нарушителей антимонопольного законодательства и таким образом повышает вероятность ошибок второго рода, таких, как решения, оправдывающие виновных и соответственно разрешающие слияния, отрицательный эффект от которых превышает положительный [Christiansen, 2005].

Еще одной особенностью подхода, основанного на экономической теории, является использование количественных методов. Отношение к этому вопросу среди специалистов неоднозначное. Сторонники применения количественных методов говорят об их объективности, которая стимулирует рост правовой определенности, делает антимонопольную политику более прозрачной и снижает произвол антимонопольных органов [Drauz, 2002, p. 391—399]. Противники, напротив, говорят об отрицательном влиянии применения количественных методов на определенность [Christiansen, 2005]. Выводы количественного анализа зависят от выдвинутых гипотез, доступности данных и критериев оценки. Основываясь на разных моделях, можно получить противоположные результаты по одному и тому же вопросу.

Сам экономический анализ также подвергается критике. Во-первых, его использование влечет за собой дополнительные издержки, связанные с перечнем документов, необходимых для предоставления в суд, а также с привлечением экспертов [Christiansen, 2005]. Во-вторых, экономический анализ придает дополнительный объем материалам по делу, что сказывается на процессе принятия судом решения, так как судьи испытывают недостаток времени. Наиболее предпочтительным считается судебное решение, основанное на четко сформулированных нормах, так как это снижает транзакционные издержки судебного разбирательства и расходы, связанные с судебным процессом. Такой подход менее противоречив, он более понятен широкой публике [Breuer, 2009, p. 123—135].

Отличительной особенностью данной работы от ранее проведенных исследований является ее эмпирический характер. Ее анализ направлен на оценку роли действующей правовой нормы (приказа ФАС от 28.04.2010 № 220 «Об утверждении порядка про-

ведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке»), логика которой исходит из экономической теории в процессе правоприменения, а именно при судебном разбирательстве дела о нарушении антимонопольного законодательства.

Работа Carree, Gunster, Schinkel (2004) также исследует процесс судебного разбирательства дел о нарушении антимонопольного права (статьи о запрете злоупотребления доминирующим положением и ограничивающих конкуренцию соглашений). Для исследования авторами была использована опубликованная база решений антимонопольных органов ЕС и США и решений апелляционных судов по обжалованным делам, составлен перечень характеристик каждого дела, таких, как срок рассмотрения дела, сумма наложенного штрафа, а также количество содержащихся в решении пунктов. Главной целью работы был анализ тенденции развития конкурентной политики. Согласно полученным результатам, количество апелляций растет с уровнем сложности дел (количества документов по делу), а уровень сложности обратно пропорционален вероятности отмены решения антимонопольного органа апелляционным судом. Использование экономического анализа повышает вероятность того, что компания сможет оспорить решение антимонопольного органа.

Стоит заметить, что через несколько лет указанная работа была расширена [Carree et al., 2008]. Авторы выявили сокращение аннулированных судом решений антимонопольных органов и связанный с увеличением сложности рост числа дел, где ни одна из сторон не достигает полной победы. Также было установлено, что рост сложности дел не ведет к значительному повышению срока его рассмотрения.

Ключевыми отличиями представляемой на страницах «Вестника Московского университета» работы от работ зарубежных авторов [Carree et al., 2004, 2008] является то, что в ней исследуются вопросы антимонопольной политики России, а эконометрический анализ направлен не на выявление трендов ее развития, а на установление факторов, которые влияют на ключевые показатели судебного дела.

В России расширение применения подхода, основанного на экономической теории, обусловлено появлением в 2006 г. Порядка проведения анализа и оценки состояния конкурентной среды на товарном рынке, утвержденного приказом ФАС от 25.04.2006 № 108 (далее — Приказ № 108), и пришедшим ему на смену Порядком проведения анализа конкуренции на товарном рынке, утвержденным приказом ФАС от 28.04.2010 № 220 (далее — Приказ № 220). Интенсивность и эффективность использования этих нормативных актов вызывает особый интерес, так как именно они определяют

роль инструментов экономического анализа в российском анти-трасте.

Так, в работе [Авдашева, Шаститко, 2011, с. 122—139] исследовались масштабы применения экономического анализа в России на примере ряда дел о нарушении антимонопольного законодательства, факторы, влияющие на интенсивность использования экономического анализа как ФАС, так и компаниями, а также методы применения данного анализа. Было установлено, что предпочтение в вопросе определения уровня конкуренции на рынке отдается показателям концентрации рынка, тогда как барьеры входа исследуются редко. В работе был отмечен следующий феномен: «Склонность российского антимонопольного органа и судов применять нормы антимонопольного законодательства буквально, не обращая внимания на содержание конкретной ситуации. В результате усилия обвинения и защиты смещаются в сторону доказательства формального соответствия положения и поведения участников нормам закона. В этом контексте экономический анализ оказывается скорее вредным, чем полезным...» Это свидетельствует о неразвитости правила взвешенного подхода в российской антимонопольной политике.

В работе [Курдин, Шаститко, 2013, с. 91—111] также была проанализирована интенсивность и эффективность использования экономического анализа при рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства, в частности по ст. 10 и 11 Закона № 135-ФЗ. Анализ был основан на выборке, состоящей из судебных дел, где применялся экономический анализ, согласно вышеупомянутым Приказам. Внимание было сконцентрировано на следующих элементах экономического анализа: определении временного интервала, определении продуктовых границ рынка и т.д. Доступные данные дали возможность провести корреляционный анализ, который показал, что количество элементов экономического анализа не увеличивает продолжительности судебного разбирательства, а некоторые из элементов даже ведут к ее сокращению.

В отличие от представляемой здесь работы в статье [Курдин, Шаститко, 2013, с. 91—111] не рассматривалось влияние применения экономического анализа на исход судебного процесса, так как в выборке отсутствовали дела, где экономический анализ не использовался. Однако проведенный корреляционный анализ дал некоторые основания предполагать, что если компании оспаривают предоставленный антимонопольной службой экономический анализ, то это повышает их вероятность выиграть дело.

Данная работа «Эмпирическая оценка роли экономического анализа в российском анти-трасте» содержит эконометрический анализ, сделанный на основе расширенной выборки, включающей

дела, где указанный анализ не использовался. Это дало возможность отследить, как влияет применение экономического анализа на такие показатели, как решение апелляционных судов и длительность судебных разбирательств, а также определить факторы, формирующие спрос на экономический анализ при рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства.

3. База данных

3.1. Описание

База данных для исследования была сформирована на основании опубликованных на официальном сайте Арбитражного суда России (<http://arbitr.ru>) решений, которые были вынесены относительно поданных апелляций на решения антимонопольных органов РФ по делам о нарушении антимонопольного законодательства. Выборка состоит из 149 дел за период с 2007 по 2011 г. В нее входят только дела по ст. 10 и 11 Закона № 135-ФЗ, т.е. по статьям о запрете злоупотребления доминирующим положением и о запрете ограничивающих конкуренцию соглашений.

35% дел выборки было рассмотрено в суде с использованием экономического анализа, проведенного согласно Приказу № 108 или 220.

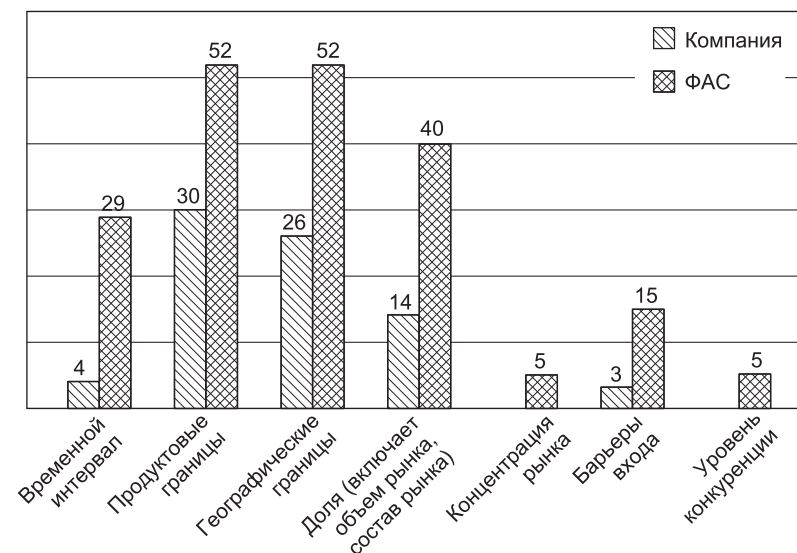
Большая часть переменных, рассматриваемых в анализе, была получена в результате трансформации максимального количества качественной информации, содержащейся в каждом деле, в количественный показатель в виде фиктивной переменной. Каждая из переменных представляет собой определенную характеристику дела. Ниже приведен их полный список:

- использовался ли экономический анализ (1, если да);
- статья — 10 или 11 (1, если 11);
- срок рассмотрения дела;
- решение, принятое по делу, — в пользу компании или в пользу ФАС (1, если в пользу компании);
- количество инстанций (от 1 до 4);
- тип рынка — рынок товаров или рынок услуг; рынок финансовых услуг как отдельный не рассматривался (1, если рынок товаров);
- привлекался ли эксперт (1, если да);
- является ли компания естественной монополией (1, если да);
- относится ли регион, где рассматривалось дело, к группе развитых (1, если да);
- компания оспаривала (1, если оспаривала квалификацию своего положения и соответственно проведенный ФАС экономический анализ, а не только квалификацию своего поведения).

Как было указано выше, экономический анализ состоит из набора элементов. Могут быть использованы сразу все элементы или только некоторые из них.

Предполагается, что для того, чтобы квалифицировать положение компании на рынке, необходимо определить продуктовые и географические границы данного рынка. Поэтому эти этапы присутствовали в каждом деле, где использовался экономический анализ. Определение долей компаний требует расчета объема товарного рынка и установления состава хозяйствующих субъектов. Следовательно, данные элементы анализа всегда встречаются совместно. Если анализ проводился, то прежде всего антимонопольной службой, а компания либо оспаривала его целиком, либо оспаривала некоторые его элементы, либо не оспаривала вообще.

Ниже представлен график, отражающий спрос на элементы анализа как со стороны ФАС, так и со стороны компаний (приложение, табл. I). Статистика составлена на основании 52 дел из выборки, где был применен экономический анализ.

Спрос на элементы экономического анализа

Источник: Высший Арбитражный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <http://arbitr.ru/> (дата обращения: 15.12.2013).

Помимо определения продуктовых и географических границ рынка чаще всего ФАС использовала определение доли компании на рынке. Как было отмечено ранее, определение ФАС продукто-

вых и географических границ рынка происходит автоматически при проведении экономического анализа. Компании чаще всего оспаривали именно эти два элемента. Следует отметить, что определение преодолемости входа на рынок встречалось в три раза чаще, чем определение уровня концентрации на рынке. Это дает основания предполагать, что фокус российской антимонопольной политики перемещается от конкуренции на рынках к состязательности рынков.

В России существуют 82 территориальных управления ФАС, из которых 32 представлены в выборке. Каждое из управлений соответствует региону России. В данном анализе развитым считается регион, относящийся к первой половине рейтинга социально-экономического развития (приложение, табл. II).

В приведенной ниже табл. 1 дана некоторая статистика выборки. Она показывает, что в анализируемых делах преобладали дела о злоупотреблении доминирующим положением (ст. 10). Экономический анализ встречался более чем в трети рассмотренных дел. Количество дел с участием естественных монополий относительно невелико. Присутствует небольшой перевес в количестве принятых решений в пользу ФАС. В среднем дела проходили более двух инстанций. Интересно заметить, что из 52 дел, где был использован экономический анализ, 3 прошли только одну инстанцию, остальные 49 дошли до третьей инстанции.

Таблица 1

Статистика выборки

Показатели	Количество дел	Доля в выборке
Статья 11	37	25%
Рынок товаров	64	43%
Использование экономического анализа	52	35%
Естественная монополия	16	10,7%
Решение в пользу компании	61	43%
Средняя продолжительность дела	14 мес.	
Среднее количество инстанций	3	

Источник: Высший Арбитражный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <http://arbitr.ru> (дата обращения: 15.12.2013).

3.2. Сопоставление выборки и генеральной совокупности

Согласно официальной статистике, число рассмотренных ФАС заявлений по ст. 10 выросло на 67% за пять лет (с 2007 по 2011 г.). Доля возбужденных дел упала на 25% за этот же период. Доля решений ФАС о наличии нарушения выросла на 27,7%, а доля обжалованных решений увеличилась на 4,7%. Доля отмененных судом решений упала на 49%. Из этого можно сделать вывод, что ФАС наращивает свою активность. Повышение доли решений о наличии нарушения может быть вызвано снижением общего количества возбужденных дел, т.е. ФАС стала отсеивать неперспективные дела на более раннем этапе. Также падение доли отмененных судом решений свидетельствует о повышении качества работы ФАС.

Что касается ст. 11, то число рассмотренных заявлений по ней выросло на 88%, тогда как число возбужденных дел — на 133, а доля решений о наличии нарушения — на 38%. Это делает приведенные выше выводы относительно деятельности ФАС еще более обоснованными. Однако по сравнению со ст. 10 доля оспоренных решений по ст. 11 сильно выросла — на 57%, и суды отменили 64% из них. Данные показатели могут означать, что появилась некоторая тенденция, направленная на усиление позиции компаний в случае их обвинения в ограничивающих конкуренцию соглашениях.

Чтобы понять уровень репрезентативности будущих результатов, выборку необходимо сопоставить с генеральной совокупностью. 149 наблюдений выборки составляют 2,8% генеральной совокупности. Представленные в выборке 37 дел по ст. 11 составляют 4%, а 112 дел по ст. 10 — 2,5% соответствующих статей в генеральной совокупности. Доля дел по ст. 11 в выборке составляет 25%, что на 10% больше, чем в генеральной совокупности. В табл. 2 приведены доли решений в пользу компаний в выборке и в генеральной совокупности.

Таблица 2

Доля решений в пользу компаний

Доля решений в пользу компаний	В выборке, %	В генеральной совокупности, %
По ст. 10 (запрет на злоупотребление доминирующим положением)	43,75	15,6
По ст. 11 (запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения)	32	19
По двум статьям	41	16

Источник: Высший Арбитражный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <http://arbitr.ru> (дата обращения: 15.12.2013).

Согласно данным табл. 2, выборка является смещенной. Доля решений в пользу компаний среди дел по ст. 10 почти в три раза больше соответствующей доли в генеральной совокупности. Ситуация с делами по ст. 11 менее критична, но все равно присутствует сильное смещение решений в пользу компаний в выборке по сравнению с генеральной совокупностью. Такое смещение должно быть принято во внимание при интерпретации результатов эконометрического анализа. То есть влияние переменной, которая увеличивает вероятность того, то решение суда будет принято в пользу компании, может быть переоценено.

Причина смещения выборки может заключаться в методе ее формирования. Так как источником данных в нашем случае являются решения судов, опубликованные на официальных сайтах арбитражных судов России, ответ следует искать среди критериев отбора решений судов, которые туда попадают.

4. Эконометрический анализ

Эконометрический анализ позволил получить три типа моделей. Первая из них отражает факторы, от которых может зависеть решение суда, а главное, дает возможность определить роль экономического анализа в судебном процессе. Она направлена на проверку гипотезы о том, что экономический анализ оказывается более сильным аргументом в руках ФАС, чем компании(й).

Первая модель является пробит-моделью и соответствует приведенному ниже уравнению:

$$P_1 = \Phi(\alpha + \beta X + \varepsilon),$$

где P_1 — вероятность того, что компания выиграет дело; X — множество независимых переменных; ε — случайная ошибка.

Таблица 3

Результаты регрессии, где *решение суда* является зависимой переменной

Зависимая переменная	Независимые переменные	Коэффициенты	Предельная вероятность эффекта
Решение суда	Использование экономического анализа	-0,49* (0,23)	-0,19
	Статья 11	-0,4** (0,25)	-0,16
	Константа	0,03 (0,15)	0,01

* — значимость на 5%-м уровне. ** — значимость на 10%-м уровне. $R^2 = 0,03$. Значение стандартной ошибки указано в скобках.

Таблица 3 содержит результаты первой модели. Следующие переменные, которые представляют собой характеристики каждого дела, были проверены на значимость их влияния на решение суда: использовался ли экономический анализ (1, если да); статья — 10 или 11 (1, если 11); тип рынка — рынок товаров или рынок услуг (1, если рынок товаров); привлекался ли эксперт (1, если да); является ли компания естественной монополией (1, если да); относится ли регион, где рассматривалось дело к группе развитых (1, если да); компания оспаривала (1, если оспаривала экономический анализ, проведенный ФАС) (приложение, табл. III, модель 1). В табл. 3 даны переменные, коэффициенты которых оказались значимыми (приложение, табл. III, модель 2). Как выяснилось, два фактора оказывали сильное влияние на решение суда. Так, большинство решений в пользу компаний принято по ст. 10, т.е. аргументация компаний при рассмотрении дела о злоупотреблении доминирующим положением выглядит более убедительно, либо антимонопольные органы склонны в большей степени необоснованно обвинять компании именно по данной статье. При анализе генеральной совокупности было отмечено снижение количества удовлетворенных судом апелляций компаний по ст. 10 и рост их количества по ст. 11. Это означает, что в целом за рассмотренный период времени (с 2007 по 2011 г.) количество обжалованных решений антимонопольной службы по ст. 10 было больше, но наблюдается тенденция к его уменьшению. Однако следует отметить, что выборка является смещенной в части дел по ст. 10 в большей степени, чем по ст. 11, что может оказаться причиной полученного результата.

Согласно результатам модели, экономический анализ сильно влияет на исход судебного процесса. Он усиливает аргументацию ФАС и повышает ее вероятность выиграть дело, что подтверждает выдвинутую гипотезу. Доля решений в выборке в пользу компаний значительно выше, чем в генеральной совокупности. Это означает, что использование экономического анализа может иметь в действительности даже больший эффект.

Отметим, что использование экономического анализа является эндогенной переменной, так как тоже зависит от набора факторов (это будет показано в следующей модели). Для проверки регрессии на проблему эндогенности был использован тест Хаусмана (приложение, табл. III, модель 3), который выявил, что регрессия данной проблемой не страдает, а следовательно, интерпретация ее коэффициентов остается релевантной.

Вторая модель посвящена анализу факторов, которые определяют решение ФАС использовать экономический анализ в судебном процессе. С ее помощью была проверена гипотеза о том, что в российском антитрасте экономический анализ применяется скорее формально, нежели объективно.

Вторая модель также является пробит-моделью и соответствует приведенному ниже уравнению:

$$P_2 = \Phi(\gamma + \delta X + \mu),$$

где P_2 — вероятность того, что экономический анализ используется; X — множество независимых переменных; μ — случайная ошибка.

Таблица 4

Результаты регрессии, где использование экономического анализа является зависимой переменной

Зависимая переменная	Независимые переменные	Коэффициенты	Предельная вероятность эффекта
Использование анализа	Товарный рынок	0,85* (0,22)	0,31
	Статья 11	-0,74* (0,29)	-0,27
	Константа	-0,63* (0,16)	0,23

* — значимость на 1%-м уровне. $R^2 = 0,11$. Значение стандартной ошибки указано в скобках.

Таблица 4 содержит результаты второй модели. Для ее формирования на значимость соответствующих коэффициентов также был проверен список возможных независимых переменных: статья — 10 или 11 (1, если 11); тип рынка — рынок товаров или рынок услуг (1, если рынок товаров); привлекался ли эксперт (1, если да); является ли компания естественной монополией (1, если да); относится ли регион, где рассматривалось дело, к группе развитых (1, если да) (приложение, табл. IV, модель 4). В таблице представлены переменные, которые оказывают значимое влияние на решение антимонопольного органа о применении экономического анализа при судебном разбирательстве (приложение, табл. IV, модель 5). Согласно результатам регрессии, экономический анализ в большей степени использовался в делах о товарном рынке. Значительная часть рынков услуг в выборке является рынками услуг связи. Такие рынки трудно поддаются анализу с использованием стандартного инструментария. Таким образом, экономический анализ на них применялся редко, что и могло стать причиной получившегося результата.

В основном экономический анализ присутствовал в делах по ст. 10. Это говорит о следующем: он используется, скорее, из-за того, что так прописано в Федеральном законе «О защите конкуренции», а не по объективным причинам, что подтверждает выдвинутую ранее гипотезу.

Третья модель была направлена на проверку гипотезы о том, что использование экономического анализа увеличивает продолжительность судебного дела, которую можно интерпретировать как прокси для издержек, с ним связанных. Предполагается, что чем длиннее срок рассмотрения дела, тем выше издержки.

Модель основана на методе наименьших квадратов и соответствует приведенному ниже уравнению:

$$Y = \phi + \omega X + \vartheta,$$

где Y — срок рассмотрения дела, X — множество независимых переменных, ϑ — случайная ошибка.

В таблице 5 приведены результаты последней модели. Для ее построения был использован ряд возможных независимых переменных: использовался ли экономический анализ (1, если да); статья — 10 или 11 (1, если 11); количество инстанций (от 1 до 4); тип рынка — рынок товаров или рынок услуг (1, если рынок товаров); привлекался ли эксперт (1, если да); является ли компания естественной монополией (1, если да); относится ли регион, где рассматривалось дело, к группе развитых (1, если да); компания оспаривала (1, если оспаривала экономический анализ, проведенный ФАС) (приложение, табл. V, модель 7). Тест Бреуша — Пеган выявил проблему гетероскедастичности у получившейся модели (приложение, табл. V, модель 8). Соответственно были применены стандартные ошибки в форме Уайта. В табл. 5 представлены переменные с эконометрически значимыми коэффициентами (приложение, табл. V, модель 9). Также был проведен тест Рамсея, который показал, что упущенных переменных в модели нет (приложение, табл. V, модель 9).

Таблица 5

Результаты регрессии, где срок рассмотрения дела является зависимой переменной

Зависимая переменная	Независимые переменные	Коэффициенты
Срок рассмотрения дела	Количество инстанций	3,45* (0,44)
	Товарный рынок	5,15* (1,26)
	Использование экономического анализа	4,44* (1,47)
	Константа	1,55 (1,18)

* — значимость на 1%-м уровне. $R^2 = 0,4$. Значение стандартной ошибки указано в скобках.

Количество пройденных инстанций имело ожидаемый положительный эффект. Дела, связанные с товарным рынком, длились дольше. Это могло бы быть связано с тем, что при рассмотрении дел о товарных рынках чаще использовался экономический анализ. Однако модель также была проверена на проблему эндогенности, которая выявлена не была (приложение, табл. V, модель 10). Следовательно, причину данного результата нужно искать в другой области. Этот вопрос остается открытым.

Роль экономического анализа также оказалась значимой. При его использовании судебное расследование требовало больше времени. Это дает некоторые основания утверждать, что использование экономического анализа ведет к дополнительным издержкам, что подтверждает выдвинутую гипотезу.

Для завершения анализа был проведен тест на мультиколлинеарность, который выявил ее отсутствие (приложение, табл. III–V). Также следует обратить внимание на возможные проблемы с пробит-моделью. Выборка состоит из менее чем 500 наблюдений, соответственно коэффициенты модели могли быть переоценены.

5. Заключение

Проведенное исследование, посвященное роли инструментов экономического анализа в вопросе применения антимонопольного права, дало следующие результаты. Использование экономического анализа сильно влияет как на решения суда, так и на продолжительность судебного разбирательства. Указанный анализ увеличивает продолжительность судебного разбирательства, что, однако, не дает оснований для окончательных выводов о его воздействии на общественное благосостояние. Необходима дополнительная оценка выгод и издержек его применения для защиты и развития конкуренции.

Проведение анализа усиливает аргументацию ФАС и повышает вероятность того, что она выиграет дело. Соответственно если решение об использовании экономического анализа основывается на его влиянии на исход дела, то применение данного типа аргументации в суде должно расширяться. Возможно, антимонопольный орган не осознает, что применение экономического анализа усиливает его позицию в суде. Оценка факторов, формирующих спрос на экономический анализ, показала, что чаще всего к нему прибегают при рассмотрении дел по ст. 10. То есть использование экономического анализа продиктовано тем, что это прописано в законе, а не стремлением антимонопольного органа улучшить свою аргументацию в суде. ФАС, скорее, вынуждена прибегать к данному анализу, нежели действительно осознает его необходимость.

Следует отметить, что выборка являлась смещенной. Соответственно полученные результаты не могут полностью отражать ситуацию в генеральной совокупности. Это означает, что при их интерпретации необходимо принимать во внимание указанный факт. Например, судя по выборке, отмечается значительное количество решений, принятых в пользу компаний. Следовательно, в реальности проведение экономического анализа, возможно, в большей степени повышает вероятность ФАС выиграть дело, чем показывают результаты, основанные на выборке.

Представленный анализ можно усовершенствовать с помощью расширения временного интервала исследования, что позволит увеличить выборку, возможно, решит проблему с ее смещенностью и улучшит эконометрические результаты, а также даст возможность принять во внимание изменения, имеющиеся в Федеральном законе «О защите конкуренции», в Приказе № 220 (по сравнению с Приказом № 108) и в системе санкций.

Список литературы

- Авдашева С.Б., Шаститко А.Е.* Экономический анализ в делах о нарушении закона «О защите конкуренции» // Вопросы экономики. 2011. № 2. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.arbitr.ru>
- Курдин А.А., Шаститко А.А.* Применение экономического анализа в антимонопольных разбирательствах: эмпирическое исследование // Экономическая политика. 2013. № 4.
- Приказ ФАС России от 25.04.2006 № 108 «О порядке проведения анализа и оценки состояния конкурентной среды на товарном рынке» // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. М., 1992—2014. Режим доступа: локальный. Дата обновления: 28.01.2014.
- Приказ ФАС России от 28.04.2010 № 220 «О порядке проведения анализа и оценки состояния конкурентной среды на товарном рынке» // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. М., 1992—2014. Режим доступа: локальный. Дата обновления: 28.01.2014.
- Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2001 года: инфографика // РИА Рейтинг: сайт. URL: <http://rating.ru/infografika/20120702/610227291.html> (дата обращения: 10.10.2013).
- Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»: принят Гос. Думой 08.07.2006 г.; одобрен Советом Федерации 14.07.2006 г. // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. М., 1992—2014. Режим доступа: локальный. Дата обновления: 28.01.2014.
- Breyer S.* Economic Reasoning and Judicial Review // Economic J. 2009. Vol. 119.
- Carree M., Gunster G., Schinkel M.P.* European Antitrust Policy: An Empirical Analysis of Commission Decisions and Their Appeals Histories, 1964—2001. Paper presented at the EARIE 2004, Berlin.

Carree M., Gunster G., Schinkel M.P. European Antitrust Policy: Analysis of Court of Appeal Rulings of the EU, 1957—2000 // Amsterdam Center for Law & Economics Working Paper. 2008. N 6.

Christiansen A. The “More Economic Approach” in EU Merger Control — a Critical Assessment // DB Research Working Paper. 2005. Note 21.

Drauz G. A View from Inside the Merger Task Force: Comments on “Re-forming European Merger Review: Targeting Problem Areas in Policy Outcomes” // J. of Industry, Competition and Trade. 2002. Vol. 2 (4).

Hwang Lee. Influencing a Global Agenda: Application of the Modernization of European Competition Law for the WTO // Erasmus Law and Economics Rev. 1. 2004. N 2.

Muris T.J. Improving the Economic Foundations of Competition Policy // Geo. Mason L. Rev. 2003. Vol. 12.1.

Приложения

Таблица I

Спрос на элементы экономического анализа

Элементы анализа	Компания	ФАС
Временной интервал	4	29
Продуктовые границы	30	52
Географические границы	26	52
Доля (включает объем рынка, состав рынка)	14	40
Концентрация рынка	0	5
Барьеры входа	3	15
Уровень конкуренции	0	5

Таблица II

Рейтинг регионов, представленных в выборке на 2011 г.

№	Регион	Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2011 г.
1	Москва	1
2	С.-Петербург	2
3	Тюменская область	4
4	Свердловская область	7
5	Красноярский край	8
6	Республика Татарстан	9
7	Краснодарский край	13

Окончание табл. II

№	Регион	Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2011 г.
8	Пермский край	14
9	Самарская область	15
10	Кемеровская область	17
11	Нижегородская область	18
12	Челябинская область	19
13	Ростовская область	21
14	Республика Коми	22
15	Иркутская область	24
16	Новосибирская область	25
17	Воронежская область	32
18	Владимирская область	34
19	Волгоградская область	35
20	Удмуртская Республика	39
21	Вологодская область	40
22	Архангельская область	41
23	Саратовская область	42
24	Калининградская область	45
25	Новгородская область	52
26	Рязанская область	53
27	Пензенская область	59
28	Астраханская область	64
29	Курганская область	66
30	Ивановская область	70
31	Республика Марий Эл	72
32	Республика Алтай	80

Источник: [Рейтинг..., 2012].

Таблица III

Размер выборки	149		
Зависимая переменная	Решение суда (1, если в пользу компании)		
Независимые переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Константа	0,08 (0,36)	0,03 (0,15)	0,1 (0,18)
Использование экономического анализа	-0,6 (0,37)	-0,49* (0,23)	-0,4 (0,27)
Статья (1, если статья 11)	-0,37 (0,27)	-0,41** (0,25)	-0,44** (0,26)
Тип рынка (1, если товарный рынок)	-0,05 (0,24)	—	—
Эксперт	0,29 (0,55)	—	—
Натуральная монополия	0,02 (0,3)	—	—
Регион (1, если развитый)	-0,05 (0,34)	—	—
Компания оспаривала	0,15 (0,42)	—	—
Остатки <i>приведенной модели</i> , где использование экономического анализа является зависимой переменной, а тип рынка и статья — независимыми переменными	—	—	-0,44 (0,74)
R^2	3%	3%	3%
Мультиколлинеарность	—	нет	—
Тест Хаусмана (но нет проблемы эндогенности)	—	—	Pr > Chi2 = 0,55

* — значимость на 5%-м уровне. ** — значимость на 10%-м уровне.

Таблица IV

Размер выборки	149	
Зависимая переменная	Использование анализа	
Независимые переменные	Модель 4	Модель 5
Константа	-0,9 (0,35)	-0,63* (0,16)
Тип рынка (1, если товарный рынок)	0,75* (0,24)	0,85* (0,22)
Статья (1, если статья 11)	-0,79* (0,3)	-0,74* (0,29)
Эксперт	0,38 (0,57)	—

Окончание табл. IV

Натуральная монополия	-0,38 (0,33)	—
Регион (1, если развитый)	-0,49 (0,35)	—
R^2	13%	11%
Мультиколлинеарность	—	нет

* — значимость на 1%-м уровне.

Таблица V

Размер выборки	149			
Зависимая переменная	Срок рассмотрения дела			
Независимые переменные	Модель 7	Модель 8	Модель 9	Модель 10
Константа	-1,18 (2,5)	1,56 (1,65)	1,55 (1,18)	1,56 (1,65)
Инстанции	3,62* (0,62)	3,45* (0,6)	3,45* (0,44)	3,48* (0,64)
Эксперт	-4,64 (2,99)	-5,13** (2,9)	—	—
Тип рынка (1, если товарный рынок)	4,77* (1,27)	5,4* (1,2)	5,15* (1,26)	5,16* (1,22)
Использование экономического анализа	2,72 (1,88)	4,64* (1,26)	4,44* (1,47)	4,57* (1,49)
Статья (1, если статья 11)	1,25 (1,48)	—	—	—
Натуральная монополия	-1,24 (1,62)	—	—	—
Регион (1, если развитый)	2,64 (1,79)	—	—	—
Компания оспаривала	3,41 (2,14)	—	—	—
Остатки <i>приведенной модели</i> , где использование экономического анализа является зависимой переменной, а инстанции, тип рынка, и статья — независимыми переменными	—	—	—	-0,67 (4,06)
R^2	44%	41%	40%	40%
Тест Бреуша — Пегана (но нет проблемы гетероскедастичности)	—	Pr > Chi2 = 0,0001	—	—
Тест Рамсея (но: нет проблемы упущенных переменных)	—	—	Pr > F = 0,5905	—

Мультиколлинеарность	—	—	нет	—
Тест Хаусмана (но: нет проблемы эндогенности)	—	—	—	$Pr > F = 0,87$

* — значимость на 1%-м уровне. ** — значимость на 10%-м уровне.

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

А.З. Бобылева¹,

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

ПОДХОДЫ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ КОМПЛЕКСНЫХ ПРОГРАММ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВУЗАМИ

В статье уточняется терминология и дается понятийный аппарат проектирования комплексных программ антикризисного управления вузами: раскрыта суть кризиса и кризисной ситуации в вузе, обоснована целесообразность антикризисного управления не только в фазе кризиса, но и на других эволюционных периодах в деятельности вуза, введено понятие устойчивого развития вуза и предложено определение эффективного вуза. Данный материал стал основой разработки принципов проектирования комплексных программ антикризисного управления вузами и обоснования различий типовых антикризисных программ в зависимости от уровня неэффективности, факторов, повлиявших на ухудшение деятельности, фазы развития вуза, возможности проведения восстановительных процедур самостоятельно или при участии государства и т.д.

Ключевые слова: устойчивое развитие вуза, эффективный вуз, антикризисное управление вузами.

A.Z. Bobyleva,

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

DESIGNING INTEGRATED MODELS OF CRISIS MANAGEMENT OF UNIVERSITIES

The article clarifies the terminology and shapes the conceptual apparatus to design integrated models of crisis management of universities. It shows the essence of the crisis and the crisis situation in universities, the expediency of crisis management not only in the crisis phase, but also in other periods in the evolution of the university. The concept of sustainable development of the university and the definition of an effective university are introduced. It creates the basis to develop and design the principles of integrated models of crisis management in universities and study the differences in the types of models depending on the level of inefficiency, factors that influence the degradation in performance, the phase of the university development, the possibility to effect recovery procedures on their own or with the state assistance.

Key words: sustainable development of the university, effective university, crisis management in higher education.

¹ Бобылева Алла Зиновьевна, докт. экон. наук, профессор, зав. кафедрой финансового менеджмента ф-та государственного управления; тел.: +7 (916) 509-26-17; e-mail: azbobyleva@yandex.ru

Введение

Недостатки государственного стратегического планирования в сфере образования, изменение баланса между числом государственных, муниципальных и частных вузов при отсутствии адекватной системы контроля, слабая подготовка профессорско-преподавательских кадров, нехватка и несбалансированность финансирования в сфере образования [Бобылева и др., 2013; Управление в условиях..., 2011] и наличие в связи с этим неэффективных вузов имеют экономические, социальные и общественные последствия, которые проявляются в следующем:

— ухудшается качество образования, так как неэффективные вузы не могут предоставить образовательные услуги, удовлетворяющие принятым требованиям государства, общества и индивидов;

— увеличивается число выпускников вузов, не получивших образования, соответствующего потребностям современного общества, и не работающих по специальности;

— снижается престиж высшего образования из-за увеличения его доступности за счет обучения в неэффективных вузах;

— распыляются финансовые ресурсы государства из-за современной системы субсидирования образования, что приводит к недофинансированию «сильных» вузов и необоснованной поддержке «слабых», неэффективных;

— наблюдается нехватка специалистов одних профессий и избыток других ввиду того, что контрольные цифры (госзадание) по подготовке выпускников доводятся вузам формально, годами не корректируются из-за малой обоснованности прогнозов потребностей в специалистах по видам деятельности, отсутствия сплошной статистики о трудоустройстве выпускников вузов, регламентов управления по результатам;

— отмечается низкая транспарентность и невозможность характеристики деятельности вуза из-за отсутствия определения термина «эффективный (неэффективный) вуз», малой обоснованности набора базовых показателей для системной оценки эффективности вузов;

— ограничиваются возможности для сравнения вузов при выборе их для обучения из-за отсутствия рейтингов, построенных на прозрачных критериях.

Понимание правительством страны этих и других последствий сложившейся практики управления вузами, сохранение возможности функционирования неэффективных вузов привели к формулированию государственного задания, цель которого — разработка системного подхода к проектированию комплексных программ антикризисного управления неэффективными высшими учебными заведениями для перевода их в эффективные. Выполнение госза-

дания поручено ряду исследователей МГУ имени М.В. Ломоносова [Бобылева и др., 2013].

В соответствии с указанной целью в исследовании были поставлены следующие задачи:

— уточнение терминологии (антикризисное управление, эффективность вуза, кризис и кризисная ситуация и т.д.) и формирование понятийного аппарата исследования;

— разработка принципов и системного подхода к проектированию комплексных программ антикризисного управления вузами и типовых антикризисных программ для наиболее вероятных ситуаций, связанных с неэффективностью вузов.

О трактовке некоторых ключевых понятий в области проектирования комплексных антикризисных программ в сфере образования

Проектирование комплексных программ антикризисного управления вузами предполагает уточнение ряда понятий, так как в научной, методической литературе и даже в нормативно-правовых документах прослеживается неоднозначность ряда используемых терминов, противоречивость их трактовок.

Кризис и кризисные ситуации. Постоянной динамической характеристикой развития является цикличность, о чем свидетельствует история становления и развития цивилизации. Выделение основных фаз цикла относится к одному из спорных моментов в теории цикличности². Тем не менее самым распространенным считается подход марксистской школы, в рамках которого выделяются четыре главные последовательно сменяющиеся фазы цикла: кризис — депрессия — оживление — подъем. При этом кризис понимается как максимальное обострение противоречий развития, переломный момент цикла.

Кризис в системе образования на макроуровне может иметь следующие признаки:

— низкая позиция и (или) постоянное снижение положения вузов страны в международных рейтингах;

— высокая доля безработицы среди выпускников;

— потеря конкурентоспособности российской системы образования в связи с отсутствием соответствующих международных договоров и(или) механизмов их реализации;

— недостаток инновационных исследований;

² См. классические работы К. Маркса, Дж. Кейнса, К. Жугляра, М.И. Туган-Барановского, С. Кузнецца, Н.Д. Кондратьева, Дж. Китчина, Й. Шумпетера, М. Фридмена и пр.

— появление более сильных игроков на мировом рынке образовательных услуг.

При достаточном запасе прочности экономики и понимании стратегического значения образования для развития страны выход из кризиса может происходить относительно быстро. Однако возможен и другой вариант (подтверждающийся современными экономическими реалиями), когда кризис перерастает в затяжную депрессию.

На микроуровне жизненный цикл организации большинства вузов заключается в прохождении стадии становления, роста, стабильности, спада и, возможно, кризиса³, который в отдельно взятом учебном заведении может быть вызван:

— изменениями в спросе на образовательные услуги данного вуза или по определенным образовательным программам (так называемая клиентская база)⁴;

— разрушением внутренних бизнес-процессов (приходом непрофессиональной команды управленцев);

— недостатком преподавателей высокого класса (развитие);

— финансовыми причинами.

Самая глубокая точка кризиса может проявляться в:

— недоборе студентов по сравнению с госзаданием;

— устойчивом снижении числа студентов за ряд лет при сохранении спроса на аналогичные образовательные услуги в других вузах;

— невозможности обеспечить деятельность вуза из-за нехватки квалифицированных преподавателей, вести НИР из-за отсутствия материальной базы.

Для разработки программ антикризисного управления в вузах важно различать кризис и кризисную ситуацию.

Кризисная ситуация характеризуется локальностью, структурной однородностью (проявляется в какой-либо обособленной сфере или ограниченном круге сфер), внезапностью, в то время как *кризис* развивается относительно медленно и имеет многокомпонентную структуру. Например, кризисная ситуация в вузе может проявляться в недоборе студентов в текущем году из-за появления сильного конкурента или нехватки аудиторий, а системный кризис предполагает провалы в деятельности сразу по нескольким направлениям на протяжении нескольких периодов.

³ К настоящему времени разработано более десяти различных теорий жизненного цикла организаций. Качественный сравнительный анализ основных теорий жизненного цикла организации представлен в работе [Широкова, Серова, 2006, С. 3—27].

⁴ Здесь и далее используется широко распространенная терминология концепции системы сбалансированных показателей [Каплан, Нортон, 2003].

При смешивании понятий «кризис» и «кризисная ситуация» антикризисное управление может оказаться unsuccessful из-за неправильно выбранного типа мер. Ошибки могут быть нескольких видов: 1) при правильной диагностике кризисной ситуации было бы достаточно проведения оперативных мер, а пошли на рискованные, дорогостоящие стратегические меры, соответствующие системному кризису; 2) в кризисе нужна стратегическая реорганизация, а осуществлялась оперативная, затрагивающая лишь отдельные проявления кризиса в вузе. В этом случае оперативные меры могут лишь продолжить и ухудшить состояние организации.

Антикризисное управление. В ряде зарубежных и российских источников антикризисное управление понимается как управление кризисом (Crisis Management). Это означает, что оно вступает в силу лишь при максимальном обострении противоречий развития, в переломный момент цикла, в кризис. Такой узкий подход к антикризисному управлению может оставлять без внимания возможности предупреждения и предотвращения кризисов на ранней стадии возникновения угроз, проведения ряда мягких корректирующих мероприятий, позволяющих стабилизировать ситуацию.

В соответствии с действующей Методикой проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования [Информационно-аналитические материалы..., 2013] все вузы и их филиалы могут быть классифицированы по четырем группам — эффективные, частично эффективные (с признаками неэффективности), подлежащие оптимизации, подлежащие реорганизации. Это означает, что преобладающая в настоящее время государственная парадигма предполагает, что не все вузы с признаками неэффективности находятся в кризисе. К тому же она дает основания рассматривать антикризисное управление вузами в широком смысле, на всех фазах жизненного цикла вузов, а не только в кризисе.

Таким образом, формулировка госзадания как «разработка системного подхода к проектированию комплексных программ антикризисного управления неэффективными вузами для перевода их в эффективные» не вполне корректна и сужает проблему. Она предполагает антикризисное управление только неэффективными вузами (при максимальном обострении противоречий), в то время как разработка антикризисных программ целесообразна и для вузов частично эффективных (с признаками неэффективности), и находящихся в стадии оптимизации, и даже для эффективных вузов.

Наличие эффективных, частично эффективных вузов, вузов, подлежащих оптимизации и реорганизации, можно рассматривать через призму жизненного цикла развития образовательных учреждений. Как указывалось выше, большинство вузов проходит ста-

дии становления, роста, стабильности, спада и, возможно, кризиса. При этом, по нашему мнению, каждая фаза цикла (эволюционный период) характеризуется доминирующим направлением антикризисного управления.

Представляется, что *при создании и становлении вуза* основной задачей является выживание, поиск «своей ниши» через:

- обоснование возможности и целесообразности вести образовательную деятельность по выбранным направлениям, в определенном регионе (изучение потребностей рынка образовательных услуг, оценка финансовых, материальных, профессиональных ресурсов, сбор документов для регистрации и лицензирования);

- формирование контингента студентов, партнерских связей, источников финансирования, профессорско-преподавательского коллектива и в целом своей институциональной среды.

Недоучет любого из этих направлений может не позволить вузу перейти в фазу роста, привести его к развитию кризиса, реорганизации или ликвидации. Таким образом, в период становления основной задачей антикризисного управления вузом является преодоление «болезней начального роста», проявляющихся обычно в недооценке возникающих проблем, переоценке собственных возможностей, неготовности быстро принимать управленческие решения в условиях неопределенности и риска, вносить поправки в планы в условиях изменчивости среды.

Фаза роста вуза предполагает:

- увеличение контингента студентов и числа образовательных программ;

- расширение НИР;

- выход на международную арену;

- увеличение потребности в выпускниках вуза на рынке труда.

В фазе роста основной задачей антикризисного управления вузом является обеспечение устойчивого, контролируемого, сбалансированного развития (sustainable development). Следует отметить, что в настоящее время наблюдается огромный разброс в интерпретации указанного понятия. Существуют сотни его определений как в иностранной, так и в отечественной литературе. Наиболее общее, «философское» определение принадлежит Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию (WCED): «Устойчивое развитие — это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [Пиннинти, 2006]. В свою очередь эксперты Всемирного банка определяют устойчивое развитие как процесс управления совокупностью (портфелем) активов, направленный на сохранение и расширение возможностей, имеющихся у людей. Активы в данном

определении включают физический природный и человеческий капитал.

На основе вышеприведенных общих определений, учитывая, что определение WCED включает два ключевых понятия — потребности и ограничения [Бобылев, Захаров, 2011], можно передать *суть устойчивого развития в образовании* следующим образом: удовлетворение сегодняшних потребностей государства, общества и индивидов в сфере образования и создание условий для будущих поколений получать образовательные услуги с учетом ограничений, обусловленных состоянием экономики и организации общества.

Применительно к конкретному вузу устойчивое развитие можно рассматривать как рост (поддержание) численности студентов бакалавриата, магистратуры, аспирантуры, увеличение направлений подготовки, объема НИР, не снижающее качество основной деятельности вуза, которое измеряется долей российских и зарубежных студентов с высоким баллом по результатам обучения, трудоустроенных по своей специальности в соответствии с сегодняшними и долгосрочными потребностями экономики страны, социальными, политическими, культурными задачами государства, общества и отдельных индивидов. Внешним признаком устойчивого развития вуза может быть постоянное, на протяжении нескольких лет повышение позиции в российских и международных рейтингах.

Необходимость уточнения понятия «устойчивое развитие вуза» связана с тем, что на практике возможны ситуации, при которых высокие наборы студентов, что на первый взгляд характеризует рост, могут сопровождаться нехваткой высокопрофессионального профессорско-преподавательского состава, обустроенных лабораторий для занятий, и приводить к снижению качества обучения и финансовым затруднениям. В то же время консервативные вузы с медленными темпами роста могут остаться позади своих более энергичных конкурентов и также являться кандидатами в неэффективные учебные заведения. Задача антикризисного управления на стадии роста — обеспечить его сбалансированность и устойчивые темпы. Для быстро растущих вузов очень важно уметь определить момент, когда следует ограничить этот рост для сохранения устойчивости. А для вузов с отрицательными темпами роста и медленно растущих вузов важно уметь принимать следующие решения: возможна ли диверсификация деятельности и рост на ее основе; следует ли объединиться с каким-либо другим учебным заведением и какие дополнительные возможности это даст; целесообразно ли ликвидировать данное учебное заведение.

Фаза зрелости (стабильности) в деятельности вуза, на которой находятся так называемые эффективные вузы, должна содержать указанные ниже составляющие антикризисного управления:

- мониторинг основных процессов и показателей качества деятельности вуза;
- критическая оценка оказываемых образовательных услуг, результатов научно-исследовательской и международной деятельности; самой организационной системы; законности и соответствия нормативным требованиям всех процессов, происходящих в вузе;
- прогноз изменений внешней и внутренней среды;
- разработка и реализация комплекса превентивных мер, обеспечивающих создание запаса прочности, моделей организационного поведения при ухудшении ситуации и снижение рисков.

В *фазе спада* важно:

- удерживать снижение показателей в допустимых для конкретного вуза пределах;
- провести оперативную реструктуризацию, задачи которой — сократить продолжительность спада, ликвидировать провалы, заметные внешней среде, и внутренние глубинные негативные факторы;
- определить точки роста на будущее.

По принятой в настоящее время классификации на этой стадии находятся вузы с признаками неэффективности (частично эффективные). Используемое сейчас на практике понятие «вуз, требующий оптимизации», также, видимо, следует в первую очередь соотносить с вузами, находящимися в фазе спада, хотя оптимизировать деятельность учебного заведения можно на любой стадии. Этот тезис находит подтверждение в самом определении оптимизации как процесса выбора наилучшего варианта из возможных, процесса приведения системы в наилучшее (оптимальное) состояние [Общий толковый словарь...: сайт, 2013] и позволяет сделать вывод о некотором несоответствии общепринятого понимания оптимизации и использования его при мониторинге вузов. В общепринятом понимании оптимизация деятельности нужна практически любому вузу, даже эффективному, т.е. применение данного термина к какой-либо определенной группе вузов не вполне корректно.

Управление непосредственно в фазе кризиса предполагает стратегическую реструктуризацию (реорганизацию) — глубинные преобразования, обеспечивающие запас прочности на длительный период. Как правило, в образовательной сфере реорганизация проводится при помощи и под контролем государства. Исходная основа стратегической реорганизации неэффективного вуза — ответы на вопросы, позволяющие сформировать концепцию реорганизации:

- какой вид деятельности данного вуза наиболее перспективен;
- целесообразна ли диверсификация деятельности вуза или, наоборот, специализация на более узком числе направлений;

- следует ли объединить рассматриваемый вуз с другим учебным заведением и какие новые возможности это откроет;
- следует ли ликвидировать данный вуз?

Таким образом, антикризисное управление можно понимать не как стратегию выхода непосредственно из кризиса, а как модель реагирования на негативные изменения. При этом антикризисное управление в широком смысле предполагает, что в фазе кризиса преобладает активное управление, в то время как на других фазах цикла — плановое и/или реактивное. Из вышесказанного следует, что комплексные программы антикризисного управления должны иметь все вузы — как имеющие признаки неэффективности, подлежащие оптимизации (реорганизации), так и стабильно работающие. Цель таких программ в последнем случае — своевременное обнаружение вероятности развития кризиса и принятие мер по его предотвращению или смягчению.

Разработке антикризисных мер в каждом конкретном случае должна предшествовать систематизация влияющих на эффективность деятельности вуза факторов. Их целесообразно подразделить на объективные (внешние) и субъективные, связанные с определенным вузом. Можно считать, что к кризисным явлениям приводят различные типы объективных факторов, связанных с изменениями внешней среды:

- недофинансирование науки и образования;
- снижение престижа профессии преподавателя вуза;
- низкие реальные доходы населения и невозможность содержать детей до получения ими высшего образования, необходимость совмещения в связи с этим обучения и работы студентами т.д.

Субъективные факторы могут быть связаны с ошибками в управлении вузом, коррупционной составляющей и др.

Такая классификация факторов позволяет в первом приближении прогнозировать развитие ситуации. Для преодоления объективных причин кризиса может быть необходима политическая воля (изменение государственных приоритетов), относительно продолжительное время и, как правило, существенные финансовые вливания. Субъективные причины могут быть преодолены сменой руководства вуза, реорганизацией т.д.

Эффективность вузов. Формулировка госзадания как разработки системного подхода к проектированию комплексных программ антикризисного управления неэффективными вузами для перевода их в эффективные предполагает четкое понимание, что такое эффективный и неэффективный вуз. Однако определение этих терминов в нормативно-правовых документах отсутствует, оно подменено набором конкретных показателей [Методика расчета показателей..., 2013]. Методически верен другой путь — вывод

критериев и показателей эффективности исходя из фундаментального определения эффективности вуза. Важность такого подхода обусловлена тем, что не существует единого понятия «эффективность»: эффективность может проявляться в продуктивности, экономичности, общественной значимости, результативности, прибыльности, инновационной активности и т.п. [Положение о докладах..., 2004; Максимова, 2007; Оценка эффективности..., 2007]. Представляется, что в рассматриваемых российских нормативных документах эффективность является обобщенной характеристикой деятельности организации, ее успешности, однако это нигде не сформулировано, позволяет по-разному интерпретировать термин, затрудняет разработку критериального аппарата и осуществление управленческих действий.

Комплексное определение эффективного вуза должно, по мнению автора статьи, учитывать экономическую, социальную, культурную, научную, образовательную эффективность. Можно предложить к обсуждению следующее определение: эффективный вуз — это вуз, успешно выполняющий свои основные функции — образовательную, культурно-воспитательную, научно-исследовательскую, социальную, экономическую (рациональное использование имеющихся ресурсов), трансфера знаний и их коммерциализации.

Таким образом, уточнение основных понятий, используемых в настоящее время в управлении вузами, — эффективный (неэффективный) вуз; частично эффективные (с признаками неэффективности) вузы; подлежащие оптимизации и реорганизации вузы; антикризисное управление и его задачи на различных стадиях жизненного цикла — позволяет скорректировать цель исследования и определить ее как «разработку системного подхода к проектированию комплексных программ антикризисного управления вузами», а также сформулировать концепцию системного подхода к проектированию комплексных программ антикризисного управления вузами.

Системный подход к проектированию комплексных программ антикризисного управления вузами

Системный подход к антикризисному управлению вузом предполагает понимание его деятельности как системы взаимосвязанных процессов на макро-, мезо- и микроуровнях, направленных на поддержание (достижение) установленных нормативных значений показателей, обеспечение устойчивого развития.

Исходя из данного понимания системного подхода на макроуровне целесообразно стратегическое планирование на основе определения государственных задач в сфере образования как в крат-

косрочной, так и в долгосрочной перспективе, уточнение термина эффективного (неэффективного) вуза, дальнейшее развитие критериев оценки деятельности вузов, разработка типовых моделей антикризисного управления [Бобылева и др., 2013].

Процедуры, проводимые в соответствии с федеральными нормативно-правовыми актами, должны быть дополнены мерами *регионального антикризисного регулирования*. Оно должно быть направлено в первую очередь на использование благоприятных местных возможностей. Представители бизнеса могут обеспечить целевое финансирование обучения и гарантии трудоустройства, производственную практику, частичную занятость студентов; региональные администрации — информационную и другие виды поддержки (создание новых рабочих мест, профориентирующие и рекламные мероприятия для повышения мотивации выпускников остаться в регионе, обеспечение жилплощадью выпускников, выделение грантов на НИР и т.п.); вузы — трансфер знаний и технологий путем инициации инновационных исследований, создания бизнес-инкубаторов, творческих лабораторий. Таким образом, тесная связь между вузом, региональными властями и бизнесом (учреждениями культуры, социальными институтами) способствует повышению эффективности и качества его деятельности, в большей степени отвечает запросам среды конкретного региона, дает экономию бюджетных средств за счет получения дополнительных финансовых вливаний от регионального бизнеса, позволяет активизировать местные возможности для преодоления неэффективности как отдельного вуза в регионе, так и системы регионального высшего образования в целом.

На микроуровне ключевой задачей должно стать комплексное управление вузом по выделенным в нормативно-правовых документах направлениям: образовательная деятельность, научно-исследовательская деятельность, международная деятельность, финансово-экономическая деятельность, инфраструктура, трудоустройство, а также по предлагаемому автором статьи дополнительному направлению — обеспечение требований законности (трудового, налогового, бюджетного законодательства, соблюдения договоров и т.д.). Следует отметить, что в настоящее время вуз может считаться эффективным, если он удовлетворяет хотя бы половине требований [Протокол заседания..., 2013], что вряд ли может ориентировать руководство вузов на системный подход в управлении.

В литературе описано множество моделей управления вузом с элементами системного подхода, однако, как правило, в их основе лежит система сбалансированных показателей (BSC), интегрированная с ценностно-ориентированным подходом (VBM). Такая модель, с одной стороны:

— задает вектор определения краткосрочных и долгосрочных целей вуза и механизмов их достижения, трансформации целей вуза в конкретные задачи и показатели;

— увязывает отчетные данные для контролирующих органов и стейкхолдеров с внутренними характеристиками наиболее значимых образовательных, исследовательских и других процессов;

— позволяет рассматривать все ключевые показатели как измерители ценности вуза, как вклад различных процессов в ценность.

С другой стороны, такая агрегированная модель оставляет свободу для учета особенностей вуза и его внешней среды и позволяет:

— разработать собственную классификацию образовательных, управленческих, исследовательских процессов;

— выделить свои уникальные факторы успеха;

— дополнить самому вузу рекомендуемые вышестоящими органами показатели для контроля и оценки эффективности, прогнозирования трендов, выявления угроз снижения эффективности на ранних стадиях их проявления, увеличения внутренней мотивации преобразований для повышения эффективности.

Комплексные программы антикризисного управления вузами целесообразно строить на основе типовых моделей поведения для наиболее вероятных ситуаций, связанных с неэффективностью в образовательной, научно-исследовательской, международной, финансово-экономической деятельности, инфраструктуре и трудоустройстве выпускников.

Модели будут различаться в зависимости от:

— уровня неэффективности (частичной; для вузов, требующих оптимизации или реорганизации);

— факторов, повлиявших на ухудшение деятельности (экзогенные, эндогенные, объективные, субъективные, операционные, финансовые и т.д.);

— возможности проведения восстановительных процедур самостоятельно или при участии государства.

Участие государства может включать несколько процедур⁵:

— наблюдение, во время которого предполагается выявление причин неэффективности вуза и разработка (уточнение на основе типовых моделей) системы мер по повышению эффективности;

— оздоровление (восстановление параметров преимущественно силами вуза), однако под контролем антикризисного управляющего, назначенного государством;

⁵ Название процедур заимствовано из закона РФ «О несостоятельности (банкротстве)», что позволяет структурировать участие государства, выделить этапы и задачи с учетом глубины стоящих проблем, однако прямой аналогии с процедурами банкротства автор не подразумевает.

— внешнее управление для восстановления параметров эффективности;

— реорганизацию и прекращение деятельности вуза как самостоятельного.

В основе комплексных программ антикризисного управления вузами лежит *планирование системы мер* повышения эффективности их деятельности. При этом целесообразно выделить виды планирования в зависимости от степени неэффективности вуза:

— планирование в нормальной ситуации и текущая корректировка планов в связи с изменениями;

— планирование восстановительной деятельности в кризисных ситуациях;

— планирование как часть управления системным кризисом вуза.

Выделение видов планирования необходимо, так как методики планирования на разных фазах жизненного цикла будут различаться, иметь разные горизонты планирования, степень диверсификации, учитывать интересы разных стейкхолдеров, разные источники финансирования.

В целом основные этапы разработки комплексных программ антикризисного управления вузами следующие:

— определяются ключевые индикаторы (драйверы ценности) деятельности вуза. Часть индикаторов устанавливается государством, часть — региональными властями, где расположен вуз, часть — самим вузом;

— устанавливаются интервалы возможного изменения показателей без негативных последствий;

— в зависимости от типа проблем (образовательная, научная, международная деятельность, трудоустройство) разрабатывается комплекс мер, осуществляемых как самим вузом, так и государством, который может вернуть систему в равновесие при выходе ключевых параметров за установленные интервалы.

Следует особо подчеркнуть, что меры, предпринимаемые государством, не приведут к успеху, если работники вуза не мотивированы на реорганизацию, не согласны с ее концепцией, не готовы к ее реализации. С другой стороны, усилия вуза сами по себе могут не дать результата, если причины неэффективности являются внешними, например вызваны недофинансированием, несмотря на потребность в специалистах, выпускаемых вузом.

Нужно сказать, что очень часто неэффективность пытаются объяснить именно внешними причинами — недофинансированием, невниманием властей к проблемам вуза. Однако на практике внешние и внутренние причины обычно оказываются взаимосвязаны: низкий уровень менеджмента, отсутствие своевременной

реакции на первые признаки неблагополучия приводит к перерастанию кризисной ситуации, которую можно было бы локализовать, в крупномасштабный кризис.

Заключение

Разработка подходов к проектированию комплексных программ антикризисного управления вузами невозможна без уточнения понятийного аппарата и терминологии, так как в данной инновационной предметной области наблюдается неоднозначность и даже противоречивость в интерпретации понятий. В ходе приведенного исследования:

— обосновано, что кризис в вузе целесообразно рассматривать как максимальное обострение противоречий развития, переломный момент цикла;

— обозначены признаки кризиса как всей системы образования, так и отдельного вуза;

— доказано, что следует разделять понятия «кризис» и «кризисная ситуация», так как меры антикризисного управления различаются в зависимости от того, имеет место системный кризис или локальная кризисная ситуация;

— определено, что антикризисное управление вузами следует рассматривать в широком смысле, на всех фазах цикла жизнедеятельности вузов, а не только в кризисе, в связи с чем формулировка государственного задания не вполне корректна и требует расширения;

— показано, что функционирование эффективных, частично эффективных вузов, а также вузов, подлежащих оптимизации и реорганизации, целесообразно рассматривать через призму жизненного цикла образовательных учреждений, даны характеристики доминирующим направлениям антикризисного управления в каждом эволюционном периоде;

— представлена целесообразность разработки фундаментального определения эффективности вуза, а не подмена его набором показателей, предложено определение эффективного вуза как успешно выполняющего свои основные функции — образовательную, культурно-воспитательную, научно-исследовательскую, социальную, экономическую (рациональное использование имеющихся ресурсов), трансфера знаний и их коммерциализации.

Уточнение основных понятий, используемых в настоящее время в управлении высшими учебными заведениями, позволило сформулировать концепцию системного подхода к проектированию комплексных программ антикризисного управления вузами. При этом показано, что:

— системный подход к антикризисному управлению вузом основан на разработке и реализации взаимосвязанных процессов на макро-, мезо- и микроуровнях, направленных на достижение и(или) поддержание вузом установленных нормативных значений показателей, обеспечение устойчивого развития, а также сформулированы задачи и намечена система мер, требующих реализации на каждом уровне управления;

— участие государства может включать несколько процедур: наблюдение, оздоровление, внешнее управление, реорганизацию и прекращение деятельности вуза как самостоятельного; содержание каждой процедуры подробно раскрыто.

В целом проведенное в исследовании выделение факторов, способствующих развитию неэффективности, выявление их взаимосвязи с рассмотренными эволюционными периодами в развитии вузов, распределение задач антикризисного управления по уровням управления, определение этапов разработки комплексных программ антикризисного управления вузами позволяют создать портфель программ антикризисного управления ими, состоящий из типовых моделей для наиболее вероятных направлений проявления неэффективности. Модели различаются в зависимости от уровня неэффективности, факторов, повлиявших на ухудшение деятельности, фазы развития вуза, возможности проведения восстановительных процедур самостоятельно или при участии государства.

Список литературы

Бобылев С.Н., Захаров В.М. Модернизация и устойчивое развитие. М., 2011.

Бобылева А.З., Молчанов И.Н., Молчанова О.П., Сидорова А.А. Отчет по теме 34.10 «Разработка системного подхода к проектированию комплексных программ антикризисного управления неэффективными вузами для перевода их в эффективные» части 2 Государственного задания в соответствии с приказом ректора Московского университета академика В.А. Садовниченко № 591 от 15.07.2013. Приложение к приказу № 591. М., 2013.

Информационно-аналитические материалы к заседанию рабочей группы Межведомственной комиссии по мониторингу деятельности образовательных организаций высшего образования // Главный информационно-вычислительный центр: сайт. URL: http://miccedu.ru/monitoring/materials/reg_10301.htm (дата обращения: 18.08.2013).

Каплан Р.С., Нортон Д.П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. М., 2003.

Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1999.

Максимова М.Н. Формирование и эффективное использование ресурсов в социальном обслуживании региона: Автореф. дисс. ... докт. экон. наук. М., 2007.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М., 1983.

Методика расчета показателей мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования // Главный информационно-вычислительный центр: сайт. URL: http://miccedu.ru/monitoring/materials/reg_10301.htm (дата обращения: 18.08.2013).

Общий толковый словарь русского языка: сайт. URL: <http://tolsklovar.ru/o5192.html> (дата обращения: 20.09.2013).

Оценка эффективности деятельности учреждений социальной поддержки населения / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М., 2007 (Научные доклады: независимый экономический анализ).

Пиннинти К.Р. Окружающая среда и экономическое развитие: основы политики // Портал для экспертов и экспертных комиссий в области технического регулирования. URL: http://expert.gost.ru/EC/DOC/MS_2006_07_OSIER.pdf (дата обращения: 12.10.2012).

Положение о докладах о результатах и основных направлениях деятельности субъектов бюджетного планирования. Утв. постановлением Правительства РФ от 22.05.2004 № 249 «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов» // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. М., 1992—2014. Доступ: локальный. Дата обновления: 28.01.2014.

Протокол заседания Межведомственной комиссии по проведению мониторинга деятельности государственных образовательных учреждений в целях оценки эффективности их работы и реорганизации неэффективных государственных образовательных учреждений от 29.04.2013 № ДЛ-12/05пр // Минобрнауки РФ: сайт. URL: http://минобрнауки.рф/новости/3354/файл/2223/13.05.14-Протокол_ДЛ-12_05.pdf (дата обращения: 28.01.2014).

Управление в условиях неустойчивости финансово-экономической системы: стратегия и инструменты / Под ред. А.З. Бобылевой. М., 2011.

Широкова Г.В., Серова А.Ю. Модели жизненных циклов организаций: теоретический анализ и эмпирические исследования // Вестн. С.-Петербург. ун-та. 2006. Сер. 8. Вып. 1.

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

В.Д. Белоусов¹,

Самарский государственный технический ун-т (Самара, Россия),

В.А. Бирюков²,

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются «частичные денежные реформы», проведенные в России за три года Первой мировой войны. В войну Россия вошла с устойчивым и большим профицитом бюджета за предшествующие пять лет, положительным торговым балансом за 1898—1913 гг., солидным золотым запасом (третьим в то время). В статье также анализируются процессы ослабления рубля и проблемы денежного обращения в России за три года войны. Специальное внимание уделено дезавуризации рубля, вопросу о пределах конвертируемости рубля и его постепенного ослабления.

Ключевые слова: рубль, Россия, история, конвертируемость, формальная и реальная конвертируемость рубля, инфляция.

V.D. Belousov,

Samara State Technical University (Samara, Russia),

V.A. Biryukov,

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

MONETARY PROBLEMS IN RUSSIA IN THE YEARS OF WORLD WAR I

The article deals with “partial monetary reforms” in Russia in the first three years of World War I. Russia entered the war with a large and sustained budget surpluses during the preceding five years, a positive trade balance for the 1898—1913 years, solid gold reserves — then the third in the world. The processes of the ruble desaurization and monetary problems in Russia over three years of war are analysed. Special attention is given to the process desaurization ruble, issue of convertibility limits of the ruble and its gradual devaluation.

Key words: ruble, Russia, history, convertibility, formal and real convertibility of the ruble, inflation.

¹ Белоусов Виктор Дмитриевич, канд. экон наук, доцент; тел.: +7 (903) 304-56-76; e-mail: belousov.vd@rambler.ru

² Бирюков Вячеслав Алексеевич, канд. экон. наук, доцент; тел.: +7 (903) 115-19-90; e-mail: birva@mgmail.ru

Нередко систематизаторы денежных реформ в России, рассмотрев денежную реформу 1895—1897 гг., которую проводил С.В. Витте и в результате которой был введен золотомонетный стандарт, сразу переходят к анализу денежной реформы 1922—1924 гг. Без сомнения, это крупные рубежные реформы. Но период с 1914 по 1918 г. был тоже насыщен многочисленными преобразованиями денежного обращения. Их можно классифицировать как «частичные денежные реформы». Они интересны и поучительны.

Перед началом Первой мировой войны денежное обращение России характеризовалось следующей структурой денежной массы [Наше денежное обращение, 1926, с. 164—165]:

Кредитные билеты	1630,4 млн руб.
Золотая монета в обращении	463,7 млн руб.
Высокопробная монета из серебра достоинством 1 руб., 50, 25 коп.	119,9 млн руб.
Мелкая разменная монета из серебра достоинством 5, 10, 15, 20 коп.	102,8 млн руб.
Медная монета	18,5 млн руб.
Итого	2335,4 млн руб.

Находившиеся в обращении полноценные золотая и серебряная монеты составляли 25% всей денежной массы. Денежное обращение до начала войны было устойчивым и базировалось на больших золотых резервах.

За 1909—1913 гг. общее превышение государственных доходов над расходами составляло 383,5 млн руб. (за вычетом дефицита в 1912 г. в размере 64,3 млн руб.) Золотой запас Госбанка составлял 1604 млн руб., что примерно на 250 млн руб. превышало практическую необходимость. Банкноты были обеспечены золотом на 97%. Кроме золотого резерва Госбанка более 141 млн руб. было депонировано в форме золотых слитков в английских банках в качестве гарантийного фонда, обеспечивавшего кредитные операции. При таком состоянии золотых запасов курс рубля на мировых валютных биржах держался на высоком уровне, несмотря на пассив платежного баланса (5745 млн руб. — внешний долг и 3255 млн руб. — внутренний долг; всего 9 млрд руб.) Торговый же баланс был положительным. Его актив за 1898—1913 гг. составлял 4 млрд 122 млн руб. (в основном за счет экспорта продовольствия) [Далин, 1983, с. 160—162].

Денежных форм тогда в России было много. Кроме металлических денег и банкнот в обращении находились не фигурировавшие в отчетах Госбанка «билеты государственного казначейства», так

называемые серии, которые приносили доход 4% в год, но выполняли функции бумажных денежных знаков. На 01.01.1914 г. их сумма составляла 150,5 млн руб. Однако они не переполняли каналы денежного обращения и не создавали условий для инфляционного роста цен. Они уравнивали ту часть золотых денег, которые оседали в качестве сокровища и выбывали из обращения.

С началом войны все изменилось. Германия объявила войну России 1 августа 1914 г. Но еще 27 июля 1914 г. был опубликован царский указ, который приостановил обмен кредитных билетов на золото и в то же время разрешил их эмиссию в крупных размерах без золотого обеспечения. Министр финансов П. Барк писал: «Каждый день промедления вел бы к сокращению золотых запасов; сохранение же золота является вернейшим залогом для скорейшего восстановления металлического обращения, когда обстоятельства военного времени минуют» [Алмазова, Дубонос, 1988, с. 26]. Министр не мог предполагать, что грядет новая эра и восстановления золотомонетного стандарта уже не будет. Более того, задолго до этого С.Ф. Шарапов в книге «Бумажный рубль» [Шарапов, 1895] писал в пику С.Ю. Витте о том, что «золото — отжившая рабская и языческая форма денег», что демонетизация золота неизбежна из-за его нехватки для обеспечения товарооборота, колебаний его цены, наконец, из-за принципиальной возможности замены золота бумажными деньгами [Белоусов, Нестеров, 2006, с. 23—24].

Следует заметить, что нормальное обращение золотых монет может существовать только при благоприятных экономических и политических ситуациях. Даже в условиях высоких темпов роста ВВП и перегрева рыночной конъюнктуры золота обычно не хватает. Это редкий металл; он неэластичен при расширенном воспроизводстве. В годы же кризисов и войн золотые монеты усиленно тазаврируются населением и изымаются тем самым из обращения. Поэтому обменивать банкноты на золотые монеты и тем более увеличивать их чеканку становится бессмысленным. В предвоенном 1913 г. золотое обращение России на 95% состояло из новых монет достоинством 10 и 5 руб. С 1997 г. рубль содержал 0,77423 г чистого золота. Объем выпусков таких монет был внушительным. По данным А.В. Юрова и В.М. Герасимова, 5-рублевых золотых монет за 1897—1911 гг. было выпущено 99,385 млн штук, что составило 384,74 т чистого золота. 10-рублевых золотых монет за 1898—1911 гг. было выпущено 42,259 млн штук, что составило 327,18 т чистого золота [Юров, Герасимов, 1999, с. 63]. О судьбе этого золота и заботился министр финансов П. Барк.

При отмене обмениваемости банкнот на золото летом 1914 г. был упразднен и лимит эмиссии их на 300 млн руб. сверх золотого запаса. Эмиссия стала расти пропорционально росту военных рас-

ходов. Данные о динамике эмиссии денег и суммарной денежной массы у разных авторов разнятся. С.А. Далин, например, пишет, что лимит был повышен сразу в пять раз, т.е. до 1,5 млрд руб. в год. До Февральской революции он повышался еще четыре раза и составил 8,4 млрд руб. [Далин, 1983, с. 165].

С.М. Борисов, ссылаясь на отчет Госбанка за 1916 г., приводит такие данные: на 1 января 1917 г. из общей массы денег в 9,3 млрд руб., находившихся в наличном обращении, кредитные билеты составляли 9,1 млрд руб., или 98%. Они были обеспечены централизованным золотым запасом на 1,5 млрд руб. (16%), так называемым золотом за границей на 2,1 млрд руб. (24%) и краткосрочными обязательствами Казначейства на 5,5 млрд руб. (60%) [Борисов, 2004, с. 32—33].

За 1914—1916 гг. расходы бюджета выросли с 4,86 до 18,1 млрд руб. Бюджет стал остродефицитным. Он увеличивался с каждым годом. В 1914 г. дефицит бюджета был 1898 млн руб., в 1915 г. — 8561 млн руб., в 1916 г. — 13 756 млн руб., в 1917 г. — 22 568 млн руб. Общая сумма бюджетных дефицитов за указанные четыре года составила 46,8 млрд руб., что являлось огромной суммой [Далин, 1983, с. 164] В целом казначейские обязательства, серии и государственные займы достигли в сумме 32 млрд руб. К ним следует добавить 8 млрд руб. в золотом исчислении, полученные за границей в виде займов и кредитов. Все эти данные по многочисленным первоисточникам собрал и обобщил С.А. Далин, а до него еще в 1920-е гг. этим занимался З.С. Каценеленбаум [Каценеленбаум, 1924, с. 192]. Из приведенной статистики видно, что масса бумажных денег быстро нарастала.

Как и другие страны, отошедшие от золотого стандарта, Россия испытала все негативные последствия перехода на бумажную валюту в условиях войны. В стране развивалась инфляция, уменьшалась покупательная сила денег, падало доверие к рублю, снижалась его ценность на внешних рынках. Однако следует сказать, что руководство страны прилагало большие усилия к тому, чтобы путем регулирования денежного механизма противостоять неблагоприятным тенденциям и держать ситуацию под контролем. Так, для финансирования дефицита госбюджета были использованы налоговые и займовые источники. Благодаря такой политике эмиссия бумажных денег в какой-то мере сдерживалась. Более того, на протяжении первых трех военных лет роль бумажных денег в обеспечении военных расходов уменьшилась. Если в 1914 г. она покрывала 67% бюджетного дефицита, то в 1915 г. — 32%, а в 1916 г. — 26% [Борисов, 2004, с. 32].

Тем не менее к моменту Февральской революции 1917 г. фактическое металлическое обеспечение кредитных билетов составляло

лишь 13%. Данные цифры свидетельствовали о завершении процесса превращения прежнего золотого рубля в обычную бумажную валюту. Государство в меру сил оказывало нужное психологическое воздействие на общество и сдерживало развитие недоверия к бумажным деньгам. Это тормозило инфляцию. Только на третьем году войны развитие инфляции достигло такого уровня, что рост дороговизны стал обгонять прирост эмиссии. К концу февраля 1917 г. при более чем четырехкратном расширении денежной массы розничные цены были выше довоенных лишь в три с небольшим раза [Борисов, 2004, с. 33].

Возникла продовольственная проблема. Царское правительство стало вводить карточную систему. Эта тенденция усилилась при Временном правительстве и стала нормой жизни в первые годы советской власти.

Временное правительство во главе сначала с князем Г.Е. Львовым, а потом с А.Ф. Керенским не смогло удержать ситуацию. По данным А.Д. Гусакова, с начала объявления войны и до февраля 1917 г. за счет эмиссии бумажных денег было покрыто 29% общей суммы военных расходов России. Временное же правительство за первые четыре месяца пребывания у власти покрыло эмиссией 44% расходов на ведение войны, а за следующие четыре месяца — более 66%. В армии было 10 млн человек. В 1915—1916 гг. ощущалась нехватка рабочей силы. Но в 1917 г. образовалась безработица из-за расстройств экономики [Гусаков, 1946, с. 37]. Уже в марте 1917 г. выпуск царских кредитных билетов составил 1031 млн руб. Осуществлялась кампания по размещению «Займа свободы» на 49 лет под 5% годовых. За счет этих облигаций было собрано с населения 3 млрд 137 млн руб. В конце апреля 1917 г. были выпущены «думские» деньги номиналом 250 и 1000 руб. 22 августа 1917 г. Временное правительство издало указ, по которому выпускались в обращение казначейские знаки упрощенного вида достоинством в 20 и 40 руб., получившие потом название керенки. Они не имели ни золотого, ни товарного обеспечения.

Население выражало недоверие Временному правительству и его деньгам. Народ считал более надежными старые царские деньги и старался сберегать именно их. Подобно тому как раньше исчезли из обращения золотые и серебряные монеты, также начали оседать в кубышках и царские бумажные деньги, особенно крупных номиналов. Капиталы стали утекать за границу. С февраля по октябрь 1917 г. было переведено за рубеж на частные нужды 379 млн руб. Много денег, золота и драгоценных камней уходило нелегально через плохо контролируемую Китайско-Восточную железную дорогу в Харбин, а также через Финляндию в Западную Европу.

К концу существования Временного правительства эмиссия бумажных денег была почти единственным источником его доходов.

С.А. Далин писал: «На 23 октября 1917 г. в обращении находилось кредитных билетов Государственного банка (банкнот) 18 917 млн руб., “серий” — 1150 млн руб., казначейских облигаций, размещенных на частном денежном рынке, — 4370 млн руб., всего, следовательно, 24 437 млн руб. вместо 2430 млн руб. бумажных и металлических денег на 1 января 1914 года» [Далин, 1983, с. 166]. Такое значительное — десятикратное — увеличение денежной массы за три с небольшим года вызвало рост цен на золото, а также общий рост цен. Товарные цены росли, конечно, не только из-за денежной массы, но и из-за сокращения производства, деформирования сложившейся до войны структуры и уменьшения товарного предложения. В годы мировой войны налаженной статистики не было, к тому же цены менялись очень быстро. В 1920-х гг. Госплан СССР разработал индексы розничных цен, в основу которых легла стоимость 26 потребительских товаров в среднем по России. Цена такого набора в 1913 г. послужила базой для индекса (100%). К 1 ноября 1917 г. она возросла примерно в 13 раз. Цена золота увеличилась в 8 раз. Цена фунта стерлингов на Лондонской бирже, выраженная в рублях, тоже выросла с 11,25—12,25 руб. в сентябре 1914 г. до 35,5 руб. накануне Октябрьской революции. В России золото, серебро и даже медь из обращения практически исчезли.

М.И. Боголепов собрал еще в то время интересные данные о росте цен в Тверской губернии, Старицком районе. До войны пуд ржаной муки там стоил 1 руб. 20 коп., в августе 1917 г. — 4 руб. 80 коп.; картофель соответственно 90 коп. и 4 руб.; мясо — 5 и 40 руб.; масло — 18 и 120 руб.; сметана — 6 и 10 руб.; яйца — 1 и 6 руб. за сотню; сахар — 6 и 140 руб. за пуд. Движение базарных цен анализировал С.А. Фалькнер. Они выросли по 11 основным видам продовольствия за 1914—1917 гг. в 12 раз [Далин, 1983, с. 170—171].

Большевики, готовившиеся взять власть и конкурировавшие с Временным правительством, характеризовали состояние экономики следующим образом: «После трех лет войны экономическое положение России представляется в следующем виде: полное истощение в сфере производительности труда и дезорганизация производства, всемерное расстройство и распад транспортной сети, близкое к окончательному краху состояние государственных финансов и, как последствие всего этого, доходящий до голода продовольственный кризис, абсолютная нехватка топлива и средств производства вообще, прогрессирующая безработица, громадное обнищание масс и т.д. Страна уже впадает в бездну окончательного распада и гибели» [КПСС в резолюциях..., 1954, с. 377].

Как стало ясно впоследствии, большевики по понятным причинам излишне драматизировали ситуацию. Придя к власти, они в еще большей мере разорили экономику и денежное обращение, поскольку началась Гражданская война, происходила ломка старой системы, внедрение новых порядков и идеологии. Все это рождалось в реках крови, через миллионы гробов. Но золотого рубля не существовало уже несколько лет до установления большевистской власти. З.С. Каценеленбаум писал: «С начала 1916 г. русское денежное обращение состояло уже только из различных сортов бумаги, без всякой примеси звонкой монеты» [Каценеленбаум, 1926, с. 389]. В данный период времени подобные процессы происходили и в других странах: золотой стандарт рушился повсеместно.

В России резко сократились экспорт и соответственно поступление инвалюты. Если до войны имел место актив торгового баланса (около 360 млн руб.), то с началом войны он сменился на отрицательное сальдо: 1914 г. — 141 млн руб., 1915 г. — 737 млн руб., 1916 г. — 1874 млн руб. Рубль тем не менее формально еще оставался конвертируемой валютой, но курс его падал. В конце 1914 г. рыночный курс рубля к доллару составил 80% довоенного паритета, а к марту 1917 г. — 55% [Борисов, 2004, с. 35—36]. Тем не менее золота в России было тогда еще много, и его не расходовали на поддержание курса рубля, на покрытие валютных издержек войны, приберегая на крайний случай.

К началу Первой мировой войны Россия обладала большим золотым запасом (1340 т в централизованном фонде и 335 т в обращении). Больше золота было только в США и Франции. В период войны золотой запас России сократился примерно вдвое [Борисов, 2006, с. 131]. С.М. Борисов писал в этой связи: «Россия за все годы войны формально не использовала ни единого грамма золота для покрытия дефицита платежного баланса. Между тем к началу Октябрьской революции официальные золотые запасы сократились до 850 т, но это произошло в результате специальных операций по передаче золота взаймы английскому правительству. В декабре 1915 г., в июне 1916 г., в феврале 1917 г. было отправлено за рубеж 440 т металла. Взамен выдавались беспроцентные обязательства сроком от 3 до 5 лет о возврате золота после окончания войны. Они зачислялись в Госбанке на баланс по статье “золото за границей”. Это давало возможность Госбанку использовать беспроцентные валютные обязательства в качестве формального обеспечения продолжавшейся эмиссии кредитных билетов. Хотя этого золота в стране уже не было» [Борисов, 2004, с. 36].

Пришедшие к власти большевики осуществили национализацию всей банковской системы. В связи с этим в конце 1917 г. были конфискованы ценности, хранившиеся в сейфах коммерческих банков.

По данным З.В. Атласа, в одной только Москве было вскрыто 22 тыс. сейфов, из которых изъяли золота на сумму 300 тыс. руб., серебра на 150 тыс. руб. и различных ценных бумаг номинальной стоимостью 450 млн руб. [Атлас, 1940, с. 21]. Однако не они одни охотились за столь необходимой валютой. Летом 1918 г. отряд колчаковцев захватил в Казани более 30 тыс. пудов ценностей из золотого запаса России. В распоряжение А.В. Колчака перешло драгоценных металлов на сумму 651,5 млн золотых рублей и 100 млн руб. в кредитных билетах старого образца. Он успел израсходовать 184 т из золотого запаса. В 1920 г. в Иркутске «золотой эшелон» перешел к красным. В нем было валютных ценностей на сумму 409 625 870 руб. в золотом исчислении. 3 мая 1920 г. золотой запас России был возвращен в Казань [Щелоков, 1990, с. 11—12].

В заключение нужно сказать несколько слов о конвертируемости рубля. Существует расхожее мнение, что раньше рубль был конвертируемым, а со времен «великого перелома» (конец 1920-х гг.) при политике И.В. Сталина он таковым быть перестал. Однако все не так просто. Следует обратиться к мнению известного специалиста С.М. Борисова. Он четко различает формально-юридическую и фактическую стороны данного вопроса:

1. С введением золотого стандарта рубль формально-юридически стал полностью конвертируемой валютой с фиксированным паритетом.

2. По нынешним критериям конвертируемости обращавшийся ранее неразменный кредитный рубль тоже был конвертируемым. Почему? Потому что владельцы кредитных билетов (резиденты и нерезиденты) могли их расходовать как внутри страны, так и за рубежом по всем видам сделок, в том числе для покупки инвалюты, золота, серебра; перемещение валютных ценностей через границу было свободным. Была, правда, одна особенность: все указанные сделки должны были проводиться по постоянно менявшимся биржевым курсам, следовательно, был фактор риска, от которого надо было страховать. Поэтому сделки заключались в золотых инвалютах — фунтах стерлингов, марках, франках и др. Они продавались и покупались по твердым паритетам или с очень небольшими отклонениями от них в пределах «золотых точек».

3. Для России во все времена был характерен «комплекс валютной неполноценности». Эта традиция сохранилась и после введения золотого стандарта. Большинство расчетов по международным сделкам велось с помощью инвалютных переводных векселей (тратт).

4. Доля России в мировом экспорте, а значит, и в мировом хозяйстве была сравнительно небольшой, к тому же страна имела сырьевую сельскохозяйственную специализацию. Так, в 1913 г. Великобритания экспортировала на 2556 млн долл. (14,9% к мировому итогу); США — 2448 млн долл. (14,2% к мировому итогу); Герма-

ния — 2405 млн долл. (14% к мировому итогу); Франция — 1328 млн долл. (7,7% к мировому итогу); Россия — 782 млн долл. (4,5% к мировому итогу). По золотому запасу, как уже говорилось ранее, Россия уступала накануне войны только США и Франции. Но он решал не все. Огромную роль играли традиция и авторитет национальной экономики, соответственно национальной валюты на международном рынке. Фунт стерлингов обслуживал тогда 80% мировой торговли, так как он издавна был резервной валютой. Рубль же на международную арену практически так и не вышел.

5. Россия десятилетиями выступала крупнейшим заемщиком инвалюты на зарубежных рынках капиталов. Рубль служил лишь эквивалентом инвалюты при ее купле-продаже внутри России. В 1914 г. государственная внешняя задолженность составляла более 5 млрд руб. [Борисов, 2004, с. 25—29].

Из всего сказанного следует, что даже до Первой мировой войны обратимость золотого рубля была неполной, не такой, как фунта стерлингов, франка и др. Рубль и тогда был в обращении лишь в России, а не во всем мире, хотя формально-юридически ничто не мешало ему стать поистине международной валютой. Но практика выше законодательства. За годы же Первой мировой войны и тем более в первые годы советской власти некогда золотой рубль превратился в сильно обесцененный бумажный, и о его конвертируемости не могло быть и речи.

Список литературы

- Атлас З.В.* Очерки по истории денежного обращения в СССР. М., 1940.
Алмазова О.Л., Дубоносов Л.А. Золото и валюта: прошлое и настоящее. М., 1988.
Белоусов В.Д., Нестеров А.А. Проблемы теории денег: концептуальный аспект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2006. № 3.
Борисов С.М. Рубль — валюта России. М., 2004.
Борисов С.М. Золото в современном мире. М., 2006.
Гусаков А.Д. Очерки по денежному обращению России накануне и в период Октябрьской социалистической революции. М., 1946.
Далин С.А. Инфляции в эпохи социальных революций. М., 1983.
Каценеленбаум З.С. Денежное обращение России, 1914—1924. М., 1924.
Каценеленбаум З.С. Учение о деньгах и кредите. М., 1926.
КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1954. Ч. I.
Наше денежное обращение. Сборник мат-лов по истории денежного обращения в 1914—1925 гг. М., 1926.
Шарапов С.Ф. Бумажный рубль. СПб., 1895.
Щелоков А.А. Монеты СССР. М., 1990.
Юров А., Герасимов В. Монета вчера и сегодня // Деньги и кредит. 1999. № 1.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

А.М. Багдасарян¹,

Национальный аграрный университет Армении (Ереван, Армения)

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ В СТРАНАХ СНГ

Статья посвящена исследованию интеграционных возможностей рынка ценных бумаг в странах СНГ. В частности, рассматриваются возможности и проблемы интеграции регулируемого рынка ценных бумаг, а также депозитарных и расчетно-клиринговых систем.

Ключевые слова: интеграционные процессы, рынок ценных бумаг, депозитарные и расчетно-клиринговые системы.

A.M. Baghdasaryan,

Armenian National Agrarian University (Yerevan, Republic of Armenia)

THE PROSPECTS FOR THE SECURITIES MARKET INTEGRATION IN THE CIS COUNTRIES

The article presents the study of the integration possibilities of the securities market in the CIS countries. The article considers the possibilities and problems of integration of the regulated securities market as well as depository and settlement systems.

Key words: integration processes, securities market, depository and settlement systems.

Постановка проблемы

Интеграция финансовых рынков, и в частности рынка ценных бумаг, является одной из важнейших предпосылок для обеспечения устойчивого развития экономики в странах СНГ. После распада Советского Союза и перехода к рыночной экономике на постсоветском пространстве образовались разрозненные финансовые рынки. Эта разрозненность более всего проявляется на рынке ценных бумаг. Она усугубляется также наличием значимых различий в регулировании рынка ценных бумаг, принципов построения депозитарных и расчетно-клиринговых систем, а также фиксации и передачи прав собственности и других имущественных прав на ценные бумаги.

¹ Багдасарян Арег Меружанович, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов и кредита экономического ф-та; тел.: +374 (55) 56-78-95; e-mail: aregbag@gmail.com

Анализу теоретических и практических аспектов интеграционных процессов на рынке ценных бумаг посвящено достаточно большое количество исследований. В них рассматриваются основные позитивные аспекты интеграции, а также возникающие риски. Во многих исследованиях внимание сфокусировано на изучении процессов глобализации и интеграции в отдельных сегментах рынка ценных бумаг, в частности на биржевом рынке [Геворгян, 2013; Дементьев, 2009; Захаров и др., 2002; Кудинова, 2005; Миркин, 1995, с. 66, 99—100, 413—440; 2002; Маргарян, 2013; Рубцов, 2000; Салназарян, 2009; Царихин, 2008; Fabozzi et al., 2009]. В части исследований тема интеграции затрагивается лишь косвенным образом или не затрагивается вовсе [Вахрушин, 2009; Вилкова, 2007; Ильин, 2012; Пучков, 2003; Станик, 2013; Терещенко, 2011].

Однако анализ интеграционных процессов на рынке ценных бумаг не может быть ограничен изучением только одного или нескольких сегментов этого рынка. Огромное значение имеет также исследование интеграционных процессов расчетно-клиринговых и депозитарных систем в сопоставлении с интеграционными процессами на регулируемом рынке. В свете возможностей создания общего экономического пространства особую важность приобретает всестороннее изучение перспектив интеграции рынка ценных бумаг стран СНГ.

Цель исследования, представленного в данной статье, — выявление возможностей и изучение перспектив интеграции рынка ценных бумаг в странах СНГ. Для этого было изучено нынешнее состояние интеграционных процессов рынка ценных бумаг на постсоветском пространстве, выявлены возможности и перспективы интеграции, а также основные положительные аспекты и проблемы на пути интеграции.

Интеграционные процессы на рынке ценных бумаг в странах СНГ

После распада Советского Союза интеграционные процессы рынка ценных бумаг на постсоветском пространстве шли в основном на национальных уровнях. Данную стадию в большинстве стран СНГ можно считать уже завершённым. Так, если в конце прошлого тысячелетия на территории Республики Армения действовали четыре фондовые биржи, то сейчас — только один оператор регулируемого рынка ценных бумаг — НАСДАК ОЭМЭКС Армения². Интеграционные процессы происходили также в сфере депозитарных и расчетно-клиринговых систем. В настоящее время на завершающем этапе находится внедрение единой депозитарной

² НАСДАК ОЭМЭКС Армения: сайт. URL: <http://www.nasdaqomx.am>

и расчетно-клиринговой системы, которая является структурной единицей НАСДАК ОЭМЭКС [Baghdasaryan, 2013]. Схожие тенденции наблюдаются на российском рынке. В конце 2011 г. произошло слияние двух основных торговых систем российского рынка ценных бумаг — РТС и ММВБ³. В результате этого образовалась Московская биржа — крупнейшая торговая система рынка ценных бумаг на постсоветском пространстве. Интеграционные процессы осуществлялись также в сфере депозитарных и расчетно-клиринговых систем, действующих на территории Российской Федерации. В составе группы Московской биржи образовалась компания, предоставляющая все виды депозитарных и расчетных услуг на рынке ценных бумаг, — Национальный расчетный депозитарий. В 2012 г. ему был присвоен статус центрального депозитария⁴. В соответствии с законодательством Российской Федерации статус центрального депозитария может получить только одно юридическое лицо. Таким образом, как в Республике Армения, так и в Российской Федерации начали образовываться интегрированные торговые, депозитарные и расчетно-клиринговые системы рынка ценных бумаг. Схожие тенденции наблюдаются и в других странах СНГ [Baghdasaryan, 2012].

Дальнейшие интеграционные процессы рынка ценных бумаг связаны с объединением национальных торговых, депозитарных и расчетно-клиринговых систем, действующих в разных странах. Такие интеграционные процессы могут включать создание и укрепление связей между национальными системами, синхронизацию нормативно-правовой базы, регулируемую рынок ценных бумаг, образование наднациональных систем. В сфере международной интеграции на постсоветском пространстве страны начали придерживаться разных приоритетов. Так, в государствах Балтийского региона (Литва, Латвия и Эстония) интеграционные процессы были направлены в основном на синхронизацию национального законодательства с законодательством Европейского союза. В этих странах как операторы регулируемого рынка ценных бумаг, так и операторы расчетной системы (центральные депозитарии ценных бумаг) являются частью группы НАСДАК ОЭМЭКС [Baghdasaryan, 2013]. В странах Балтийского региона создана единая торговая система. Центральные депозитарии ценных бумаг Литвы, Латвии и Эстонии имеют между собой линки, при помощи которых фиксируют право собственности и другие имущественные права, а также выполняют функцию расчетной системы. Происходит интеграция балтийского рынка ценных бумаг с другими рынками НАСДАК

ОЭМЭКС, в частности со скандинавским рынком, создаются корреспондентские отношения с депозитарными и расчетно-клиринговыми системами, действующими на территории Европейского союза, такими, как «Клирстрим» или «Евроклир».

На территории стран СНГ углубляются международные интеграционные процессы. Значительные интеграционные возможности существуют на рынке ценных бумаг Российской Федерации, Беларуси, Казахстана и Украины.

Одним из направлений в интеграционных процессах рынка ценных бумаг, происходящих на территории стран СНГ, является объединение операторов регулируемого рынка ценных бумаг, а также депозитарной и расчетно-клиринговой систем путем приобретения участия (акций) и(или) реорганизации. В таком направлении идут интеграционные процессы на регулируемом рынке Московской биржи и на основных регулируемых рынках Украины — Украинской биржи и Фондовой биржи ПФТС. Московская биржа является мажоритарным участником (акционером) Фондовой биржи ПФТС, а также крупнейшим участником (акционером) Украинской биржи⁵. В данных условиях является целесообразным объединение двух операторов регулируемого рынка ценных бумаг Украины. В этих целях Московская биржа намеревается увеличить свое участие в акционерном капитале Украинской биржи. Объединение двух основных операторов регулируемого рынка ценных бумаг Украины даст возможность углубить интеграционные процессы не только на территории страны, но также на межнациональном уровне, так как новый оператор будет частью группы Московской биржи.

Другим направлением интеграционных процессов рынка ценных бумаг, происходящих на территории стран СНГ, является создание единых или интегрированных торговых систем регулируемого рынка, депозитарных и расчетно-клиринговых систем путем развития сотрудничества между операторами этих систем. Такое направление интеграционных процессов наблюдается в отношениях Московской биржи, Белорусской валютно-фондовой биржи и Казахстанской фондовой биржи⁶.

Большое значение может иметь развитие интеграционных процессов между российским и армянским регулируемыми рынками ценных бумаг. Важность такой интеграции обусловлена тем, что, с одной стороны, основной оператор регулируемого рынка ценных

⁵ Московская биржа (ММВБ-РТС): сайт. URL: <http://www.moex.com>; Украинская биржа: сайт. URL: <http://www.ux.ua>; Фондовая биржа ПФТС: сайт. URL: <http://www.pfts.com>

⁶ Белорусская валютно-фондовая биржа: сайт. URL: <http://www.bcse.by>; Казахстанская фондовая биржа: сайт. URL: <http://www.kase.kz>; Московская биржа (ММВБ-РТС): сайт. URL: <http://www.moex.com>

³ Московская биржа (ММВБ-РТС): сайт. URL: <http://www.moex.com>

⁴ Национальный расчетный депозитарий: сайт. URL: <http://www.nsd.ru>

бумаг России — Московская биржа — является мажоритарным участником основных операторов регулируемого рынка ценных бумаг Украины — Украинской биржи и Фондовой биржи ПФТС, а также инициатором интеграционных процессов с основными операторами регулируемого рынка ценных бумаг Беларуси и Казахстана — Белорусской валютно-фондовой биржей и Казахстанской фондовой биржей, а с другой стороны, единственный оператор регулируемого рынка ценных бумаг Армении — НАСДАК ОЭМЭКС Армения — является частью ведущего оператора регулируемого рынка ценных бумаг, депозитарных и расчетно-клиринговых систем в мире, а также в странах Балтийского региона (Литва, Латвия и Эстония) — группы НАСДАК ОЭМЭКС [Baghdasaryan, 2013]. Таким образом, налаживание указанных связей может стать исходной точкой для развития интеграционных процессов между системами, действующими на территории Европейского союза и СНГ. Однако создание единых и интегрированных систем регулируемого рынка подразумевает интеграцию депозитарных и расчетно-клиринговых систем, а также синхронизацию нормативно-правовой базы, координирующую рынок ценных бумаг. В частности, требует особого внимания исследование проблем по фиксации и передаче имущественных прав на ценные бумаги и защите интересов инвесторов.

Для выяснения интеграционных возможностей рынка ценных бумаг большое значение имеет изучение основных показателей регулируемого рынка. Учитывая особенности развития указанного рынка на территории стран СНГ, в качестве основных показателей рассматриваются число компаний, акции которых допущены к торгам на регулируемом рынке, рыночная капитализация акций, допущенных к торгам на регулируемом рынке, объемы торговли акциями и долговыми ценными бумагами, а также объемы торговли валютой и кредитными ресурсами на регулируемом рынке.

Число компаний, акции которых допущены к торгам на регулируемом рынке, и их рыночная капитализация на основных регулируемых рынках стран СНГ представлены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, по числу компаний, акции которых допущены к торгам на регулируемом рынке, лидирует Белорусская валютно-фондовая биржа. В 2012 г. к торгам на регулируемом рынке Белорусской валютно-фондовой биржи были допущены акции 2359 компаний. Второе, третье и четвертое места по числу компаний, акции которых допущены к торгам на регулируемом рынке, занимают соответственно Фондовая биржа ПФТС, Московская и Украинская биржи. Однако число компаний, акции которых допущены к торгам на регулируемом рынке, здесь намного меньше, чем на Белорусской валютно-фондовой бирже. Так, в 2012 г. к торгам на регулируемом рынке Фондовой биржи ПФТС были допущены

акции 636 компаний, к торгам на регулируемом рынке Московской биржи — акции 268 компаний, а к торгам на регулируемом рынке Украинской биржи — акции 198 компаний.

Таблица 1

Число компаний, акции которых допущены к торгам на регулируемом рынке, и их рыночная капитализация, 2011—2012 гг. [Бюллетени биржевой статистики: 2006—2012; Справочники бирж..., 2006—2013; FEAS Books, 2009—2013]

Название оператора регулируемого рынка	Число компаний, акции которых допущены к торгам на регулируемом рынке		Рыночная капитализация акций, допущенных к торгам на регулируемом рынке, млрд долл. США	
	2011 г.	2012 г.	2011 г.	2012 г.
Белорусская валютно-фондовая биржа, Беларусь	2335	2359	1,1	0,4
Казахстанская фондовая биржа, Казахстан	71	81	22,6	23,5
Кыргызская фондовая биржа, Кыргызстан	13	18	0,2	0,2
Московская биржа, Россия	341	268	771,2	827,2
НАСДАК ОЭМЭКС Армения, Армения	11	11	0,1	0,1
Санкт-Петербургская валютная биржа, Россия	0	3	0	0,1
Украинская биржа, Украина	195	198	25,6	20,7
Фондовая биржа ПФТС, Украина	462	636	15,9	17,6

Также из табл. 1 видно, что по рыночной капитализации акций, допущенных к торгам на регулируемом рынке, лидирует Московская биржа. В 2012 г. рыночная капитализация акций, допущенных к торгам на ее регулируемом рынке, составляла 827,2 млрд долл. США. Второе, третье и четвертое места занимают соответственно Казахстанская фондовая биржа, Украинская биржа и Фондовая биржа ПФТС. Однако показатель рыночной капитализации акций, допущенных к торгам на регулируемом рынке, здесь значительно ниже, чем на Московской бирже. Так, в 2012 г. рыночная капитализация акций, допущенных к торгам на регулируемом рынке Казахстанской фондовой биржи, составляла 23,5 млрд долл. США, на регулируемом рынке Украинской биржи — 20,7 млрд долл.

США, а на регулируемом рынке Фондовой биржи ПФТС — 17,6 млрд долл. США.

Объемы торговли акциями и долговыми ценными бумагами на основных регулируемых рынках стран СНГ представлены в табл. 2.

Таблица 2

Объем торговли акциями и долговыми ценными бумагами на регулируемом рынке, 2011—2012 гг. [Бюллетени биржевой статистики: 2006—2012; Справочники бирж..., 2006—2013; FEAS Books, 2009—2013]

Название оператора регулируемого рынка	Объем торговли акциями, млн долл. США		Объем торговли долговыми ценными бумагами, млн долл. США	
	2011 г.	2012 г.	2011 г.	2012 г.
Белорусская валютно-фондовая биржа, Беларусь	50,4	90,0	2280,5	1906,5
Казахстанская фондовая биржа, Казахстан	1089,2	1377,6	9762,5	3712,9
Кыргызская фондовая биржа, Кыргызстан	28,0	22,5	1,3	2,1
Московская биржа, Россия	554 067,3	372 619,6	1 627 302,0	2 246 430,0
НАСДАК ОЭМЭКС Армения, Армения	0,5	1,0	15,7	11,4
Санкт-Петербургская валютная биржа, Россия	0	0,1	36,6	223,5
Украинская биржа, Украина	4573,3	418,4	155,5	36,2
Фондовая биржа ПФТС, Украина	242,0	230,1	10 879,3	10 960,5

Как видно из табл. 2, по объему торговли акциями на регулируемом рынке лидирует Московская биржа. В 2012 г. этот объем составлял 372,6 млрд долл. США. Второе, третье и четвертое места занимают соответственно Казахстанская фондовая биржа, Украинская биржа и Фондовая биржа ПФТС. Однако объемы торговли акциями на регулируемом рынке здесь значительно меньше, чем на Московской бирже. В 2012 г. объем торговли акциями на регулируемом рынке Казахстанской фондовой биржи составлял 1,4 млрд долл. США, на регулируемом рынке Украинской биржи — 0,4 млрд долл. США, а на регулируемом рынке Фондовой биржи ПФТС — 0,2 млрд долл. США.

Кроме того, из табл. 2 видно, что по объему торговли долговыми ценными бумагами на регулируемом рынке также лидирует Мос-

ковская биржа. В 2012 г. данный объем на регулируемом рынке Московской биржи составлял 2,2 трлн долл. США. Второе, третье и четвертое места занимают соответственно Фондовая биржа ПФТС, Казахстанская фондовая биржа и Белорусская валютно-фондовая биржа. Как и в предыдущем случае, объемы торговли долговыми ценными бумагами на регулируемом рынке здесь значительно меньше, чем на Московской бирже. Так, в 2012 г. объем торговли долговыми ценными бумагами на регулируемом рынке Фондовой биржи ПФТС составлял 10,9 млрд долл. США, на регулируемом рынке Казахстанской фондовой биржи — 3,7 млрд долл. США, а на регулируемом рынке Белорусской валютно-фондовой биржи — 1,9 млрд долл. США.

Неравномерное развитие рынка ценных бумаг и особенно рынка акций в странах СНГ обусловлено объективными и субъективными факторами. К объективным факторам можно отнести различия в размерах экономики и в объемах рынка в разных странах СНГ. Эти различия в свою очередь порождают ряд других: в конкуренции на рынке, в ликвидности рынка, в деятельности ценообразования на рынке. К субъективным факторам, которые влияют на рынок ценных бумаг, и в первую очередь на рынок акций, можно отнести различия в культуре корпоративного и государственного управления, в степени защищенности прав и интересов инвесторов, в устойчивости политической ситуации в стране.

Важной предпосылкой для развития интеграционных процессов на рынке является «наличие» этого рынка. Рынок акций в некоторых странах СНГ практически отсутствует: нет ликвидных инструментов рынка, механизмов ценообразования, не производятся котировки, нет интереса к рынку со стороны потенциальных эмитентов и инвесторов, действенных механизмов защиты прав и интересов акционеров. Из данных, приведенных в табл. 1 и 2, видно, что рынок долговых ценных бумаг, в отличие от рынка акций, в какой-либо степени развит почти во всех странах СНГ. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что интеграционные возможности рынка долговых ценных бумаг выше интеграционных возможностей рынка акций. Кроме того, развитие интеграционных процессов на рынке долговых ценных бумаг находится в меньшей зависимости от различий в культуре корпоративного управления. Следовательно, особое внимание нужно уделять интеграционным процессам именно на этом рынке.

Для выявления интеграционных возможностей отдельных сегментов рынка долговых ценных бумаг большое значение имеет изучение показателей объемов торговли корпоративными долговыми ценными бумагами и государственными ценными бумагами. Рынок государственных ценных бумаг — наиболее перспективный

сегмент рынка с точки зрения развития интеграционных процессов. Это обусловлено тем, что данные ценные бумаги являются одним из наиболее надежных финансовых инструментов в странах СНГ. Не последнюю роль играет тот факт, что в странах СНГ схожие принципы государственного управления и обслуживания государственного долга.

Объемы торговли корпоративными долговыми и государственными ценными бумагами на основных регулируемых рынках стран СНГ представлены в табл. 3.

Таблица 3

Объем торговли корпоративными долговыми и государственными ценными бумагами на регулируемом рынке, 2011—2012 гг. [Бюллетени биржевой статистики: 2006—2012; Справочники бирж..., 2006—2013; FEAS Books, 2009—2013]

Название оператора регулируемого рынка	Объем торговли корпоративными долговыми ценными бумагами, млн долл. США		Объем торговли государственными ценными бумагами, млн долл. США	
	2011 г.	2012 г.	2011 г.	2012 г.
Белорусская валютно-фондовая биржа, Беларусь	1150,8	1138,6	1129,7	767,9
Казахстанская фондовая биржа, Казахстан	2010,8	2165,3	7751,7	1547,6
Кыргызская фондовая биржа, Кыргызстан	1,3	2,1	0	0
Московская биржа, Россия	1 225 152,3	1 848 335,6	402 149,8	398 094,7
НАСДАК ОЭМЭКС Армения, Армения	1,8	1,0	13,9	10,4
Санкт-Петербургская валютная биржа, Россия	36,6	223,5	0	0
Украинская биржа, Украина	62,9	24,5	92,6	11,7
Фондовая биржа ПФТС, Украина	1315,7	1675,0	9563,6	9285,5

Как видно из табл. 3, по объему торговли корпоративными долговыми ценными бумагами на регулируемом рынке лидирует Московская биржа. В 2012 г. объем этой торговли составлял 1,8 трлн долл. США. Второе, третье и четвертое места занимают соответственно Казахстанская фондовая биржа, Фондовая биржа ПФТС и Белорусская валютно-фондовая биржа. Объемы торговли корпоративными долговыми ценными бумагами на регулируемом рынке здесь

значительно меньше. Так, в 2012 г. на регулируемом рынке Казахстанской фондовой биржи он составлял 2,2 млрд долл. США, на регулируемом рынке Фондовой биржи ПФТС — 1,7 млрд долл. США, а на регулируемом рынке Белорусской валютно-фондовой биржи — 1,1 млрд долл. США.

По объему торговли государственными ценными бумагами на регулируемом рынке также лидирует Московская биржа. В 2012 г. объем торговли государственными ценными бумагами на ее регулируемом рынке составлял 0,4 трлн долл. США. Второе, третье и четвертое места занимают соответственно Фондовая биржа ПФТС, Казахстанская фондовая биржа и Белорусская валютно-фондовая биржа. В 2012 г. объем торговли государственными ценными бумагами на регулируемом рынке Фондовой биржи ПФТС составлял 9,3 млрд долл. США, на регулируемом рынке Казахстанской фондовой биржи — 1,5 млрд долл. США, а на регулируемом рынке Белорусской валютно-фондовой биржи — 0,8 млрд долл. США.

Из данных, приведенных в табл. 2 и 3, следует, что рынок корпоративных ценных бумаг наиболее развит в России и Казахстане и наименее — в Армении. Основную долю среди инструментов рынка ценных бумаг, являющихся предметом торговли на регулируемом рынке НАСДАК ОЭМЭКС Армения, составляют государственные ценные бумаги. Это обусловлено как низким уровнем развития корпоративного управления, так и структурой инвесторов на рынке ценных бумаг. Основной группой инвесторов на этом рынке являются банки, которым необходимы надежные, высоколиквидные инструменты с низким кредитным риском для совершения сделок репо с Центральным банком Армении. Схожая ситуация наблюдается также и в других странах СНГ. Однако в них наряду с развитием рынка государственных ценных бумаг хорошо работает рынок корпоративных ценных бумаг. Развитие интеграционных процессов на рынке ценных бумаг может помочь распространению положительного опыта между странами СНГ.

Объемы торговли валютой и кредитными ресурсами на основных регулируемых рынках стран СНГ представлены в табл. 4.

Из табл. 4 видно, что по объему торговли валютой на регулируемом рынке лидирует Московская биржа. В 2012 г. этот объем составлял 3,8 трлн долл. США. Второе, третье и четвертое места занимают соответственно Казахстанская фондовая биржа, Белорусская валютно-фондовая биржа и НАСДАК ОЭМЭКС Армения. Объемы торговли валютой на регулируемом рынке здесь значительно меньше, чем на Московской бирже. В 2012 г. на регулируемом рынке Казахстанской фондовой биржи он составлял 96,1 млрд долл. США, на регулируемом рынке Белорусской валютно-фондовой биржи —

30 млрд долл. США, а на регулируемом рынке НАСДАК ОЭМЭКС Армения — 0,8 млрд долл. США.

Таблица 4

Объем торговли валютой и кредитными ресурсами на регулируемом рынке, 2011—2012 гг. [Бюллетени биржевой статистики: 2006—2012; Справочники бирж..., 2006—2013; FEAS Books, 2009—2013]

Название оператора регулируемого рынка	Объем торговли валютой, млн долл. США		Объем торговли кредитными ресурсами, млн долл. США	
	2011 г.	2012 г.	2011 г.	2012 г.
Белорусская валютно-фондовая биржа, Беларусь	17 002,5	30 047,8	0	0
Казахстанская фондовая биржа, Казахстан	106 179,9	96 063,7	0	0
Кыргызская фондовая биржа, Кыргызстан	0	0	0	0
Московская биржа, Россия	2 938 097,6	3 760 528,4	306 062,5	270 414,5
НАСДАК ОЭМЭКС Армения, Армения	760,4	753,7	7087,7	15 084,3
Санкт-Петербургская валютная биржа, Россия	59,1	68,6	33 118,0	49 622,0
Украинская биржа, Украина	0	0	0	0
Фондовая биржа ПФТС, Украина	0	0	0	0

По объему торговли кредитными ресурсами на регулируемом рынке также лидирует Московская биржа. В 2012 г. объем торговли кредитными ресурсами здесь составлял 270,4 млрд долл. США. Второе и третье места занимают Санкт-Петербургская валютная биржа и НАСДАК ОЭМЭКС Армения. Объемы торговли кредитными ресурсами на их регулируемых рынках, естественно, значительно меньше, чем на Московской бирже. Так, в 2012 г. объем торговли кредитными ресурсами на регулируемом рынке Санкт-Петербургской валютной биржи составлял 49,6 млрд долл. США, а на регулируемом рынке НАСДАК ОЭМЭКС Армения — 15,1 млрд долл. США.

Из приведенных выше данных следует, что развитие регулируемого рынка того или иного региона во многом зависит от размеров рынка и масштабов интеграции на рынке. По всем основным показателям лидирует Московская биржа, которая ведет работу на

крупнейшем и достаточно интегрированном рынке стран СНГ. С точки зрения развития таких малых рынков, как рынок ценных бумаг Армении, огромное значение имеет интеграция с другими внутренними рынками, например с валютным рынком и рынком кредитных ресурсов. Такая интеграция может дать синергетический эффект. В странах с малыми рынками создание интегрированных систем повышает эффективность их деятельности, что в свою очередь позволяет операторам регулируемого рынка вкладывать дополнительные средства в развитие торговых, депозитарных и расчетно-клиринговых систем. Формирование интегрированных систем финансового рынка позволяет получать новые финансовые продукты, повышать конкуренцию на рынке и создавать новые инвестиционные возможности. Интеграция может привести к опережающему росту суммарного объема интегрированных рынков по сравнению с ростом суммарного объема отдельно взятых рынков. Однако интеграционные возможности внутренних рынков ограничены. На нынешней стадии развития рынка значение приобретают также интеграционные процессы с внешними рынками. Интеграция торговых систем регулируемого рынка ценных бумаг в странах СНГ может происходить почти во всех сегментах рынка. Интеграционные возможности существуют как на первичном рынке, так и на вторичном, на рынке как государственных, так и корпоративных ценных бумаг.

Интеграционные процессы на первичном рынке могут включать как создание интегрированных площадок для осуществления первичного размещения ценных бумаг, доступ к которым имеется у профессиональных участников рынка ценных бумаг других стран СНГ, так и создание механизмов для переадресации заявок профессиональных участников рынка ценных бумаг одного государства посредством профессиональных участников рынка ценных бумаг другого государства на регулируемый рынок своей страны. В первом случае потребуются намного больше изменений в национальных законодательствах и других нормативно-правовых актах, регламентирующих рынок ценных бумаг. Во втором же случае возрастут трансакционные расходы, связанные с исполнением заявок. Внедрение интегрированных систем и механизмов переадресации заявок на первичном рынке государственных ценных бумаг даст возможность обеспечить стабильное финансирование бюджетного дефицита с параллельным снижением расходов по обслуживанию государственного долга. Внедрение интегрированных систем и механизмов переадресации заявок на первичном рынке корпоративных ценных бумаг увеличит инвестиционные возможности рынка, подвижность капитала, а также повысит роль рынка ценных бумаг в финансировании инвестиционных проектов.

Интеграционные процессы на вторичном рынке также могут включать как создание интегрированных торговых площадок, доступ к которым имеется у профессиональных участников рынка ценных бумаг других стран СНГ, так и создание механизмов для переадресации заявок. Внедрение интегрированных систем и механизмов переадресации заявок на вторичном рынке ценных бумаг будет способствовать увеличению ликвидности рынка ценных бумаг, повышению конкуренции и формированию рыночной стоимости ценных бумаг.

Выводы

Проведенные исследования показывают, что рынок ценных бумаг в странах СНГ обладает достаточными интеграционными возможностями. Потенциал существует во всех сегментах рынка ценных бумаг, однако более широкие возможности имеются на рынке долговых ценных бумаг. Это обусловлено тем, что этот сегмент рынка, в отличие от рынка акций, в той или иной степени развит почти во всех странах СНГ. Углубление интеграционных процессов на рынке ценных бумаг стран СНГ может оказать положительное воздействие на увеличение инвестиционных возможностей экономики стран СНГ, что в свою очередь окажет положительное воздействие на увеличение темпов роста ВВП, сокращение безработицы и улучшение социального положения населения. Однако создание единых и интегрированных систем регулируемого рынка должно сопровождаться интегрированием депозитарных и расчетно-клиринговых систем, а также синхронизацией нормативно-правовой базы, регламентирующей рынок ценных бумаг. Интеграционные процессы депозитарных и расчетно-клиринговых систем могут включать внедрение института номинального держателя для центральных депозитариев и установление корреспондентских отношений между центральными депозитариями ценных бумаг стран СНГ. Благодаря установлению корреспондентских отношений между центральными депозитариями возможными станут фиксирование и передача прав собственности и других имущественных прав на ценные бумаги, а также обеспечение максимальной защиты интересов инвесторов. Для развития интеграционных процессов как на регулируемом рынке ценных бумаг, так и между депозитарными и расчетно-клиринговыми системами важнейшей предпосылкой является синхронизация, а в дальнейшем унификация нормативно-правовой базы, регламентирующей рынок ценных бумаг. Основные проблемы связаны с тем, что после распада Советского Союза развитие нормативно-правовой базы на территории бывших союзных республик происходило в разных направлениях. Поэтому очень

важно синхронизировать нормативно-правовую базу, регулирующую российский и армянский рынки ценных бумаг. Актуальность данного процесса обусловлена тем, что нормативно-правовая база, регулирующая рынок ценных бумаг Армении, наиболее синхронизирована с законодательством стран Европейского союза, и в частности с нормативно-правовой базой стран Балтийского региона (Литва, Латвия и Эстония). Создание синхронизированной нормативно-правовой базы, регулирующей рынок ценных бумаг, может положить начало формированию единого интегрированного Евразийского рынка ценных бумаг. В свете развития интеграционных процессов особого внимания требует исследование проблем, связанных с фиксированием и передачей имущественных прав на ценные бумаги и защитой интересов инвесторов.

Список литературы

- Белорусская валютно-фондовая биржа: сайт. URL: <http://www.bcse.by>
Бюллетени биржевой статистики: 2006—2012 // Международная ассоциация бирж стран СНГ: сайт. URL: <http://mab.micex.ru> (дата обращения: 20.12.2013).
- Вахрушин И.В.* Рынок ценных бумаг КНР: состояние, развитие, перспективы: Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2009.
- Вилкова Т.Б.* Конфликты интересов при осуществлении брокерской деятельности на рынке ценных бумаг и методы их разрешения: Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2007.
- Геворгян В.М.* Основные пути проведения первичного публичного предложения акций в РА: Дисс. ... канд. экон. наук. Ереван, 2013.
- Дементьев В.Е.* Длинные волны экономического развития и финансовые пузыри: препринт # WP/2009/252. М., 2009.
- Захаров А.В., Кириченко Д.А., Челмодеева Е.В.* Валютные и универсальные биржи XXI века как антикризисный механизм финансового рынка. 2-е изд. М., 2002.
- Ильин Е.В.* Механизмы и пределы саморегулирования на финансовых рынках в развитых странах мира: Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2012.
- Казахстанская фондовая биржа: сайт. URL: <http://www.kase.kz>
- Кудинова М.М.* Российский и зарубежные рынки ценных бумаг: проблемы взаимодействия: Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2005.
- Маргарян Л.А.* Проблемы повышения эффективности корпоративного управления (по материалам банков РА): Дисс. ... канд. экон. наук. Ереван, 2013.
- Миркин Я.М.* Ценные бумаги и фондовый рынок. М., 1995.
- Миркин Я.М.* Рынок ценных бумаг: Воздействие фундаментальных факторов, прогноз и политика развития. М., 2002.
- Московская биржа (ММВБ-РТС): сайт. URL: <http://www.moex.com>
НАСДАК ОЭМЭКС Армения: сайт. URL: <http://www.nasdaqomx.am>
Национальный расчетный депозитарий: сайт. URL: <http://www.nsd.ru>

Пучков А.А. Депозитарная деятельность на рынке ценных бумаг России: Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2003.

Рубцов Б.Б. Мировые фондовые рынки: современное состояние и закономерности развития. М., 2000.

Салназарян Б.Б. Рынок ценных бумаг. Ереван, 2009.

Справочники бирж и депозитариев — членов МАБ СНГ. 2006—2013 // Международная ассоциация бирж стран СНГ: сайт. URL: <http://mab.micex.ru> (дата обращения: 20.01.2014).

Станик Н.А. Кризисы на рынке ценных бумаг: характерные черты и методы ранней идентификации: Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2013.

Терещенко Н.Н. Секьюритизация и ее роль в финансировании инвестиционных проектов: Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2011.

Украинская биржа: сайт. URL: <http://www.ux.ua>

Фондовая биржа ПФТС: сайт. URL: <http://www.pfts.com>

Царихин К.С. Фондовый рынок и мир. М., 2008.

Baghdasaryan A.M. Peculiarities of Development of the Regulated Securities Market in the USA and the Russian Federation // *Hayastan, Finances and Economics*. 2012. N 9 (147).

Baghdasaryan A.M. The Ways of Development of the Securities Market in the Republic of Armenia: Monograph. Yerevan, 2013.

Fabozzi F.J., Modigliani F.P., Jones F.J. Foundations of Financial Markets and Institutions. 4th ed. USA, 2009.

FEAS Books: 2009—2013 // Federation of Euro-Asian Stock Exchanges: Website. URL: <http://www.feas.org> (дата обращения: 20.01.2014).

ТРИБУНА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

В.В. Герасименко¹,

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПОИСК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПОДХОДОВ

В период кризиса в мире уменьшился объем программ управленческого образования. Современная экономическая ситуация не способствует восстановлению спроса на него. В России после принятия нового закона об образовании происходит сокращение программ бизнес-образования. Кроме того, усиливается конкуренция российских и международных бизнес-школ и университетов. Поэтому важно понимать и прогнозировать параметры потребительского выбора тех людей, которые захотят освоить программы бизнес-образования в будущем. Управленческое образование должно развиваться в соответствии с новыми потребностями. Особую роль в данном процессе должен играть междисциплинарный подход.

Ключевые слова: управленческое образование, MBA, кризис, потребительский выбор, междисциплинарный подход.

V.V. Gerasimenko,

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

RETHINKING MANAGERIAL EDUCATION: SEARCH FOR MULTIDISCIPLINARY APPROACHES

The volume of managerial education programs in the world has contracted during the crisis. The current economic situation after the crisis hinders the recovery of demand for business education. Business education programs in Russia are being reduced, especially with the adoption of a new Law on education in Russia. Besides, competition between Russian and international business schools and universities increases. It is therefore important to understand and predict the parameters of consumer choice of those who will opt for business education in the future. Management education should develop in accordance with the new requirements and interdisciplinary approaches play a special role in this process.

Key words: managerial education, MBA, crisis, consumer choice, multidisciplinary approach.

¹ *Герасименко Валентина Васильевна*, докт. экон. наук, зав. кафедрой маркетинга; тел.: +7 (495) 939-57-22; e-mail: marketing@econ.msu.ru

Введение

Экономическое образование в современном мире — это система образовательных ступеней разных уровней. Практически каждый крупный университет в России и за рубежом имеет в своей структуре специализированные учебные программы управленческого образования. Сложилась система оценки этих программ, и многие университеты, в том числе и российские, соревнуются в маркетинге образования за высшие позиции в различных рейтингах для увеличения числа обучающихся [Бухарова, Старикова, 2010; Primus aus der Provinz..., 2013]. Однако в последнее десятилетие под влиянием мирового экономического кризиса ситуация в мире ухудшилась. Спрос на управленческое образование начал снижаться [Баденхаузен, 2013]. Что это может означать: мировой экономике уже не требуются управленческие кадры или бизнес-образование отстало от требований времени? Ответить на эти вопросы невозможно без понимания параметров спроса на управленческие знания и компетенции, без понимания приоритетов потребительского выбора. Наиболее осознанно требования к программам обучения формулируют управленцы с большим практическим опытом и достаточно высокой степенью карьерного роста. Такие люди приходят в университеты, понимая свои запросы и возможности университетского образования. Они предъявляют спрос на образование уровня МВА или магистратуры по менеджменту. Кроме того, эти люди выступают как работодатели для линейных менеджеров, формируя требования к качеству их образования. Поэтому в данной статье представлен сравнительный анализ данных современных исследований и экспертных оценок параметров потребительского выбора менеджеров высшего и среднего уровня, прошедших обучение на программах МВА. Данные оценки должны определить будущее содержание программ управленческого образования в западноевропейских и российских университетах. Ориентируясь на развитие их приоритетов, отражающих требования экономики, необходимо совершенствовать структуру управленческого образования разных уровней.

Современные вызовы университетской системе управленческого образования

В экономической литературе все чаще попадают мнения о снижении ценности управленческого образования для современного бизнеса. С этими идеями выступают и зарубежные исследователи [Branson, 2013; Mintzberg, 2004], и российские эксперты [Муссабетов, 2013]. Часто отмечается, что знания перестали быть долгосрочным

активом [Khurana, 2013]. Экономическая ситуация быстро меняется, учебники устаревают, еще не выйдя из печати. Можно с уверенностью сказать, что система управленческого образования нуждается в переосмыслении с учетом новых реалий.

Важно посмотреть на систему управленческого образования не только с позиции университета, но и с позиции предпринимателей, которым не хватает управленческих знаний, HR-менеджеров, которые ищут управленцев на вакансии, самих управленцев, желающих улучшить свое карьерное продвижение. В университеты и бизнес-школы студенты идут, чтобы получить системные знания и навыки, освоить инструментарий, необходимый для решения проблем, и новые компетенции, дающие ключ к успеху. Как этому научить и что приоритетно в современных условиях?

Прежде всего необходимо отметить, что стандартные университетские программы управленческого образования явились результатом эпохи индустриализации, поиска новых подходов к управлению компаниями и имеют более чем столетнюю историю. Цель управленческого образования — дать обучающемуся систему знаний о существующих подходах к управлению, а также о современных практических технологиях, развивающих бизнес-мышление. Последние определяют и одно из важнейших требований к преподавателям в западных университетах — наличие практических знаний [Баева, 2013; Рачковская, 2011].

Проведенные нами исследования показывают, что современная критика российского управленческого образования часто не учитывает этого ключевого момента. Представляется, что направления актуализации программ управленческого образования необходимо искать не в углубленном преподавании экономической теории, а в изучении предпринимательской практики, ее трендов и потребностей в управленческих кадрах. Для лучшего понимания данного вопроса необходимо проводить социологические исследования среди выпускников и предпринимателей. Анализ потребительских оценок в этой области приводится ниже.

Компетенции как результат управленческого образования: уроки зарубежных и российских программ МВА

Компетенции — это умения, знания, навыки и деловые качества человека, как личностные, так и профессиональные, которые проявляются в его поведении и обуславливают его успех в конкретной деятельности. Повышение уровня знаний, их систематизация — главные причины, побуждающие к образованию. Одним получение

диплома MBA нужно, потому что они заинтересованы в росте собственной капитализации, другим — потому что необходимо осуществлять руководство компанией в новых условиях, управлять рисками и повышать эффективность бизнеса.

Какими компетенциями необходимо владеть выпускнику, чтобы в полной мере оправдать затраты времени и средств на обучение? На этот вопрос нет однозначного ответа. Как правило, многие управленцы среднего звена хотят получить навыки, «привязанные» к конкретному бизнесу или к определенной стадии развития компании. В то же время для топ-менеджеров важны более универсальные знания и умения, дающие инструменты для руководства проектами и подразделениями организации. Задача высших уровней управленческого образования — повышение профессионализма менеджера в той или иной функциональной области бизнеса, с одной стороны, и развитие стратегического мышления, управленческого подхода и навыков принятия эффективных решений — с другой.

Нами были проведены исследования, позволившие выявить современные потребительские оценки полезности выпускников MBA экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и сопоставить их с аналогичными результатами исследований выпускников в одной из наиболее развитых стран Западной Европы — Германии. Подобное сопоставление очень актуально в современных условиях глобализации мировой экономики. И хотя формирование управленческих программ образования началось в США, универсализация образовательных стандартов привела к разностороннему развитию этих программ на Европейском континенте, где основным торговым и экономическим партнером российского предпринимательства является именно Германия.

Авторитетные немецкие экономические издания (например, *Wirtschaftswoche*, *Handelsblatt*) регулярно осуществляют исследования показателей полезности и направлений совершенствования управленческого образования, составляют различные рейтинги. На основе их подходов немецкие университеты и бизнес-школы проводят и собственный анализ.

Для обеспечения сравнимости результатов немецких и российских исследований нами была применена общая методология составления опросов. В итоге были выявлены достаточно неожиданные приоритеты в оценках. Так, по данным опроса *Universum Professional Survey* школы бизнеса *ISM* в Германии [*Universum...*, 2013], на вопрос: «Ваши важнейшие карьерные и жизненные достижения после MBA?» — были получены следующие ответы (в процентах дается количество ответов по убыванию):

Показатель	Значение, %
Work-Life-Balance	52
Интеллектуальное самовыражение	52
Международное продвижение, возможность работать за рубежом	47
Разнообразная интересная работа	57
Работа, связанная с инновациями	41
Высокая степень ответственности	38

Примечательно, что известное и престижное рейтинговое анкетирование, проводимое газетой *Wirtschaftswoche* [*Primus...*, 2013], дало похожие результаты. В ответах на вопрос: «Какие параметры образования для Вас наиболее важны и на что особенно обращают внимание работодатели при выборе специалиста-менеджера?» — доминируют параметры личности:

Личность, %	91,5
Практический опыт, %	88,7
Экзаменационные оценки, %	68,4
Очень хороший английский язык, %	65,5
Зарубежный опыт, %	56,5
Продолжительность обучения, %	52,5
Образование по диплому (бакалавр, магистр, MBA), %	51,4
Социальная активность, социальные установки, %	44,6
Высшая школа, какой университет закончил, %	31,6

Очевидно, что в двух приведенных выше группировках ценностей велика роль рациональных и имиджевых параметров.

А вот на вопрос этого же рейтинга: «Какие навыки и компетенции наиболее важны? Какие навыки должно развивать управленческое образование?» — были получены иные ответы, скорее психологического характера:

Способность к коммуникациям, %	52,6
Мышление, ориентированное на принятие решений, %	48,6
Аналитические способности, %	33,1
Способность работать в команде, %	32,6
Способность разрешать конфликты, %	30,9
Способность к самостоятельным действиям, %	30,3

Способность к сопереживанию, %	29,7
Способность воспринимать критику, %	27,4
Способность управлять временем, %	27,4
Готовность к эффективной производительной работе, %	26,9

Отметим, что собственно экономические знания и компетенции явно не доминируют в приведенных данных.

Для понимания приоритетов в российской управленческой среде необходимо было получить, обобщить и проанализировать соответствующие оценки результативности российских программ MBA. Как уже было сказано, для этого по аналогичной методологии были проведены опросы выпускников MBA МГУ имени М.В. Ломоносова. Для анализа к полученным результатам были добавлены данные исследований российских выпускников MBA, которые проводились ранее экономическим факультетом МГУ, а также другими университетами и организациями [Баева, 2013; Герасименко, Ульянова, 2011; Крачок, 2011; Муссабетов, 2013; Упатов, 2013].

Проведенные исследования дали по ряду параметров результаты, отличающиеся от западноевропейских. И это объяснимо. Российская предпринимательская среда и параметры спроса на управленческие кадры в настоящее время несколько отличаются от соответствующих параметров западноевропейских стран. Соответственно отличаются и параметры знаний, на которые ориентируется управленческое образование.

Что отвечают российские выпускники на вопросы о ценности бизнес-образования и критериях потребительского выбора? На эту тему проводился ряд исследований. Так, компанией MarksMan было опрошено 1200 респондентов, обладающих степенью MBA [Муссабетов, 2013; Упатов, 2013]. На вопрос: «Каковы причины получения MBA?» — практически половина опрошиваемых (46%) ответила, что основной целью получения степени MBA являлось приобретение новых знаний, 32% надеялись на карьерный рост. На вопрос: «Оправдались ли Ваши ожидания от полученного образования?» — 66% респондентов ответили утвердительно, 27% частично довольны полученным образованием, и только 7% абсолютно разочарованы. На вопрос: «Чем фактически Вам помогло получение степени MBA?» — были получены следующие ответы:

- 43% довольны полученными новыми знаниями;
- 22% стали лучше понимать бизнес, полученные знания помогают им в работе;
- 14% получили профессиональный и карьерный рост;

- 12% обзавелись новыми контактами и знакомствами;
- 5% приобрели уверенность в себе.

Очевидно, что в ответах преобладают ценности профессиональных знаний и перспектив карьерного роста. Аналогично выглядят оценки выпускников MBA экономического факультета МГУ последних трех лет, полученные по результатам проведенного автором опроса в декабре 2013 г. При этом почти все респонденты отмечают высокую степень удовлетворенности обучением и дают высокую оценку имиджу программы MBA в МГУ (рис. 1, 2).

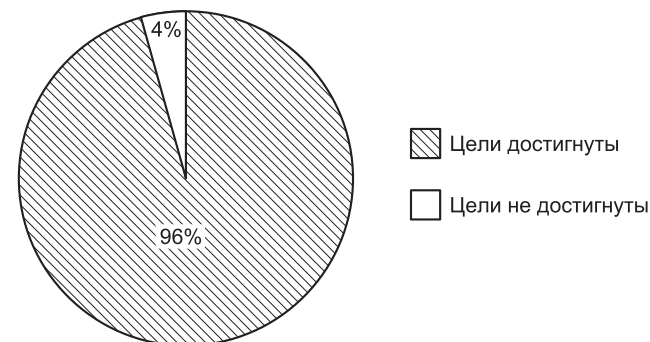

Рис. 1. Оценка достижения выпускниками индивидуальных образовательных целей

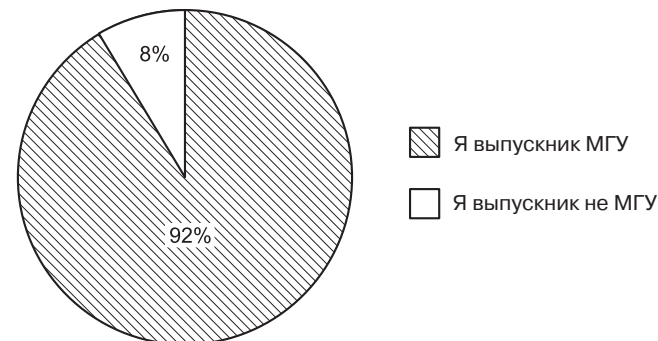

Рис. 2. Оценка значимости вуза выпускниками

Приведенные результаты свидетельствуют о том, что выпускники положительно отзываются о программах MBA экономического факультета МГУ, об их содержании, соответствующем запросам обучающихся. Каковы же эти запросы? Ниже приводятся характеристики результатов обучения, полученные в итоге анкетирования. В них, так же как и в других российских опросах, высокие оценки имеют профессиональные знания, новые управленческие полномочия и опыт решения бизнес-ситуаций (рис. 3).

Рис. 3. Оценка наиболее значимых результатов выпускниками экономического факультета МГУ после окончания программы MBA

Как уже отмечалось выше, выпускники немецких образовательных программ не отмечали профессиональные знания в качестве наиболее важных результатов, хотя их роль, конечно, не подвергалась сомнению. Сопоставив те оценки, которые назывались и в российских и в зарубежных опросах, нетрудно заметить различие в приоритетах (рис. 4).

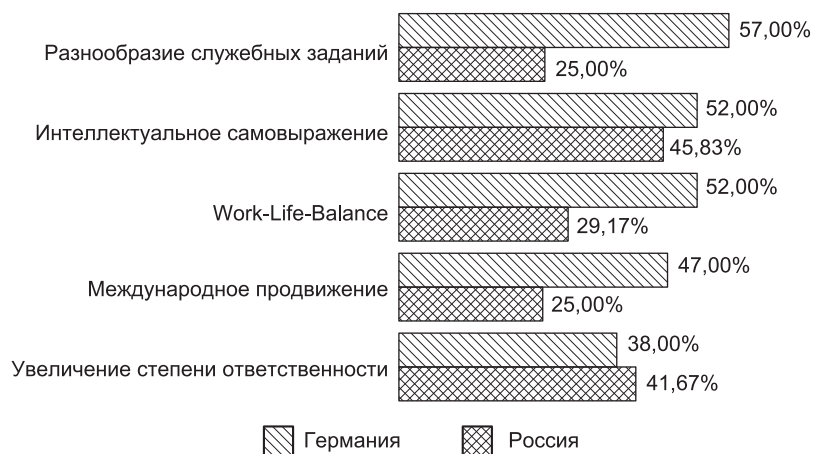

Рис. 4. Приоритетные достижения выпускников после окончания управленческих программ MBA в России и Германии

Тем не менее оценки наиболее важных навыков и компетенций, т.е. собственных качеств выпускников, приобретенных ими

в процессе обучения в МГУ и университетах Германии, видятся менеджерам практически одинаково. Топ-5 приоритетных навыков и компетенций выпускников немецких и российских программ MBA следующий:

Навыки и компетенции, %	Немецкие университеты	Экономический факультет МГУ
Способность к коммуникациям	52,6	58,3
Мышление, ориентированное на принятие решений	48,6	66,7
Аналитические способности	33,1	37,5
Способность работать в команде	32,6	50,0
Способность к самостоятельным действиям	30,3	50,0

Результаты проведенных исследований и их сопоставление с аналогичными зарубежными данными позволяют увидеть ряд особенностей и сделать выводы относительно тенденций развития современного управленческого образования. К числу основных трендов относится **глобализация управленческого образования**, что является неизбежным следствием глобализации экономики и универсализации образовательных систем разных стран. В этой связи становится все более очевидным, что отечественным университетам и бизнес-школам следует учитывать указанные тенденции. А следовательно, необходимо проявлять большую активность за пределами своей страны, в том числе привлекать иностранных профессоров, заключать эффективные сетевые альянсы с другими образовательными учреждениями и сотрудничать с международными компаниями. Перспективные направления межвузовских взаимодействий были показаны и обоснованы в наших предыдущих исследованиях по этой теме [Герасименко, 2010; Gerasimenko et al., 2012]. Игнорирование тенденций глобализации управленческого образования в учебном процессе, ориентация отечественных образовательных программ на внутренний рынок могут привести к невостребованности их выпускников организациями, которым требуются специалисты с интернациональным опытом.

Следует, однако, отметить, что необходимость учитывать особенности глобализации образовательного пространства не тождественна идее идентификации российских и зарубежных программ управленческого образования. Нужен анализ тех изменений, которые предпринимаются лидирующими университетами разных стран. Безусловно, полезно отслеживать тренды развития программ различных вузов и те вызовы, на которые они реагируют. Важным источником информации в этой области являются исследования,

связанные с составлением различных рейтингов управленческих образовательных программ. Такие исследования проводятся не только рейтинговыми агентствами различных СМИ [Business School..., 2012; Handelsblatt-Ranking..., 2012; Academic Ranking..., 2012; Times Higher Education..., 2012], но и крупными университетами [Langer, Ziegele, 2005; van Lüde et al., 2010].

Ярким и показательным примером вуза, проводящего широкие исследования содержания и полезности управленческого образования, может служить Университет Кайзерслаутерн в Германии [Friedrich, 2013]. Так, при опросах студентов университетов и специализированных высших школ Германии, проводившихся этим учебным заведением, обнаружилось, что среди характеристик учебного процесса, значимых для учащихся, наиболее весомые оценки получили такие параметры, которые принято считать дополнительными, а не основными:

- дидактическое сопровождение учебного материала;
- междисциплинарные курсы внутри учебного плана;
- ориентированность учебного процесса на практику и профессиональную среду;
- включение иностранных профессоров в учебный процесс.

Среди основных профессиональных компетенций студенты выделили **социальные** (например, ориентированность на команду, способность к презентационным выступлениям), а также связанные с владением **иностранными языками**.

Среди методов образования и в российских, и в зарубежных университетах сегодня особое место занимают **дистанционные** образовательные технологии. Но в этой сфере есть свои «болевы точки». Первоначально кажется, что главное для удаленного обучения — подготовить содержательный и доступный для усвоения текст электронного учебного материала. Однако практика внедрения дистанционных методов образования показывает, что проблемы лежат в несколько иной плоскости. Так, при исследовании мнений студентов немецких университетов и бизнес-школ относительно использования данных методов обучения выяснилось, что приоритетные оценки значимости получили такие пункты, как **онлайн-поддержка** учебного процесса и **офлайн-поддержка** самостоятельного обучения через специальные учебные платформы, а не расширение предложения учебных курсов и качество дистанционных учебных материалов [Federkeil, 2011, p. 16].

Еще одним результатом названных исследований качества управленческого образования, проводившихся в Германии, стал вывод о том, что университетам и специализированным высшим школам еще не удалось обеспечить свой образовательный профиль достаточными **практическими знаниями**, особенно в магистратуре. Лишь

4% студентов оценили баллом «отлично» и только 24% — «хорошо» этот важнейший параметр — ориентированность обучения в магистратуре по менеджменту на практические знания и компетенции. Менее 10% студентов оценили на «отлично» и около 40% — на «хорошо и отлично» приобретаемые **социальные компетенции**. 15% студентов оценили на «отлично» и в сумме около 60% на «отлично + хорошо» полученные компетенции в области **управленческих методов**. Изучение и анализ указанных результатов предостерегают от безоговорочного копирования учебных материалов и курсов зарубежных университетов-партнеров и создают базу для совместных поисков путей развития управленческого образования, которые могут стать предметом дальнейших исследований.

Заключение

В современных условиях возникают и быстро распространяются новые идеи и тренды в образовательных технологиях. Как показывают исследования, одной из наиболее ярких современных тенденций становится междисциплинарное взаимодействие, в результате которого ожидается получение нового инновационного результата от комплексного применения знаний, их синтеза, переноса идей и методов из одной науки в другую. Этот принцип лежит в основе креативности, которая требуется для эффективной управленческой деятельности в современных условиях.

Междисциплинарное взаимодействие в управленческом образовании развивается сразу по нескольким направлениям. Заметным явлением становится гуманизация управленческого знания, повышение приоритетности личностных качеств и социальных установок, коммуникационной активности и открытости, этических принципов и сопричастности, социальной активности и нравственности. Это неизбежно выводит управленческое образование за пределы собственно экономических знаний и теории менеджмента.

Происходят и другие изменения, которые нельзя не заметить. Наряду с гуманизацией активно развивается технократизация управленческого знания как неизбежное следствие распространения технологических инноваций на сферу управления. Современный менеджмент должен широко использовать математику, статистику, эконометрику, электронные технологии взаимодействия с партнерами и клиентами. Применение математических методов в единстве с экономическим анализом открывает новые возможности для управленческой практики. Количественные методы становятся необходимыми в ежедневной управленческой деятельности. Они помогают упорядочить систему экономической информации, выявить недостатки в имеющейся информации и выработать тре-

бования для подготовки новой информации или ее корректировки. Формализация экономических задач и применение информационных технологий многократно ускоряют расчеты, повышают их точность и сокращают трудоемкость. Разработка и применение экономико-математических моделей помогают совершенствовать управленческие процессы, находить пути решения определенной системы задач планирования и управления.

В настоящее время еще одной важной компетенцией, получаемой в ходе управленческого образования, становится понимание перспектив сетевой организации и возможностей ее применения в управленческой практике. Это требует включения в учебный процесс изучения технологий современных сетевых взаимодействий. Развитие сетевой экономики сегодня признается как актуальный тренд, так как на практике часто оказывается, что она более эффективна, чем другие известные формы организации управления. Поэтому одна из важных задач — формирование управленческих знаний студентов на основе исследования свойств сетевой экономики.

Названные явления расширяют содержание управленческой деятельности в современном мире, открывают широкие перспективы для использования междисциплинарных подходов в управленческом образовании, интеграции классического управленческого образования, разработанного в прошедшем веке, и современных достижений психологии, социологии, этики, методов коммуникаций и сетевых взаимодействий, характерных для управленческой среды нынешнего века.

Список литературы

Баева Т. Спорный MBA // HR-Portal. 2004—2013. URL: <http://hr-portal.ru/article/spornyy-mba> (дата обращения: 10.12.2013).

Баденхаузен К. Почему бизнес-образование теряет престиж в США // Forbes. Website. 2013. URL: <http://m.forbes.ru/article.php?id=246091> (дата обращения: 28.01.2014).

Бухарова Г., Старикова Л. Маркетинг в образовании. М., 2010.

Герасименко В.В. Развитие рынка образовательных услуг: новые задачи бизнес-образования // Инновационное развитие экономики России: роль университетов: Мат-лы III Междунар. науч. конф. МГУ имени М.В. Ломоносова / Под ред. В.П. Колесова, Л.А. Тугова. Т. 1. М., 2010.

Герасименко В.В., Ульянова М.Е. Направления модернизации университетского образования с использованием современных форм международного сотрудничества университетов // Вестн. Балтийского федерального ун-та имени И. Канта. Сер. Экономические и юридические науки. 2011. № 3.

Крачок Е. Каких студентов набирают бизнес-школы в период кризиса // HR-Portal. 2011. URL: <http://hr-portal.ru/article/kakih-studentov-nabirayut-biznes-shkoly-v-period-krizisa> (дата обращения: 28.01.2014).

Мициберг Г. Требуются управленцы, а не выпускники MBA. Жесткий взгляд на мягкую практику управления и систему подготовки менеджеров / Пер. с англ. М., 2010.

Муссабетов М. Какова реальная ценность MBA? // HR-Portal. 2013. URL: <http://hr-portal.ru/article/kakova-realnaya-cennost-mba> (дата обращения: 14.12.2013).

Рачковская И. Особенности преподавания логистики на программах дополнительного образования и магистратуры // Научные исследования и образование в области логистики и управления цепями поставок: современное состояние и перспективы развития: Стат. сб. СПб., 2011.

Упатов А. В поисках компетентного менеджера // HR-Portal. 2013. URL: <http://hr-portal.ru/article/v-poiskah-kompetentnogo-menedzhera> (дата обращения: 14.12.2013).

Academic Ranking of World Universities 2012 // ARWU Website. 2012. URL: <http://www.arwu.org> (дата обращения: 29.01.2014).

Branson R. How Much Education Does an Entrepreneur Need? // Virgin Website. 2013. URL: http://www.virgin.com/entrepreneur/how-much-education-does-entrepreneur-need?fb_action_ids=513991018618560&fb_action_types=og.likes&fb_ref=commbbox&fb_source=aggregation&fb_aggregation_id=246965925417366 (дата обращения: 14.12.2013).

Business School Rankings from the Financial Times — Global MBA Rankings 2012 // Financial Times Website. 2012. URL: <http://rankings.ft.com/business-schoolrankings/global-mba-rankings-2012> (дата обращения: 29.01.2014).

Federkeil G. Im Blickpunkt: Praxis-Check 2011 — Wie gut fördern die Neuen Bachelor- und Master-Studiengänge die Beschäftigungsbefähigung? Gütersloh, 2011. URL: http://www.che.de/downloads/Blickpunkt_Praxis_Check_2011.pdf (дата обращения: 29.01.2014).

Friedrich J.-D. Nutzung von Rankingdaten an deutschen Hochschulen. Eine empirische Analyse der Nutzung von Hochschulrankings am Beispiel des CHE Hochschulrankings. Gütersloh, 2013. URL: http://www.che-ranking.de/downloads/CHE_API166_Nutzung_von_Rankingdaten_an_deutschen_Hochschulen.pdf (дата обращения: 29.01.2014).

Gerasimenko V., Ochkovskaya V., Ribalko M. The Lifelong Learning Universities Cooperation — Connecting People Internationally // An Enterprise Odyssey: Corporate Governance and Public Policy — Path to Sustainable Future. Croatia, 2012.

Handelsblatt-Ranking Betriebswirtschaftslehre 2012 // Handelsblatt Online. 2012. URL: <http://www.handelsblatt.com/politik/oekonomie/bwl-ranking/> (дата обращения: 29.01.2014).

Khurana R. From Higher Aims to Hired Hands: The Social Transformation of American Business Schools and the Unfulfilled Promise of Management as a Profession // Princeton University Press Website. 2013. URL: <http://press.princeton.edu/titles/8463.html> (дата обращения: 14.12.2013).

Langer M., Ziegele F. Entwicklung eines Monitoring-Systems für das Hochschulsystem Mecklenburg-Vorpommerns. Gütersloh, 2005. URL: http://www.che.de/cms/?getObject=260&strAction=show&PK_Projekt=271&getLang=de (дата обращения: 29.01.2014).

Mintzberg H. Managers Not MBAs: A Hard Look at the Soft Practice of Managing and Management Development. San Francisco, California, 2004.

Lüde R. van, Roosendaal H., Zalewska-Kurek K., Sporn B., Küpper H.-U., Weber W. Neue Wege der Hochschulgovernance. Hamburg, 2010.

Primus aus der Provinz // WirtschaftsWoche. 2013. N 15. URL: <http://www.ism.de/images/downloads/Artikel.pdf> (дата обращения: 14.12.2013).

Ranking Web of Universities Website. 2012. URL: <http://www.webometrics.info>

Times Higher Education World University Rankings Website. 2012. URL: <http://www.timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/>

Universum Professional Survey // ISM Website. URL: <http://www.ism.de/ism/rankings/universum-professional-survey/> (дата обращения: 14.12.2013).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Л.А. Тутов¹,

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ОБЗОР ИТОГОВ ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ «МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА»

Статья посвящена итогам ежегодной научной конференции «Междисциплинарные исследования экономики и общества», которая была организована Новой экономической ассоциацией и посвящена междисциплинарному взаимодействию по девяти направлениям: методология и философия экономики, экономика и география, экономика и демография, экономика и история, экономика и политология, экономика и право, экономика и социология, экономика и физика, экономика, биология и психология. Конференция дала импульс к усилению взаимодействия экономистов с представителями других наук о природе и обществе — демографами, физиками, социологами, географами, психологами, правоведами.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, региональная экономика, институциональная экономика, общественное разнообразие.

L.A. Tutov,

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

INTERDISCIPLINARY INTERACTION: RESULTS OF THE ANNUAL SCIENTIFIC CONFERENCE OF THE NEW ECONOMIC ASSOCIATION “INTERDISCIPLINARY RESEARCH IN THE ECONOMY AND SOCIETY”

The article addresses the results of the Annual scientific conference of the New economic association “Interdisciplinary research in the economy and society”. The aim of the conference was to provide a comprehensive understanding of interdisciplinary interaction on nine areas: methodology and philosophy of economy; economics and geography; economics and demography; economics and history; economics and political science; economics and law; economics and sociology; economics and physics; economics, biology and psychology. The conference gave the impetus to strengthening the interaction between econo-

¹Тутов Леонид Арнольдович, докт. филос. наук, зав. кафедрой философии и методологии экономики экономического ф-та; тел.: +7 (495) 939-59-42; e-mail: tutov@econ.msu.ru

mists and representatives of other hard and soft sciences — demographers, physicists, sociologists, geographers, psychologists, lawyers.

Key words: interdisciplinary studies, regional economics, institutional economics, society's diversity.

10—11 декабря 2013 г. экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова и Новая экономическая ассоциация (НЭА) совместно провели ежегодную научную конференцию НЭА «Междисциплинарные исследования экономики и общества». Конференция состоялась в новом здании экономического факультета МГУ. В ее работе приняли участие 173 человека, из них 62 — представители МГУ. В рамках секций было сделано 104 доклада.

На пленарной сессии были заслушаны три доклада. Центральная идея, объединившая все выступления сессии, по словам ее ведущего — президента НЭА академика **В.М. Полтеровича**, состояла в том, что только синтез наук позволяет изучить и понять процессы, которые происходят в обществе.

Академик **П.А. Минакир** представил доклад «Тенденции и перспективы развития междисциплинарных исследований: взгляд со стороны региональной экономики». Отметив сложности на пути синтеза знаний, в том числе потерю эффекта специализации проблемной области, П.А. Минакир обобщил информацию о том, что происходит в сфере пространственных исследований региональной экономики. Классическим примером междисциплинарного синтеза и трудностей, которые при этом возникают, являются взаимоотношения между географией, экономической географией и экономикой. В свое время география позаимствовала методы экономики для описания закономерности пространственного распределения экономических агентов, их взаимодействия и поведения. Затем произошло формирование региональной экономики, которая использовала методы экономической географии для выяснения закономерностей пространственного распределения экономических субсистем. Однако обе эти дисциплины по отношению друг к другу позиционировались как внутренне завершенные предметные области, соответственно возникла проблема их интегрирования. Актуальность междисциплинарности проявилась не только на уровне теории, но и на практике. Недооценка неоднородности экономического пространства и рост неопределенности спровоцировали социальную напряженность и провалы в области модернизации. Основная причина такой ситуации заключается в том, что существующие теории описывают некие абстрактные пространства, а реальная экономическая и социальная жизнь протекает в рамках других, иногда совсем иных пространств. Действительная проблема состоит в том, что создание единой экономической тео-

рии пространственного, экономического и общего социального развития, скорее всего, просто невозможно. Для примера, подтверждающего его идеи, П.А. Минакир сравнил два объекта региональной политики на востоке нашей страны (программы развития Дальнего Востока и Байкальского региона), используя метод экономического ранжирования.

Делались и другие попытки междисциплинарного синтеза. Одна из них была представлена в виде программы фундаментального исследования президиума РАН «Фундаментальные программы развития России. Междисциплинарный синтез» (Программа № 28). Предполагалось синтезировать не только результаты, но и сам процесс исследования в рамках экономики крупных экономических зон, распределение пространственно-энергетических и пространственных комплексов и сетей, социального поведения, внешне-экономических потенциалов и взаимодействий, равновесие во многорегиональной экономической среде, природные ресурсы и природопользование в пространственном аспекте. Однако в планировании этих программ было допущено смешение разных принципов: междисциплинарности и комплексности, что не позволило существенно продвинуться в исследованиях.

Еще один проект, «Синтез экономических и технологических региональных прогнозов», не ставил такой самостоятельной задачи, как конструирование всеобъемлющей методологической платформы. Допускалось существование автономной методологической и инструментальной платформ внутри каждого исследовательского блока. А синтетический результат получался в форме интегрального прогноза экономического и социального состояния макрорегиона при задаваемых на прогнозном периоде структурных технологических, социальных, институциональных трансформациях. Сильной стороной данного проекта стало то, что удалось получить интегральный результат междисциплинарных исследований. Слабой стороной, как и в предыдущем случае, было отсутствие единой методологической платформы, и интерфейса между различными дисциплинами в проекте сконструировать так и не удалось. Именно выработка интерфейса, который бы позволил синтезировать результаты проведенного анализа, а также унификация методики междисциплинарного синтеза пространственных исследований являются критически важными пунктами, которые определяют эффективность самой методологии всего этого синтеза.

В современном мире критерий территории уступил место институциональному. Поэтому неслучайно декан экономического факультета МГУ **А.А. Аузан** говорил о тенденциях и перспективах междисциплинарных исследований с позиции институциональной экономики. Его доклад был основан на использовании материалов

трех кейсов, в которых докладчику и его коллегам довелось принимать участие в последние 15 лет. А.А. Аузан сделал предположение, что междисциплинарность возникает в двух случаях. Первый — когда мы имеем объект очень высокой степени сложности и обобщения. А второй — когда мы занимаемся прикладной наукой, внедрением, т.е. превращением результатов научных исследований в политику, право, нормативное регулирование и т.д. Причем в обоих случаях основная проблема заключается в выборе методологии. Важно понимать, что мир состоит не только из серии оптимизационных задач. В нем есть много игровых ситуаций, есть взаимодействие и др. Институциональная экономика не стремится занять место мейнстрима, она претендует на роль новой социальной философии, которая позволяет устанавливать связи между различными направлениями и дисциплинами. Междисциплинарные взаимодействия А.А. Аузан проследил на основе трех кейсов:

- динамика социального контракта;
- альтернативные подходы к оптимизации государственного регулирования (интерпретация опыта реформ);
- гипотезы о неформальных институтах: перспективы применения.

Рассмотрим первый кейс. Социальный контракт есть открытие философов. Экономисты сделали данную тему междисциплинарной, применив экономические модели. Впоследствии идея общественного договора была развернута в теории общественного выбора. Объект исследования оказался сверхсложным, поэтому возникла острая необходимость междисциплинарного взаимодействия. Так, количественные исследования нужно было делать совместно с социологами. Социологи пришли к выводу, что есть три альтернативных способа поведения, связанные с разными типами социального контакта, с ожиданием того, что безопасность вы либо покупаете, либо организуете путем кооперации, либо обеспечиваете политическим образом.

Второй кейс в докладе А.А. Аузана был посвящен программе деbüroкратизации. Важное место в данном исследовании отводилось коллективным действиям и связанным с ними издержкам, которые невозможно объяснить с точки зрения одной лишь экономической теории. Необходима была помощь социологии и политологии. Следовало учитывать политическую и этическую стороны, потому что речь шла о проигрывающих группах, о компромиссах, для того чтобы продвигать реформы. У институциональной теории были определенные преимущества в этой области в виде концепции коллективных действий.

В последнем кейсе рассматривались неформальные институты и перспективы их применения. Анализ проблем модернизации,

подсчеты эконометрики породили идею, что нужно искать воздействие упущенного фактора, что политика и научно-технический прогресс, экономические преобразования не могут объяснить происходящие процессы. Следует учитывать социокультурные факторы (неформальные институты, социальный капитал, права граждан), которые можно измерить через кросскультурные исследования и социометрию. Была высказана идея, что неформальные институты можно внедрять с помощью механизмов социализации в достаточно короткие сроки, тем самым снимая ограничения для мегаэкономической динамики. Для понимания этого процесса необходима не только социология, но и механизмы, описываемые эволюционной биологией.

Завершил пленарную сессию профессор Южного методистского университета (Даллас, США), научный руководитель Лаборатории исследования социальных отношений и многообразия общества Российской экономической школы **Ш. Вебер**. Он представил доклад «Междисциплинарные аспекты измерения и исследования общественного разнообразия». Ш. Вебер заметил: те, кто участвует в работе лаборатории, прекрасно понимают, что междисциплинарные исследования — дело сложное и неблагодарное, поскольку должно сформировать общее понимание, используя разные подходы и методологии. По слова докладчика, проводимые в лаборатории исследования являются по своему характеру теоретическими. В связи с этим возникает вопрос: как использовать теоретический результат для практических целей? Разнообразие в лаборатории изучается в несколько этапов. Первый — аргументация и измерение. Нужно понять, что такое разнообразие, какие его аспекты следует изучать. После этого можно переходить к анализу влияния разнообразия на общественные, политические, экономические процессы, затем рассматривать вопросы распределения разнообразия, которые наиболее актуальны (например, лаборатория занимается изучением социальных сетей).

Ш. Вебер перечислил основные виды разнообразия: историческое, экономическое, лингвистическое, генетическое, религиозное, географическое, культурное. В течение многих лет наиболее активно исследовалось экономическое разнообразие. Однако в последнее время огромный интерес стали вызывать и другие его виды.

Разнообразие может быть полезным, но может приводить к замедлению взаимодействия и в конечном счете к развалу. Должен существовать оптимальный уровень разнообразия, который необходим для развития институтов.

Разнообразие измеряется с помощью разных индексов. Однако любой индекс имеет ограничения с точки зрения идентификации группы, которые Ш. Вебер продемонстрировал на примере этно-

лингвистической карты мира. Для выявления различий вводится понятие «расстояния между искомыми характеристиками», например между языками или религиями. Рисуется ствол дерева. Под этим подразумевается, что все произошло от одного прародителя. Потом создаются ответвления. Две религии, если они разошлись на очень раннем этапе, будут находиться далеко друг от друга на данном дереве, если же на позднем, то расстояние между ними будет маленькое. Таким образом, измерить разнообразие можно, только используя междисциплинарный подход.

После пленарной сессии состоялись секции по следующим направлениям: методология и философия экономики, экономика и география, экономика и демография, экономика и история, экономика и политология, экономика и право, экономика и социология, экономика и физика, экономика, биология и психология.

Ведущий секции «**Экономика и право**» *В.Л. Тамбовцев (докт. экон. наук, профессор, зав. лабораторией институционального анализа экономического ф-та, МГУ)* отметил, что из заявленных 10 были представлены 2 доклада: «*Антиконкурентные соглашения в российской хозяйственной практике*» (*Л.В. Антосик, Волгоградский гос. ун-т*) и «*Выявленные сравнительные преимущества российских товаров как принцип таргетирования государственной поддержки малых экспортеров*» (*И.А. Новиков, Дальневосточный федеральный ун-т*).

В первом докладе наряду с исследованием статистики по делам, возбужденным Волгоградским территориальным управлением ФАС РФ, автор проанализировал отечественное законодательство и сделал следующий вывод: спрос на антиконкурентные соглашения со стороны хозяйствующих субъектов определяется возможностью приобретения ими необоснованных конкурентных преимуществ, незаконных преференций, извлечения дополнительной прибыли, устранения конкурентов с рынка, низкой вероятностью применения наказания, а предложение обусловлено незначительной угрозой наказания чиновников, участвующих в заключении таких соглашений. Соответственно были даны рекомендации по усилению санкций относительно указанных процедур.

Во втором докладе автор, проанализировав состав перечня товарных субпозиций, по которым осуществляется государственная поддержка экспорта продукции малых предприятий с точки зрения значений для них коэффициента выявленного сравнительного преимущества (Revealed Comparative Advantage Index, или RCA), пришел к выводу, что среди товаров более 60% имели крайне низкий RCA ($< 0,1$) с соответственно крайне низкими перспективами выстоять в международной конкурентной борьбе, хотя достаточно большое число промышленных товаров с высоким RCA остается вне перечня: на каждую товарную позицию с $RCA > 0,5$ в перечне

приходится 1,6 товарной позиции вне его. Соответственно автор рекомендовал классифицировать предприятия в зависимости от RCA выпускаемой ими продукции. В случае $RCA > 1$ должна иметь место ограниченная поддержка государства, направленная в основном на стимулирование развития новой продукции. Наибольшую поддержку должна иметь группа предприятий с $0,5 < RCA < 1$, а группа с $RCA < 0,5$ может получать поддержку по остаточному принципу, так как она фактически отвлекает ресурсы без должной отдачи.

Секция «**Экономика и демография**» (*ведущий — М.Б. Денисенко, канд. экон. наук, зам. директора, Институт демографии НИУ ВШЭ*) привлекла к себе большое внимание профессионального сообщества. За два дня работы на секции выступили 35 ученых, половина из которых представляла экономический факультет МГУ, остальные — другие вузы России и стран ближнего зарубежья. Большую часть докладов секции можно разбить по следующим тематическим блокам: социально-экономические последствия демографических изменений, миграция и экономика, эффективная семейная и демографическая политика, экономико-демографические проблемы регионов России и зарубежных стран.

Во всех выступлениях были озвучены положения, представляющие собой научный или практический интерес. Но среди них особо выделялось несколько докладов, сочетающих элементы как фундаментальных, так и прикладных исследований, и в полной мере соответствующих междисциплинарному характеру конференции. Так, в докладе «*Социальное страхование и вызовы демографии: какую модель социального обеспечения выберет Россия в XXI веке*» *В.Д. Рошк (НИИ труда и социального развития Минтруда РФ)*, опираясь на факты истории и современные особенности функционирования института обязательного социального страхования в экономически развитых странах, показал, что в России в XX в. оно играло вспомогательную роль. Сейчас система социального страхования находится на этапе становления, который отягощен старением населения. В результате быстрого роста доли пенсионеров в общей численности населения при сохранении существующей модели социального обеспечения потребуется увеличение бюджетных дотаций примерно на 0,3% ВВП в год, а общая величина бюджетных расходов на социальное обеспечение к 2025 г. приблизится к величине 17% ВВП. Это неподъемно для экономики страны. По мнению докладчика, для решения имеющихся в этой сфере вопросов необходимо сформировать современную модель социального обеспечения, которая позволит достичь социального согласия в обществе по социальным стандартам социального обеспечения и установить обязанности трех субъектов, участвующих в финансо-

вом обеспечении этих стандартов, — работников, работодателей и государства.

В.А. Архангельский (экономический ф-т, МГУ) привел данные социологического исследования, проведенного им и его коллегами в 2013 г. в нескольких регионах, и на их основе оценил демографическую результативность мер экономической поддержки семей с детьми в России. По его расчетам, результаты мер демографической политики, реализация которых началась в 2007 г., выражаются в 40% от прироста вторых и последующих рождений. Наибольшее влияние на рождаемость оказал федеральный материнский капитал.

Е.Я. Варшавская (НИУ ВШЭ) в своем выступлении «*Неформальные работники: россияне vs мигранты*» поделилась результатами сравнительного анализа основных характеристик неформальной занятости по найму российских и иностранных работников. Эмпирической базой исследования были данные РМЭЗ и обследование 8,5 тыс. мигрантов (проведено в 2011 г. Центром этнополитических и региональных исследований по заказу НИУ ВШЭ). Докладчик указала, что в России *сформировался* такой сегмент рынка труда, в котором работающие имеют высокие риски неоформленного найма независимо от наличия/отсутствия у них российского гражданства. В указанный сегмент входит более половины иностранных работников. Из российских граждан, работающих по найму, не имеют оформленных трудовых отношений почти 10%. Среди неформальных наемных работников преобладают мужчины молодого возраста с невысоким уровнем образования. Неформальная занятость по найму востребована по большей части на низкоквалифицированных работах и имеет выраженную отраслевую специфику (сфера обслуживания, торговля и строительство — отрасли с высокоэластичным спросом). Основные характеристики неформального найма российских и иностранных работников практически полностью идентичны как с точки зрения социально-демографического профиля неформалов, так и с точки зрения приложения их труда. Заработные платы российских и иностранных неформальных работников статистически значимо не различаются.

О.С. Чудиновских (экономический ф-т, МГУ) в докладе «*Источники данных для исследования трудовой миграции*» обратила внимание на важный методологический принцип изучения трудовой миграции: нельзя изучать и учитывать только трудовую миграцию вне общего контекста иммиграционных и эмиграционных процессов. Для объективных научных исследований, которые должны формировать адресную и эффективную миграционную политику, нужна более разнообразная и корректная статистика об иностранных работниках, постоянно проживающих и временно пребывающих в России. Для этого, по мнению автора доклада, требуется:

- 1) проведение национальных специализированных обследований;
- 2) развитие миграционного модуля в исследованиях занятости и его включение в обследование домашних хозяйств;
- 3) использование статистики стран, отдающих мигрантов, для более полной оценки нелегальной составляющей, и статистики стран, принимающих граждан РФ, для оценки масштабов трудовой эмиграции;
- 4) совершенствование центрального банка данных, поддерживаемого в ФМС России.

Учитывая содержание докладов и последовавших за ними дискуссий, работу секции следует признать успешной. Заседание позволило выделить те проблемы, которые существуют в отечественной науке в области изучения взаимосвязей экономических и демографических явлений. Главная из них состоит в том, что многие исследования только по названию претендуют на статус междисциплинарных. Это объективная реальность наших дней. Причины подобного положения дел, по мнению участников секции «Экономика и демография», кроются как в нехватке информации (прежде всего микроданных), что ограничивает возможности применения современных методов анализа, так и в недостатках действующей системы подготовки кадров — экономистов и демографов.

На секции «*Экономика, биология и психология*» (*ведущий — С.Н. Бобылев, докт. экон. наук, профессор, руководитель Центра биоэкономики и инноваций экономического ф-та, МГУ*) выступили 12 докладчиков. В центре внимания оказались вопросы взаимодействия экономики и психологии. В большинстве докладов рассматривались проблемы, связанные с институциональной экономикой, что объединяло работу данной секции с секцией «Экономика и право». Особый интерес в этой области вызвал доклад *М.А. Пивоваровой (Финансовый ун-т при Правительстве РФ)* «*Экономика и психология: институциональное взаимодействие*».

Многие выступавшие затронули вопросы поведенческой экономики и модели экономического поведения. В данном ракурсе были рассмотрены: система образования в контексте выбора магистерской программы; психологические основы моделей потребления; дифференциация потребительского поведения; применение нейролингвистического программирования и трансактного анализа и т.д. В нескольких докладах в центре внимания оказались экономико-психологические механизмы, в частности необходимые для обеспечения инновационного развития и адаптивности экономических агентов, а также национальной безопасности.

Ведущие секции «*Экономика и история*» *Ю.П. Бокарев (докт. ист. наук, зав. сектором экономической истории, Институт экономики РАН)* и *А.Г. Худокормов (докт. экон. наук, проф., зав. кафедрой истории*

народного хозяйства и экономических учений экономического ф-та, МГУ) предоставили возможность выступить семи докладчикам: Н.А. Розинской (МГУ) — «Институты стабильности и институты развития»; В.А. Погребинской (МГУ) — «Перспективы развития истории экономики»; Ю.П. Страгису (УрГУ им. А.М. Горького) — «Теория исторического формирования и развития рыночной экономики»; А.А. Мальцеву (УрГЭУ) — «Ситуативный характер монетаристского “мятежа”»; М.Г. Покидченко (МГУ) — «Роль экономических циклов в оценке и прогнозировании истории»; И.В. Дерюгиной (Институт востоковедения РАН) и В.Г. Растяникову (Институт востоковедения РАН) — «Большие циклы Н.Д. Кондратьева в сельском хозяйстве (на примере России)».

Работа секции была посвящена преимущественно двум темам — теоретическим и методологическим проблемам экономической истории и циклическим колебаниям экономической динамики. В докладах и при их обсуждении были высказаны весьма конструктивные идеи.

В области теории большое внимание было уделено институционализму. Так, Н.А. Розинская разделила институты на обеспечивающие стабильность и определяющие развитие. С этих позиций она предложила свою классификацию обществ. Во время обсуждения доклада Н.А. Розинской участники обратили внимание на условность такого разделения и необходимость равновесия между стабильностью и развитием.

В.А. Погребинская особое внимание уделила альтернативной истории. В ходе дискуссии были выявлены нерешенные проблемы изучения исторических альтернатив.

Главной темой обсуждения циклических колебаний стали большие циклы конъюнктуры Н.Д. Кондратьева. По мнению М.Г. Покидченко, в настоящее время мировая экономика оказалась в фазе спада большого цикла (2005—2025 гг.). В рамках последовавшей далее дискуссии были выдвинуты аргументы против существования и интенсивности больших циклов в настоящее время.

И.В. Дерюгина, основываясь на данных об урожайности в России, высказала предположение о наличии 50-летних циклов в урожаях зерновых хлебов. Дискурсанты отметили примерное совпадение полученных данных с большими циклами конъюнктуры Н.Д. Кондратьева, что может указывать на их аграрное происхождение. После обсуждения докладов состоялась дискуссия о постиндустриальном развитии и его соотношении с цивилизационными теориями.

На секции «*Методология и философия экономики*» (ведущие — О.И. Ананьин, канд. экон. наук, проф. кафедры экономической мето-

дологии и истории, НИУ ВШЭ; Л.А. Тутов, зав. кафедрой философии и методологии экономики, зам. декана экономического ф-та, МГУ) выступили 13 докладчиков, которые представляли экономический факультет МГУ, НИУ ВШЭ, ГУУ, Челябинский государственный университет, Институт экономики РАН, Киевский национальный экономический университет имени В. Гетьмана.

Секционные доклады содержательно можно разделить на несколько групп.

1-я группа — *общетеоретические выступления*, которые были посвящены онтологическим, эпистемологическим и методологическим аспектам экономики, истории экономической мысли (советской экономической науке), судьбе терминов «прогресс» и «отчуждение», морали как экономической категории.

2-я группа — *выступления, посвященные* вопросам управления с позиции институционального подхода, концептуальным подходам к осмыслению правового регулирования предпринимательской деятельности, анализу международной торговли в современных неоклассических и гетеродоксальных теориях.

3-я группа — *выступления, посвященные* экономическому образованию и его взаимосвязи с моделью сознания, человеческому и социальному капиталу.

В общем же все три группы объединяет одна тема — роль морали в современной экономике.

В ходе заседания было задано много интересных вопросов, которые позволили найти точки пересечения экономической теории и философии, показать специфику экономической методологии, переосмыслить значение советской экономической науки. Примечательно, что наблюдается встречное движение экономической и философской мысли, экономики и права, философии и управления. Экономика приобретает междисциплинарное лицо. Однако есть сложности, которые связаны с глубиной понимания взаимоотношений экономики и философии, корректностью использования общеполитической методологии, с ее отличиями от экономической методологии.

Ведущие секции «*Экономика и география*» П.А. Минакир (академик РАН, член президиума ДВО РАН, директор, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН) и Н.В. Зубаревич (докт. геогр. наук, проф. кафедры экономической и социальной географии географического ф-та МГУ, директор региональной программы Независимого института социальной политики, эксперт Программы развития ООН) отметили, что из 12 отобранных на предварительном этапе докладчиков выступило только 7. Географическую науку представлял один докладчик, остальные были экономисты.

Изначальная идея секции заключалась в том, чтобы обсудить междисциплинарные связи, результаты, которые при этом получают, и послушать основных фигурантов. Однако произошло вытеснение междисциплинарных исследований региональной экономикой. Одной из возможных причин стала процедура предварительной селекции, когда были отобраны заявки, представленные в основном экономистами. Сказалась и слабая информированность географов из академической среды и географического факультета МГУ.

На секции «**Экономика и политология**» (ведущий — Г.Н. Бутырин, докт. филос. наук, проф. кафедры истории и теории политики ф-та политологии, МГУ) выступили 9 докладчиков. При обсуждении выступлений развернулась дискуссия о проблемах философии хозяйства, миссии современных бизнес-организаций и ее значении в разработке стратегии развития компаний и совершенствования корпоративных отношений. В ряде выступлений затрагивались вопросы политической ценности российской приватизации, социальной ответственности бизнеса, гуманитарных аспектов экономики в социальном государстве. Прикладные аспекты взаимосвязи экономики и политики были рассмотрены в докладах о тарифной политике в сфере ЖКХ и электорального поведения избирателей. В выступлениях Е.А. Капогузова (Омский гос. ун-т имени Ф.М. Достоевского), И.Э. Фролова (Институт народнохозяйственного прогнозирования, РАН), Г.А. Ахинова (экономический ф-т, МГУ), В.Т. Рысина (Москва) были озвучены проблемы повышения эффективности деятельности государственных и муниципальных органов власти по активизации инвестиционной политики в регионах.

Секция «**Экономика и физика**», которую вел А.В. Леонидов (докт. физ.-мат. наук, вед. науч. сотр. сектора физики высоких энергий, Физический институт им. П.Н. Лебедева), была посвящена поиску точек соприкосновения методов и задач теоретической физики и экономики и социологии.

Вступительный доклад А.В. Леонидова содержал обзор отдельных социально-экономических проблем, в решении которых успешно применялся методологический инструментарий, заимствованный из физики. Были, в частности, рассмотрены свойства ценовой динамики на бирже, обусловленные фундаментальными чертами непрерывного двойного аукциона, связь между задачей по формированию общественного мнения и физикой неупорядоченных магнетиков и т.д.

В ходе выступления И.Г. Поспелова (член-корр. РАН, ВЦ РАН) в рамках разработанного им формализма обсуждалась изящная конструкция, позволяющая произвести естественное разбиение пространства экономических агентов на функциональные блоки (производство, банки и т.д.).

Макроэкономический фазовый переход, разделяющий эффективную и неэффективную экономику в кинетической макроэкономической модели, был описан в докладе Д.С. Чернавского (ФИАН).

В.А. Мальшев (механико-математический ф-т, МГУ) с соавторами рассмотрели на уровне динамики книги заявок, наиболее важные свойства высокочастотной динамики финансовых рынков и возможности их математического моделирования.

С.М. Апенко (ФИАН) посвятил свой доклад описанию нетривиального обобщения энтропии для задачи стохастической экономики обмена. Энтропия играла ключевую роль и в завершающем секцию выступлении С.А. Дзюбы (ИРГТУ), в котором автор вынес на обсуждение такую проблему, как потеря управляемости фирмы, являющаяся следствием усложнения ее внутренней структуры.

Ведущие секции «**Экономика и социология**» Р.П. Колосова (докт. экон. наук, проф., зав. кафедрой экономики труда и персонала экономического ф-та, МГУ) и В.В. Радаев (докт. экон. наук, проф., проректор НИУ ВШЭ) организовали обсуждение целого ряда актуальных научных проблем в рамках междисциплинарного подхода. Так, рассматривались: принципы методологического индивидуализма и холизма; категории «экономический человек» и «социальный или социологический человек»; соотношение объективного и субъективного знания в междисциплинарных исследованиях; концепции человеческого капитала и социального государства в их взаимосвязи; роль социально-психологических типов в формировании макроинститутов и т.д. Иллюстрацией применения междисциплинарного подхода в социально-экономических исследованиях стали формирование кадрового потенциала в соответствии с потребностями рынка Свердловской области; интернализация внешних экологических эффектов автотранспорта в Москве; международный опыт создания информационных интернет-ресурсов по профессиям и т.д. Особый интерес вызвало обсуждение следующих вопросов:

— необходимость использовать расширенный системный подход как методологическое основание для междисциплинарных исследований социально-трудовых отношений. Были рассмотрены особенности этой методологии, показано, в чем конкретно выражается расширение системного подхода, противоречат ли друг другу узкоспециальные исследования или дополняют знание, полученное в рамках каждой из дисциплин;

— возможность использовать категорию «счастье» как ценность и индикатор эффективной социальной политики. В частности, обсуждалось, как экономические и социальные факторы влияют (или не влияют) на ощущение счастья;

— рассмотрение процесса адаптации агропромышленного комплекса России к условиям ВТО с позиции интересов различных социальных групп, что представило проблему вступления России в ВТО с социальной стороны;

— является ли социальная зависимость следствием экономической (данная идея сформировалась на основе сравнения поведения российских и американских студентов). При этом обнаружилась субъективность восприятия и социальной, и экономической зависимостей.

На *заключительном заседании* были подведены итоги работы конференции и сделаны следующие выводы:

1. Работа секций показала, что по различным направлениям научных исследований интенсивность междисциплинарного взаимодействия разная. Дискуссии на секциях «Экономика и социология» и «Экономика и демография» продемонстрировали большой интерес исследователей и реальные успехи на пути междисциплинарного синтеза, что неслучайно, так как на экономическом факультете действует мощная демографическая школа, а НИУ ВШЭ известна своими исследованиями в сфере экономической социологии.

2. Конференция дала импульс к усилению взаимодействия физиков и экономистов, историков и экономистов и в целом имела позитивное значение.

3. Была недооценена роль предварительной селекционной работы по отбору докладов, а также по привлечению приглашенных докладчиков.

Идеи и предложения конференции будут развиты на седьмой Международной научной конференции «Инновационное развитие экономики России: междисциплинарное взаимодействие», которая состоится 16—18 апреля 2014 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Н.И. Васильева¹,

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРЕИМУЩЕСТВА, УГРОЗЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена итогам секции «Глобальная экономика», состоявшейся в рамках третьего Международного научного конгресса «Глобалистика-2013». Представители различных вузов, научных учреждений и ТПП России, Казахстана, Украины и Азербайджана обсудили проблемы экономической безопасности России, вопросы влияния миграции и демографических процессов на темпы экономического роста в условиях глобализации, особенности развития мировых кризисов и тенденции формирования глобального рынка образовательных услуг.

Ключевые слова: глобализация, экономическая безопасность, экономический рост, демография, глобальный рынок образовательных услуг.

N.I. Vasilieva,

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

MODERN GLOBALIZATION OF ECONOMY: ADVANTAGES, THREATS AND PROSPECTS

The article addresses the results of the section “Global economy” at the 3rd International scientific congress “Global studies-2013”. Representatives of different universities and research institutions, the CCIs of Russia, Kazakhstan, Ukraine and Azerbaijan were discussing problems of economic security in Russia, influence of migration and demography on economic growth in the context of globalization, peculiarities of global crises development and trends in global educational industry.

Key words: globalization, economic security, economic growth, demography, global educational industry.

23—25 октября 2013 г. в Московском государственном университете по инициативе факультета глобальных процессов прошел третий Международный научный конгресс «Глобалистика-2013», приуроченный к празднованию 150-летия со дня рождения В.И. Вернадского. В рамках этого конгресса 24 октября состоялось заседание научной секции № 7 «Глобальная экономика». В ее работе приняли участие представители различных вузов, научных учреждений

¹ *Васильева Нина Ивановна*, канд. экон. наук, доцент кафедры глобалистики ф-та глобальных процессов; тел.: +7 (903) 760-67-46; e-mail: vasilieva-msu@yandex.ru

и ТПП России, Казахстана, Украины и Азербайджана. На секции были рассмотрены проблемы экономической безопасности России, вопросы влияния миграции и демографических процессов на темпы экономического роста в условиях глобализации, особенности развития мировых кризисов и тенденции формирования глобального рынка образовательных услуг.

Оценка первых итогов вступления России в ВТО и анализ критериев экономической безопасности страны в условиях глобализации мирового хозяйства стали ключевыми темами докладов на секции «Глобальная экономика» Международного научного конгресса «Глобализация 2013».

С.В. Кайманак (канд. экон. наук, вед. науч. сотр. кафедры политической экономики, экономического ф-та, МГУ) в докладе «Россия в ВТО: первые итоги и угрозы предстоящего периода» обратил внимание на то, что в первом полугодии 2013 г. внешнеторговый оборот России в абсолютном выражении сократился на 2,9 млрд долл. при уменьшении экспорта на 9,6 млрд долл. и увеличении импорта на 6,8 млрд долл. Положительное сальдо торгового баланса снизилось до 91,6 млрд долл. против 108,3 в 2012 г. Прирост ВВП в России во II квартале 2013 г. по сравнению с II кварталом 2012 г. составил 1,2% против 7,5% в Китае. Все это указывает на то, что необходимо принимать и реализовывать систему мер по смягчению негативных последствий членства России в ВТО. Среди внутренних угроз экономической безопасности С.В. Кайманак отметил ежегодное снижение численности населения трудоспособного возраста на 1 млн человек и рост бюджетного дефицита. По его мнению, сокращение дефицита с помощью методов бюджетной консолидации будет сдерживать совокупный спрос и приведет к потере темпов экономического роста. Положение может осложниться и в результате изменения мирового энергетического баланса: освоение запасов сланцевых углеводородов может повлиять на объемы спроса и уровень цен. Серьезной внешней угрозой является нестабильное развитие мировой финансовой системы. В связи с этим, заключил С.В. Кайманак, России необходимо в момент перехода развитых стран мира к новому технологическому укладу активно включиться в данный процесс.

И.С. Золкин (соискатель кафедры мировой экономики, экономического ф-та, МГУ) в докладе «Повышение технологического уровня экономики России как ключевой фактор обеспечения внешнеэкономической безопасности в условиях ее членства в ВТО» отметил, что вступление России в ВТО дает ей возможность использовать выгоды полноправного членства в своих национальных интересах. Для этого необходимо кардинально повысить технологический уровень экономики. В 2012 г. в Москве был создан Центр иннова-

ционного развития, разработана Московская программа инкубирования технологий, открыта инновационная площадка Московской межбанковской биржи (аналог NASDAQ). В результате проделанной работы Москва в рейтинге «Топ 100 городов мира для инновационной экономики» смогла подняться со 192-го места (2011 г.) на 74-е (2012—2013 гг.). Для успешного развития технологий, по мнению докладчика, необходимы долгосрочные инвестиции и поддержка государства.

Е.А. Сидорова (канд. экон. наук, науч. сотр., Ярославский госуниверситет им. П.Г. Демидова) в сообщении «Усиление процессов глобализации мировой экономики и вовлеченность в них России» отметила, что Россия за последнее десятилетие стала эффективно интегрироваться в систему мирохозяйственных связей. Индекс глобализации России в 2004—2010 гг. увеличился на 1,37. Согласно оценкам экспертов Всемирного экономического форума, риски глобализации для России следующие: риск отставания в глобальном управлении — 0,27, риск сокращения доли страны в мировой торговле — 0,52 (значения рисков определены в диапазоне от 0 до 1). Указанные показатели характеризуют участие страны в работе институтов глобального руководства.

И.П. Мамий (доц. кафедры статистики, экономического ф-та, МГУ) и **М.А. Иващенко** (соискатель кафедры статистики, экономического ф-та, МГУ) в докладе «Критерии и уровни оценки экономической безопасности государства» рассказали об исследованиях Института экономики РАН в области формирования системы показателей экономической безопасности, в которых были выделены три группы критериев — макроэкономические, отраслевые пороговые и индексы уровня жизни (индекс Хиршмана — Герфиндаля, коэффициент Джини). По мнению выступавших, для своевременного предотвращения угроз национальным экономическим интересам России целесообразно проводить непрерывный мониторинг экономической безопасности.

М.Л. Лифшиц (аспирант, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН) представила доклад «Влияние миграции и демографических процессов на экономическое развитие». В ходе выступления она назвала наиболее значимые факторы, характеризующие миграцию:

- 1) уровень нетто-миграции,
- 2) доля мигрантов в населении страны,
- 3) уровень образования мигрантов,
- 4) доля сальдо личных денежных переводов в ВВП.

Докладчик сделала вывод, что экономический рост в значительной степени зависит от уровня естественного воспроизводства трудовых ресурсов (ЕВТР). Показателем уровня ЕВТР является

соотношение возрастных групп 0—14 лет и 50—64 года в начале каждого 15-летнего периода за 1970—2012 гг. Чистый отток населения приводит к ускорению экономического роста в странах с высоким уровнем ЕВТР. В странах с высоким уровнем ЕВТР и отрицательной нетто-миграцией темпы экономического роста снижаются из-за оттока квалифицированных специалистов.

Н.И. Стецко (*магистрант, Дальневосточный федеральный ун-т*) в докладе «Экономический потенциал России в Азиатско-Тихоокеанском регионе» отметил, что сотрудничество в этом регионе имеет большие перспективы для России, так как на его долю приходится 54% мирового ВВП.

Другими обсуждаемыми темами научной секции стали особенности развития мировых кризисов в XX в. и специфика формирования шестого технологического уклада новой глобальной экономики.

И.А. Назарова (*канд. экон. наук, доц. кафедры экономики и организации производства, МИТХТ им. М.В. Ломоносова*), выступавшая с докладом «Исторические аспекты мирохозяйственного развития Европы: особенности кризисных явлений на начальном этапе экономической глобализации», провела ретроспективный анализ моделей мировых кризисов в работах известных российских экономистов за последние 130 лет. Она отметила, что череда мировых кризисов началась с 1857 г. Далее И.А. Назарова проанализировала мировой кризис 1883 г. по модели А.И. Чупрова, который выделил главные экономико-технологические факторы его развития — технологические инновации, снижение транспортных издержек, рост тарифов и перемещение отдельных производств на экономическую периферию. В качестве специфических особенностей кризиса 1883 г. А.И. Чупров называл следующие:

- 1) длительное снижение цен не приводило к сокращению производства и расширению потребления;
- 2) кризис развивался в условиях обилия свободных капиталов и резкого снижения ссудного процента.

Обилие свободных дешевых капиталов (на уровне 2%) создавало условия для искусственного расширения производства и цепи частных банкротств, охвативших мировое хозяйство. Стабильное снижение цен А.И. Чупров считал результатом развития технического прогресса и депрессии в сельском хозяйстве.

В приведенном анализе А.И. Чупрова просматривались черты мировых хозяйственных кризисов, которые были более детально исследованы Н.Д. Кондратьевым в начале XX в.

Такие ученые, как М.И. Туган-Барановский, М.И. Боголепов, И.А. Трахтенберг, изучавшие кризисы периода военной экономики 1914—1918 гг., считали, что сужение предложения товаров и сырья из-за сокращения импорта нарушало довоенное рыночное равно-

весие. Демонетизация золота, новые методы финансирования бюджетного дефицита с помощью бумажно-денежной эмиссии в условиях единства рынков ссудного капитала ускоряли процессы глобализации мирового хозяйства. Кризис 1920 г., по мнению А.А. Соколова и С.А. Первушина, начался с отраслей, выпускавших товары народного потребления, и сопровождался таким редким явлением, как «золотая инфляция», которая развивалась даже в нейтральных странах (Швеция, Испания). Современный кризис, по оценкам академика РАН С.Ю. Глазьева, есть результат перехода к шестому технологическому укладу, в котором более 50% ВВП будет приходиться на гуманитарные сферы экономики (здравоохранение, науку, образование).

И.А. Назарова обратила внимание на синхронность фаз больших циклов и мировых кризисов и пришла к заключению, что развитие мировых кризисов совпадает с моментами «вызревания» новых технологических укладов. Каждый новый уклад менял качество мирохозяйственных связей и укреплял позиции государства как сильного институционального субъекта рынка.

А.А. Гамзаев (*докт. философии, директор Астаринского лицея, член Российского философского общества (Азербайджан)*) в докладе «Глобальная экономика» отметил, что формирование глобальной системной целостности мира в настоящее время происходит в виде экспансии институтов капитализма, которая проявляется как интеграция рынков и транснациональных производств. Ускорение темпам глобализации сообщают финансовые рынки. Глобальные потоки капитала все меньше зависят от функционирования национальных экономик, они не подчиняются экономическим законам всецело и лишь частично реагируют на изменения спроса и предложения. Возрастающая концентрация стоимости в финансовой сфере, капиталы, управляемые информационными системами, образуют основу новой глобальной экономики. Следствием такой концентрации ресурсов на некоторых территориях является сегментация мирового хозяйства, ведущая к глобальному неравенству и социальной дискриминации.

Процесс развития международного рынка образовательных услуг, его роль в условиях формирования нового технологического уклада проанализировала в докладе «Развитие международного рынка образовательных услуг: роль и место России» **Н.И. Васильева** (*канд. экон. наук, доц. кафедры глобалистики, ф-т глобальных процессов, МГУ*). Рынок образовательных услуг, активно развивающийся в течение последних шестидесяти лет, в настоящее время, по оценкам Всемирной торговой организации (ВТО), имеет емкость 50—60 млрд долл. Устойчивый лидер этого рынка — США, которые контролируют почти треть мирового финансового оборота образовательных услуг.

Второе место принадлежит Англии, третье место разделили Германия и Франция (чуть более 10%). Список лидеров завершают Австралия, Канада и Испания, на долю которых приходится по 7—8%. Ведущие позиции по продажам на данном рынке занимают услуги по предоставлению высшего образования иностранным студентам, дистанционного образования, учебных CD-дисков и языковых курсов. По международной шкале студенческих предпочтений, выше всего ценится бизнес-образование (экономика, маркетинг, менеджмент). Вместе с иностранными студентами в национальные экономики приходит 110—120 млрд долл., из которых половина идет в учебные заведения.

Экспортно-импортные операции на рынке образовательных услуг регулируются с помощью финансово-правовых механизмов. Доля России на мировом рынке образования по числу студентов составляет 4—5%. В нашей стране учится около 100 тыс. иностранцев, что дает ежегодный доход в 150—200 млн долл. Таким образом, Россия контролирует 0,5% мирового рынка образовательных услуг. Для сравнения следует отметить, что в США учится 600 тыс. иностранных студентов, в странах Европы — примерно столько же, в Австралии и Новой Зеландии — около 200 тыс. человек. Н.И. Васильева подчеркнула, что экономисты оценивают объем потенциального экспорта российского высшего образования в 540 млн долл.

Отечественное образование считается достаточно конкурентоспособным, так как индекс уровня образования в нашей стране в последние годы стабилен и составляет 0,92. К преимуществам отечественных образовательных услуг исследователи относят солидный опыт обучения иностранных студентов, фундаментальность российского образования и его дешевизну (до 5 тыс. долл. в год при среднем мировом уровне цен в 10 тыс. долл.).

В настоящий момент Россия может предлагать как минимум два типа продуктов — обучение по наукоемким специальностям с системным пониманием предмета (математика, физика, биология) и по массовым специальностям (социология, менеджмент, медицина).

Для дальнейшего успешного освоения мирового рынка, по мнению докладчика, России необходимо создавать национальную образовательную корпорацию, которая будет продвигать российское образование на международном образовательном рынке.

Помимо перечисленного выше на заседании секции обсуждались проблемы эколого-экономической безопасности мирового хозяйства.

Е.В. Мелокумов (*Московское общество испытателей природы*) в докладе «Геоэкологическая экономика как экономика ноосферная и этическая (на пути междисциплинарного синтеза и диалога культур)» рассказал о важности обоснованного В.И. Вернадским понимания ноосферы как принципиально нового этапа истории

человечества. Это понимание приводит к возникновению нового взгляда на методологию междисциплинарных исследований и взаимодействие науки, социальной философии и религии. Экологическая рациональность в экономике нового типа получает обоснование в модели субстанциональных мировых денег. Дзета-функция числового массива Е.В. Щепина позволяет определить энергетическую функцию состояния мировой экономической системы (с введением параметров автотрофно-экологической полезности индивидуальных инвестиций и потребления, энергоемкости в стоимостном выражении). Результатом является разработка подхода к непротиворечивому определению показателей экономического роста и производительности труда на языке согласованной системы ресурсно-структурных денег. С точки зрения принципов экологической рациональности и автотрофно-экологической эффективности (с учетом рисков антропогенного влияния на среду обитания) можно оценить приоритетность технологий, использующих возобновляемые источники энергии.

Г.А. Кундеева (*канд. экон. наук, доц., Национальный ун-т пищевых технологий (Украина)*) в докладе «Решение продовольственной безопасности: Украина и мировая экономика» отметила, что производство продовольственного сырья отстает от темпов роста населения. Биосфера способна прокормить лишь 1 млрд человек. Решить продовольственную проблему представляется возможным с помощью биотехнологий. Но в этой связи возникает вопрос о безопасности ГМ-продуктов для здоровья населения. По оценкам экспертов, в 2012 г. в Украине 40% продуктов, продаваемых в магазинах, содержали ГМ-компоненты (лидируют колбасные, кондитерские, хлебобулочные изделия и детское питание). В 70% всего детского питания содержатся ГМ-компоненты. Пока согласие достигнуто в одном: и приверженцы и противники применения агробiotехнологий считают, что необходимо обязательно информировать потребителей о содержании ГМО, чтобы они могли сделать правильный выбор.

Подводя итоги обсуждения 35 научных докладов, представленных на секции, следует отметить их концептуальную целостность, высокий научный уровень и актуальность проблематики, что способствует формированию особого интегративного подхода к анализу глобализации экономических процессов и важнейших социально-экономических аспектов глобализации. Руководству Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и факультету глобальных процессов удалось провести конгресс «Глобалистика-2013» на высоком уровне. Научные исследования в данном направлении будут продолжены и представлены на четвертом Международном конгрессе «Глобалистика-2014».

Требования к статьям, принимаемым к публикации журналом «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях, соответствовать профилю и научному уровню журнала. Решение о тематическом несоответствии может быть принято редколлегией без специального рецензирования и обоснования причин.

Подача статьи осуществляется в электронном виде на адрес электронной почты редакции econeditor@econ.msu.ru. Статья должна быть представлена в формате MS Word стандартным шрифтом (№ 12) на русском языке через полтора (компьютерных) интервала. Рекомендуемый объем статьи от 30 тыс. до 40 тыс. знаков (с пробелами).

Статья должна начинаться с аннотации (100—250 слов) и ключевых слов (не более 8) на русском и английском языках. В аннотации должны быть указаны предмет и цель работы, методология, основные результаты исследования и выводы. Несоответствие между русской и английской аннотацией не допускается.

К статье необходимо приложить сведения об авторе (авторах) в отдельном файле: полные фамилия, имя и отчество, основное место работы (учебы), занимаемая должность; ученая степень, звание; контактный телефон и адрес электронной почты.

Название статьи (не более 10 слов) и сведения об авторах должны быть представлены на русском и английском языках

Структура статьи должна строиться по принятым в международном сообществе стандартам: введение (постановка проблемы по актуальной теме, цели и задачи, четкое описание структуры статьи), основная часть (обзор релевантных научных источников, описание методологии, результаты исследования и их анализ), заключение (выводы, направления дальнейших исследований), список литературы.

Список литературы должен содержать библиографические сведения обо всех публикациях, упоминаемых в статье, и не содержать указаний на работы, на которые в тексте нет ссылок. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке). Дополнительно должен прилагаться список русскоязычных источников в романском алфавите (транслитерация). Программой транслитерации можно воспользоваться на сайте <http://www.translit.ru>.

Ссылки на Список литературы даются в тексте в следующем виде: [Oliver, 1980], [Porter, 1994, p. 45], [Иванов, 2001, с. 20], [Porter, 1994; Иванов, 2001], [Porter, Yansen, 1991b; Иванов, 1991]. Ссылки на работы трех и более авторов даются в сокращенном виде: [Гуриев и др., 2002] или [Bevan et al., 2001]. Ссылки на статистические сборники, отчеты, сборники сведений и т.д. даются в виде: [Статистика акционерного дела..., 1898, с. 20], [Устав..., 1992, с. 30], [Статистические сведения..., 1963].

Все данные должны иметь сноски на источник их получения, а таблицы должны быть озаглавлены. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут в соответствии с законодательством РФ авторы статей.

Статьи, соответствующие указанным требованиям, регистрируются, им присваивается регистрационный номер (сообщается по электронной почте).

Отклоненные статьи не возвращаются авторам. В случае отказа в публикации статьи автору направляется мотивированный отказ, основанный на результатах рецензирования. По запросам авторов рукописей и экспертных советов в ВАК редакция представляет соответствующие рецензии по статье без указания имен рецензентов.

Автор дает согласие на воспроизведение на безвозмездной основе в сети Интернет.

Журнал является открытым: любой автор независимо от гражданства, места работы и наличия ученой степени имеет возможность опубликовать статью при соблюдении требований редакции.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается. Плата за публикацию рукописей не взимается.

Адрес редколлегии: Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й учебный корпус, экономический факультет, ком. 326. email: econeditor@econ.msu.ru